

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

№ 1 (100)

Рига 2026

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Кулешова

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Редактор *М. Каменская*

Литературный редактор *А. Роцина*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 1 (100) 2026

К читателю

О чем наша Школа
Лена Немировская 5

Тема номера

*Безрассудная самоуверенность зла
и хрупкая конгениальность добра*
Юрий Сенокосов 7

Карл Ясперс: гражданин мира?
Ханна Арентс 13

«Бог» и Бог: Ното Deus и Воплощение
Клаус Мертез SJ, Михаэль Мертез 25

*Подготовка к последней битве:
апокалиптическое мышление на Востоке и на Западе*
Михаэль Мертез 34

Поиск понимания

По поводу дебатов Кириллы Мартынова и Юлии Галяминой
Ольга Крокинская 45

Прыжок в новый мир
Сильви Кауффманн 48

Дискуссия о постсоветском человеке 53

Пропаганда и идеология

*Спуск России к тирании.
Как четыре года войны изменили общество*
Нина Хрущева 76

Механизмы правосудия

Переходное правосудие для России
Николай Бобринский 85

Н а ш а н о н с

*Путин атакует Германию. Дезинформация,
пропаганда, кибератаки*
Ардт Фрайтаг фон Лорингхофен, Леон Эрленхорст 100

К н и г и

*Как выстоять и победить
в гибридной войне против России*
Игорь Грецкий 102

Гибридная война и будущее демократий
Владимир Рыжков 106

Контрапункт

Основатели поневоле
Максим Горюнов 111

Nota bene

Письмо Правительству СССР
Михаил Булгаков 119

О чем наша Школа

О чем наша Школа? Мы — попытка создать условия для мысли. Не дать содержание мысли, а создать структуру индивидуального, личного входа в нее. Это огромное человеческое усилие, оно не удастся, когда мы этого хотим. Но когда удастся, возникает некая конструктивная связанность всего со всем. В эту минуту я держу весь мир во мне. Нет конкретного механизма, как этому научиться. В нас есть какое-то шестое чувство, когда мы начинаем понимать и познавать себя, что мы можем и что мы хотим. Там, на уровне этого чувства, мы знаем о несправедливости, там мы знаем о жизни и смерти, мы знаем о праве, мы знаем о достоинстве, о совести, о любви и дружбе. Все это не имеет причинных оснований в реальной жизни. Но все это есть в нас. Мы в Школе не вложим в вас ни одной дополнительной мысли. Все, что происходит с вами — это ваша работа.

Существует зазор — это слово принадлежит Мерабу Мамардашвили — между тем практическим знанием, которое используется в науке, и тем, что неизмеряемо и непередаваемо. Но при этом последнее и составляет нашу гуманитарную человеческую жизнь. И только там, в этой сфере, мы возможны как существа социальные. Когда общественное благо связывается — каким-то неизвестным нам путем — с нашим чувством справедливости, доброты, возникает состояние гражданской мысли. И таким образом формируется гражданское общество.

Гражданское общество, на мой взгляд, нельзя измерить социологическими инструментами. Это акт, действие, которое может случиться именно в этой

*Лена Немировская,
соосновательница Школы
гражданского просвещения*

точке, именно с тобой, а может и не случиться. Но это и есть человеческая жизнь, которая призывает к ответу все несправедливое, все, что не соответствует человеческому достоинству. В нашей стране мы так и не двинулись дальше начала 1990-х, когда состоялся всеобщий моральный приговор советской власти. Мы так и не построили никаких институтов, вместо этого мы создали государственно-олигархический капитализм и живем в этом.

Я не знаю, где выход. У меня лично никаких рецептов нет. Но поскольку я верю в идеи некоторых учителей, которых я встретила в жизни, я хочу и вам сказать: на самом деле все внутри нас. Заканчиваю словами Мераба Мамардашвили: «Человек — это усилие во времени, труд души и свобода».

Безрассудная самоуверенность зла и хрупкая конгениальность добра

Уважаемые коллеги, каким образом остановить смертельно раскачиваемые качели с восьмимиллиардным населением и ядерным оружием на планете Земля?

Ведь, казалось бы, две с половиной тысячи лет назад, между VIII и II веками до н. э., то есть в эпоху «осевого времени» (Achsenzeit)¹, когда начиналась общая история человечества, сработал феномен конгениальности. В разных местах планеты произошло нечто конгениальное по своему осевому, главному результату. Конгениальное значит сходное по духу, образу мыслей. Это было время глубокой рефлексии, осмысления и выбора пути, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло философское и религиозное. И во всех направлениях совершался переход к универсальности.

Однако сегодня, в эпоху глобального кризиса, обращающая внимание на нечто схожее с такими историческими вехами «осевого времени», как Возрождение, Реформация и Просвещение, мы видим явную угрозу конгениальности.

В результате чего это произошло?

Один из ответов на этот вопрос дала в пятидесятые годы XX века Ханна Арендт в статье «Карл Ясперс: гражданин мира?»: «Своим существованием человечество обязано не мечтам гуманистов и не рассуждениям философов и даже (по крайней мере, не в первую очередь) политическим событиям, но почти исключительно — техническому развитию западного мира»².

Юрий Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая
тетрадь»

¹ Ясперс К. *Смысл и назначение истории* / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 32–34.

² Арендт Х. *Люди в темные времена* / Пер. с англ. и нем. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 97.

В том, что это действительно так, можно легко убедиться, посмотрев в «Википедии» статью «Хронология изобретений человечества». При всех неизбежных неточностях она поражает резко увеличившимся после XVII века числом фундаментальных научных открытий и технологических изобретений, характеризующих эпоху Нового времени. За три века более чем в десять раз. Начало этой эпохи истории связывают обычно с открытием испанцами Нового Света, Реформацией и «славной» Английской революцией.

«Своим существованием человечество обязано не мечтам гуманистов и не рассуждениям философов, но почти исключительно – техническому развитию западного мира»

Другой важный фактор — формирование научной картины мира на основе гелиоцентрической системы Коперника, законов механики Галилея и классической механики Ньютона. Именно тогда появляется европоцентристский мир. А в Новейшее время (1789–1945) начинается экспансия европейской цивилизации с ее интенсив-

ным развитием техники и технологий в другие регионы мира.

Об этом времени несомненных успехов и последовавших трагедий Первой и Второй мировых войн сегодня можно с уверенностью сказать, что европейцев, готовых осваивать достижения науки и техники, было тогда, как и сейчас, намного больше, чем думающих и понимающих, что, говоря словами писателя-фантаста Айзека Азимова, «история достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать».

Не говоря уже о чернокожем населении Африки, коренных жителей обеих Америк (индейцах), аборигенах Австралии и Океании, для которых Новейшее время было гораздо страшнее, чем века до этого: одних постоянно захватывали в рабство и везли в трюмах, как скот, через океан, а других и третьих часто просто уничтожали.

Но вернемся к «хронологии». В самом начале XX века на Земле было чуть больше полутора миллиардов человек, а по состоянию на 3 января 2021 года — уже около 7,836 миллиарда. За это же время было сделано около 300 изобретений (в XVII веке — около 30). То есть фактически, суммируя изобретателей и остальных людей, миллионная доля процента от общего количества всех живущих на планете. И эта миллионная доля обеспечила не только соответствующие рабочие места, но и высокие темпы развития промышленного производства, огромный рост городского населения, и все это, конечно, в целом не могло не оказать влияния на биосферу и климат.

Таким образом, «объединив мир, — еще одна цитата из статьи Х. Арендт, — техника может с той же легкостью его разрушить, а средства глобальной коммуникации не случайно развивались параллельно со средствами глобального по потенциалу разрушения» (с. 98).

Так что же способно и готово противостоять этому разрушению? Средства коммуникации, позволяющие нам координировать

совместную деятельность? Ведь все названные технические и научные достижения и открытия — плоды человеческого ума. Можно ли вообще в таком случае понять, почему современное человечество оказалось заложником российской военной авантюры и американской бизнес-затеи?

Можно, если не забывать, что наряду с научными открытиями и техническими достижениями существуют философские открытия, помогающие переключать общественное внимание с достижений техники на достижения ума.

Я имею в виду фразу Декарта «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую»). Помню, она застряла у меня в голове, когда я учился в университете, и я долго недоумевал, почему Декарт стал сомневаться во всем, то есть совершил известную процедуру радикального сомнения. А потом понял: чтобы доказать, что он и есть тот, кто мыслит о сомнении. Поверив таким образом в когнитивную функцию речи, решил я, поскольку мышление связано с речью.

Или можно сказать иначе, как говорят филологи: оформление мысли происходит на основе языковых единиц и категорий. В этом можно убедиться, посмотрев в латинско-русском словаре значение слова *cogito*. Что я в какой-то момент и сделал, увидев там семь примеров употребления слова *cogito* и 22 примера — слова *ratio*, взятых не только из текстов древнеримских авторов (Юлия Цезаря, Цицерона, Вергилия, Горация, Сенеки и др.), но и авторов, включая ученых, писавших свои сочинения на латыни позднее (Спиноза, Ньютон, Ломоносов). Приведу еще одно латинское выражение: «*Vivere est cogitare*» — «Жить — значит мыслить» (Цицерон. Тускуланские беседы).

То же самое происходило с древнегреческим языком и соответствующими словами в русском языке. Поэтому говорить, что Россия не европейская страна — смешно, мы думаем и мыслим по-европейски. И пишем не иероглифами.

Так как же это сохранилось (я имею в виду антично-христианское наследие, относящееся к эпохе *Achsenzeit*) и как оно передается, то есть продолжает жить?

Разумеется, благодаря в том числе и двум названным философским словам: *cogito*, которое является отправной точкой для доказательства существования *ratio*. Это и стало основой западного рационализма. Сошлюсь в этой связи на нашу с Мерабом Мамардашвили беседу об «идее преемственности и философской традиции», которая состоялась после моей просьбы прокомментировать характеристику, данную Джорджем Оруэллом герою своего романа «1984»³.

*Почему современное человечество
оказалось заложником российской
военной авантюры
и американской бизнес-затеи?*

³ См.: Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 263–269.

*«Философские
изобретения» сегодня
играют в западной
культуре столь же
важную, если не большую
роль, чем научно-
технические открытия
и изобретения*

Цитирую Оруэлла: «Он [герой] был одиноким духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то

услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок».

Спустя более 30 лет содержание этой беседы можно свести к следующим тезисам:

- «Философские изобретения» сегодня играют в западной культуре столь же важную, если не большую роль, чем научно-технические открытия и изобретения. Наша беседа была не диалогом или интервью, а, скорее, мастер-классом о понимании отношения к прошлому и будущему. Или, другими словами, о понимании настоящего как динамической вечности. Так как речь шла не о сознании чего-то, какого-то опыта, а о том, что можно назвать, по словам Мераба, опытом самого сознания в состоянии «я есть — я мыслю». То есть помыслить, что я могу это помыслить.

- «Не потому, что вас кто-то услышал» и «не потому, что вы услышали кого-то другого до вас» — это и есть свидетельство преемственности, подтверждающее, что вы сохранили рассудок, который позволяет эмпирически далекому стать близким, а близкое связать с будущим. Здесь и возникает эта связка: мы живы в том акте, который выполняем сейчас, если держим живыми, а не умершими своих предшественников в тексте. Если жив Декарт или Кант (фамилия Пруст при этом не упоминалась), если мысленно, говорил во время беседы Мераб, я держу Декарта или Канта живыми, то жив и я. И наоборот, если жив я, если я могу помыслить нечто декартовско-кантовское как возможность моего собственного мышления, а не учености, то живы и они. И это есть бесконечная длительность сознательной жизни. Ее бессмертие. Бессмертие личности в мысли. А элементами такого предпосылочного отношения и связности являются любовь и память — не в качестве метафоры, а живой, очевидной реальности.

- Выполнение логической операции еще не означает выполнения акта мысли. Это может быть и псевдоакт, лишь похожий на мысль, имитирующий ее. Лишь после спонтанного возникновения таких автономных образований, которыми являются «философские изобретения», появляется возможность помыслить декартовское «мыслю».

- В настоящее время ситуация, в которой мы находимся, особая, неклассическая. Бывают периоды в истории, когда нити преемственности ткуются механически, так как люди продолжают развивать идеи по их содержанию. То есть чисто предметно. А бывают, продолжал свои ответы Мераб, когда от содержания нужно отказаться и перейти на иной

уровень, как это произошло во время начала европейского модернизма, казалось бы, порвавшего с прошлым, с традицией. А на самом деле, подчеркнул он, неклассическими средствами тогда решалась прежняя классическая задача. Задача «самостояния человеческой души» на острие очевидности или здравого смысла, рассудка (о котором, добавлю, писал Оруэлл, а мы говорили в конце перестройки).

• Поэтому так важно, чтобы не исчезал изначальный жизненный смысл философии как таковой с ее отвлеченным языком, создающим пространство, в котором воссоздается мыслящий. Воссоздается личность, способная самостоятельно думать и не принимать безрассудные решения.

• Язык может быть разным. В разных культурах он не только разный, но к тому же меняется. Хотя говоримое на первый взгляд, не отличается от думаемого.

Таким образом в общественных исторических событиях (в условиях свободы) всегда действует нечто вроде плана, реализуемого на уровне овеществленной метафоры бесконечности, каковой является *ratio* — своего рода запланированная пропорция между конечным и бесконечным.

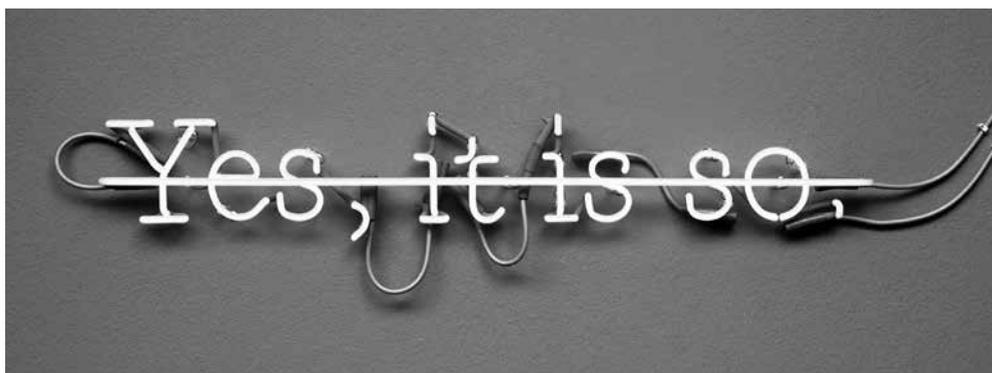
Говорят, что рассудок и разум — это две ступени мышления, которые отличаются тем, что рассудок следует правилам, а разум, способный видеть сущность и взаимосвязи, их устанавливает или изменяет.

То есть оруэлловский рассудок как бы стоит на страже человечности, а разум в условиях продолжающихся сегодня смертельных качелей между безрассудной самоуверенностью зла и хрупкой конгениальностью добра стремится обратить внимание на специфику их полярности. С какой целью?

Чтобы не забывать, что со временем рассудок может терять разумность. Мы видим это сегодня не только в России, где верховенство закона полностью вытеснило право, а органами госбезопасности подавлена свобода.

Человеческое в человеке проявляется в общении, которое по определению не может быть принудительным. В том числе и потому, что общение предполагает свободу. А иначе не было бы дружбы, доверия, любви — этих уникальных событий нашей жизни. Запретить их невозможно, как и свободу. Они есть и будут, потому что сущность человека, повторю еще раз, в общении, которое начинается с поиска слова для передачи искреннего чувства. И любой, даже неосознанный поиск нужного слова уже можно рассматривать как своего рода приглашение к общению с Другим. Тем более сегодня, в эпоху глобального кризиса, когда существует явный запрос на доверие и истину, которая, будучи мыслью — неоспоримым абсолют — ни на чем не держится, но держит все остальное. Благодаря трансцендентальным, априорным

*Человеческое в человеке
проявляется в общении,
которое по определению
не может быть
принудительным*

Джозеф Кошут (Joseph Kosuth). Essential C.S. #6. 1988

(внеопытным) формам нашей чувственности — форме внешнего чувства (пространству) и форме внутреннего чувства (времени).

Трансцендентальное — это призма, посредством которой мы смотрим на мир, говорил Бертран Рассел. Оно имманентно человеческому сознанию и не подлежит наблюдению, характеризуя не столько окружающий мир, сколько нашу способность его воспринимать. А затем познавать, так как пространство и время, подобно конвертируемой валюте, преобразуются в конкретные числа, символы и т. д. И таким образом появляются знания, полученные уже из жизненного опыта — апостериори (Бог, свобода, личность) в отличие от априорных, внеопытных форм нашей чувственности.

Сознание человеческое живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна лишь тогда, когда мы стремимся овладеть языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность. Следуя императиву: наши поступки нравственны, когда их мотивы являются общечеловеческими нормами.

В эпоху конгениальности «осевого времени», о котором писал Карл Ясперс, завершается процесс эволюции *Homo sapiens* и начинается его поиск преодоления животных инстинктов, в обозримом горизонте которого философия в истории человечества наряду с религией становится формой мировоззрения.

В философском мировоззрении сходятся смыслы и преодолеваются любые тупики. Если не забывать, что мир, с которым имеет дело философия, это общественная среда жизни и коммуникации; и в эту среду, раздвигая рамки профессий, у нас сегодня есть шанс внести определенную ясность на одном из самых востребованных языков — гражданского просвещения — о том, что история достигла точки, когда человечеству запрещено враждовать.

Карл Ясперс: гражданин мира?*

Ханна Арендт
(1906–1975),
немецко-американский
философ

В том же смысле, что и гражданином своей страны, гражданином мира быть нельзя. В книге «Истоки истории и ее цель» (1953) Ясперс подробно рассуждает об импликациях понятий «мировое государство» и «мировая империя»¹. Какую бы форму ни приняло мировое правительство, осуществляющее централизованную власть над всей планетой, само понятие единой суверенной силы, правящей всем земным шаром, обладающей монополией на все средства насилия, — силы, которую не сдерживают и не контролируют другие суверенные государства, — означало бы не только отталкивающий кошмар тирании, но и конец всей политической жизни, какой мы ее знаем. Основу политических понятий составляют множественность, разнообразие и взаимные ограничения. Гражданин — это, по определению, один из граждан одной из стран. Его права и обязанности должны определяться и ограничиваться не только правами и обязанностями его сограждан, но и границами территории. Философия вправе мыслить всю землю как родину человечества и единого неписаного закона, вечного и общезначимого. Политика же имеет дело с людьми, подданными множества стран и наследниками множества прошлых; эти люди живут в рамках позитивного права, и их законы ограждают, защищают и ограничивают пространство, внутри которого свобода — не понятие, а живая политическая реальность. Создание единого суверенного мирового государства стало бы отнюдь не предпосылкой для мирового гражданства, а концом всякого гражданства. Оно стало бы не вершиной мировой политики, а вполне буквально ее концом.

Тем не менее, указать, что мировое государство, созданное по образу суверенных национальных

* Арендт Х. Люди в темные времен. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 96–111.

государств, или мировая империя по образу Римской империи опасны (а господство Римской империи над цивилизованными и варварскими частями тогдашнего мира было выносимо лишь потому, что выделялось на темном и страшном фоне неизвестных частей земли), — не значит решить наши нынешние политические проблемы. Человечество, для всех предыдущих поколений всего лишь идея или идеал, для нас стало насущ-

*Основу политических
понятий составляют
множественность,
разнообразие и взаимные
ограничения*

ной реальностью. Европа, как и предвидел Кант, предписала свои законы всем другим континентам; но результат — возникновение человечества из многих наций и наряду с ними — оказался совершенно непохожим на то, что воображал Кант, когда предвидел объединение человечества «когда-нибудь, не

очень скоро»². Своим существованием человечество обязано не мечтам гуманистов и не рассуждениям философов и даже (по крайней мере, не в первую очередь) политическим событиям, но почти исключительно — техническому развитию Западного мира. К тому же, когда Европа всерьез начала предписывать свои законы другим континентам, сама она уже перестала в них верить. Рядом с тем очевидным фактом, что мир объединила техника, стоит другой факт: Европа экспортировала во все концы света свои процессы распада, которые начались в Западном мире вместе с упадком традиционных метафизических и религиозных верований и сопровождали грандиозное развитие естественных наук и победу национального государства над другими формами государственного устройства. Те самые силы, которым в Европе понадобились столетия, чтобы подорвать традиционные верования и уклад, и которые сформиро-

*Своим существованием
человечество обязано
не мечтам гуманистов
и не рассуждениям
философов, но почти
исключительно —
техническому развитию
Западного мира*

рованы исключительно западной историей, всего за несколько десятилетий разрушили, воздействуя извне, верования и уклад всех остальных частей света.

Действительно, впервые в истории у всех народов на земле есть общее настоящее: ни одно сколько-нибудь важное событие в истории одной страны уже не может остаться всего лишь второстепенным происшествием в истории любой другой. Каждая страна пре-

вратилась в непосредственного соседа любой другой, и каждый человек испытывает шок от событий, происходящих на другой стороне земного шара. Но это общее фактическое настоящее не основано на общем прошлом и ни в малейшей степени не гарантирует общего будущего. Объединив мир, техника может с той же легкостью его разрушить, а средства глобальной коммуникации не случайно развивались параллельно со средствами по потенциалу разрушения. Трудно отрицать, что в настоящее время самый убедительный символ единства человечества — это

тот факт, что узкая группа правителей какой-то из стран, обладающих атомным оружием, по собственному политическому разумению может пустить его в ход и покончить с человеческой жизнью на всей земле. В этом отношении солидарность человечества целиком негативна; в ее основе не только общая заинтересованность в соглашении, запрещающем атомное оружие, но (поскольку такие соглашения, подобно всем прочим, основаны на доверии и, следовательно, ненадежны), возможно, еще и общее желание чуть меньшего единства мира.

Этой негативной солидарности, основанной на страхе перед глобальным уничтожением, соответствует менее выраженное, но не менее сильное опасение, что солидарность человечества в позитивном смысле неизбежно повлечет за собой и политическую ответственность. Наши политические идеи, возлагающие на нас ответственность за все публичные дела вокруг нас независимо от нашей личной «вины», так как мы как граждане считаемся ответственными за все, что наше правительство делает от имени нашей страны, могут поставить нас в невыносимую ситуацию глобальной ответственности. Солидарность человечества вполне способна обернуться невыносимым бременем, и не удивительно, что обычная реакция на нее — это не энтузиазм или стремление к возрождению гуманизма, а политическая апатия, изоляционистский национализм или отчаянный бунт против любой власти. В свете сегодняшней реальности идеализм гуманистической традиции Просвещения и его идея человечества кажутся бездумным оптимизмом. С другой стороны, эта же реальность, поскольку она вогнала нас в глобальное настоящее без общего прошлого, грозит обесмыслить все традиции и все отдельные истории с их прошлым.

На фоне этих политических и духовных реалий, которые Ясперс видит, наверное, лучше, чем любой другой современный философ, следует рассматривать его новую концепцию человечества и тезисы его философии. Когда-то Кант призвал историков написать историю во «всемирно-гражданском плане». Было бы нетрудно «доказать», что все философское творчество Ясперса — с самого начала, от «Психологии мировоззрений» (1919), и до всемирной истории философии³ — задумывалось именно в таком «плане». Если солидарность человечества нуждается в основе более прочной, нежели законный страх перед демоническими способностями человека, если новое всеобщее соседство всех стран мира должно привести к результату более обнадеживающему, нежели колоссальный прирост взаимной ненависти и практически повсеместной раздраженности всех против всех, то нам необходимо начать процесс взаимопонимания и самопрояснения в гигантских масштабах.

*Предпосылкой
для мирового правительства,
по мнению Ясперса, должен
стать отказ от суверенитета
в пользу всемирной федеральной
политической структуры*

И как предпосылкой для мирового правительства, по мнению Ясперса, должен стать отказ от суверенитета в пользу всемирной федеральной политической структуры, так и предпосылкой для этого взаимопонимания должен стать отказ — не от собственных традиций и национального прошлого, но от безусловного авторитета и всеобщей истинности, на которые традиция и прошлое всегда претендовали. Посредством именно такого разрыва — не с традицией, но с авторитетом традиции — Ясперс вошел в философию. Его «Психология мировоззрений» отрицает абсолютность любой доктрины и заменяет ее всеобщей относительностью, в которой всякий конкретный философский смысл становится средством для индивидуального философствования. Скорлупа традиционного авторитета вскрыта, и великие смыслы прошлого начинают свободно и «играючи» общаться друг с другом, поскольку общаются с современным живым философствованием. В этой всеобщей коммуникации, скрепленной экзистенциальным опытом современного философа, все догматические метафизические смыслы распускаются в процессы, в размышления, которые — из-за их важности для моего современного существования и философствования — покидают отведенное им историческое место в хронологической цепи и входят в сферу духа, где все являются современниками. Любая моя мысль должна оставаться в постоянной коммуникации со всем, что уже было помыслено. Не только потому, что «в философии новизна — это аргумент против истинности», но и потому, что современная философия не может быть ничем иным, как «естественным и необходимым итогом западного мышления вплоть до настоящего момента, честным синтезом на основе принципа, достаточно широкого, чтобы вместить все, что в каком-то смысле истинно». Коммуникация и есть этот принцип; истина, которую нельзя постичь как догматический смысл, является как «экзистенциальная» субстанция, проясненная и артикулированная разумом, который сообщает себя и обращается к чужой разумности, который постижим сам и способен постичь все остальное. «Existenz (существование) разъясняется только разумом; разум получает содержание только от Existenz»⁴.

Существенность этих рассуждений для философского обоснования единства человечества очевидна: «безграничная коммуникация»⁵, которая одновременно обозначает веру в постижимость всех истин, добрую волю к искренности и внимательности как к первичному условию всякого человеческого общения, — одна, если не центральная, из идей философии Ясперса. Суть в том, что здесь впервые коммуникация понимается не как «выражение» мыслей и тем самым как нечто вторичное по отношению к самой мысли. Коммуникативна сама истина — она исчезает и не может быть понята вне коммуникации; в сфере «экзистенциального» истина и коммуникация суть одно. «Истина есть то, что нас объединяет»⁶. Лишь в коммуникации — как между современниками, так и между живыми и мертвыми — раскрывается истина.

Философия, понимающая истину и коммуникацию как одно и то же, покинула пресловутую башню чистого созерцания, сделанную из словенной кости. Мышление становится практическим, хотя и не прагматическим; это уже своего рода межчеловеческая практика, а не занятие отдельного индивида в добровольном уединении. Ясперс, насколько я знаю, первый и единственный философ, который выступил против уединения, которому уединение представлялось «пагубным» и который осмелился «всякую мысль, всякий опыт, всякий смысл» испытать единственно под этим углом: «Что они значат для коммуникации? Они помогут или помешают коммуникации? Они заманивают в уединение или пробуждают к коммуникации?»⁷. Философия теряет и смирение перед теологией, и высокомерие перед обычной жизнью человека. Она становится *ancilla vitae* (служанкой жизни)⁸.

Эта позиция особенно существенна в рамках немецкой философской традиции. Кант — видимо, последний великий философ, который был совершенно уверен и в том, что его понимают, и в своей способности рассеять возможные недоразумения. Все знают реплику Гегеля на смертном одре: «Меня понимал всего один человек, да и тот неправильно» — *se non e vero, e bene trovato* (если это и неправда, то хорошо придумано). С тех пор растущее одиночество философов в мире, которому нет дела до философии, потому что мир полностью заморожен наукой, привело к общеизвестной и часто обличаемой двусмысленности и неясности, которые многим кажутся типичными для немецкой философии и которые, безусловно, служат отличительным признаком всякого строго уединенного, некоммуникативного мышления. Результатом стало расхожее мнение, что ясность и величие — вещи несовместимые. Множество выступлений Ясперса после войны — его статьи, лекции, радиопередачи — все они направлялись сознательным стремлением к популяризации, к философскому разговору без технических терминов, то есть убеждением, что можно обращаться к разуму и «экзистенциальной» озабоченности в каждом человеке. С философской точки зрения это было возможно лишь потому, что истина и коммуникация понимались как одно и то же.

Для философского мышления заложенная в новой реальности человечества опасность состоит в том, что единство это, основанное на технических средствах коммуникации и насилия, взрывает все национальные традиции и погребает под обломками подлинные истоки всякого человеческого существования. Этот разрушительный процесс можно даже считать необходимой предпосылкой для окончательного взаимопонимания между людьми всех культур, цивилизаций, рас и наций. Его результатом может стать поверхность, которая до неузнаваемости преобразит человека, каким мы его знаем за пять тысяч лет известной

*«Истина есть то,
что нас объединяет».
Лишь в коммуникации
раскрывается истина*

нам истории, — как если бы попросту исчезло как таковое то измерение глубины, без которого человеческое мышление, даже на уровне технической изобретательности, не может существовать. Такое нивелирование оказалось бы намного более радикальным, чем выравнивание по наименьшему общему знаменателю; оно в конечном счете привело бы к знаменателю, о котором мы сегодня даже и не догадываемся.

Пока истина понимается как нечто автономное и отдельное от ее выражения, как нечто само по себе себя не сообщающее и не обращающееся ни к разуму, ни к «экзистенциальному» опыту, — этот разрушительный процесс кажется почти неизбежным, автоматическим результатом автоматизма техники, которая сделала мир единым и, в каком-то смысле, объединила человечество. Дело выглядит так, будто историческое прошлое каждой нации, в их крайнем разнообразии и

Разрушительный процесс можно считать необходимой предпосылкой для окончательного взаимопонимания между людьми всех культур, цивилизаций, рас и наций

разнородности, в их головокружительной пестроте и ошеломляющей чуждости друг для друга, суть всего лишь преграды на пути к чудовищно мелкому единству. Это, разумеется, иллюзия; если то измерение глубины, из которого развились современная наука и техника, когда-нибудь будет уничтожено, то вероятнее всего не уцелеет даже и новое техническое един-

ство человечества. Таким образом, все, видимо, зависит от того, смогут ли национальные прошлые, в их исходной разнородности, вступить в общение друг с другом и, тем самым, пойти в ногу с глобальной системой коммуникации, покрывающей поверхность земли.

Именно в свете подобных размышлений Ясперс сделал великое историческое открытие, ставшее краеугольным камнем его философии истории — ее истоком и ее целью. Библейское представление, по которому все люди происходят от Адама и имеют общее происхождение и по которому все они идут к одной цели спасения и Страшного суда, — непознаваемо и недоказуемо. Христианская философия истории, от Августина до Гегеля, считала явление Христа поворотной точкой и центром всемирной истории. В таком виде она значима только для верующих христиан и, претендуя на общезначимый авторитет для всех, ведет к единству человечества не больше и не меньше, чем любой иной миф, который бы учил, например, о множественности начал и концов.

В отличие от этой и подобных философий истории, которые концепцию единой всемирной истории строят на основе исторического опыта одного народа или одной части мира, Ясперс открыл эмпирически данную историческую ось, которая дает всем народам «общие рамки понимания» их исторической значимости. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э.» — Конфуций

Вернер Бишоф (Werner Bischof). В поисках еды в разрушенном городе. Фрайбург, Германия. 1945

и Лао-цзы в Китае, Упанишады и Будда в Индии, Заратустра в Персии, пророки в Палестине, Гомер, философы и трагики в Греции⁹. Для событий этой эпохи характерно, что они были совершенно между собой не связаны, что они стали истоком великих исторических мировых цивилизаций и что у этих истоков, при всем их несходстве, есть что-то неповторимо общее. Это своеобразное тождество можно рассматривать и определять по-разному: это то время, когда мифологии были отвергнуты или использованы как основания великих мировых религий с их представлением о едином трансцендентном Боге; когда всюду возникает философия; когда человек открывает Бытие как целое, а себя — как радикально отличного от всех прочих существ; когда впервые человек становится (говоря словами Августина) вопросом для себя самого, осознает сознание, начинает мыслить о мышлении; когда повсюду появляются великие личности, которые уже не воспринимают себя (и не хотят восприниматься другими) как всего лишь члены соответствующей общины, но считают себя индивидами и изобретают новые индивидуальные образы жизни — жизнь мудреца, жизнь пророка, жизнь отшельника, который удаляется от всякого общества в совершенно новую субъективность и духовность. Все основные категории нашего мышления и все основные принципы наших убеждений были созданы в этот период. Это было время, когда человечество впервые открыло человеческий удел на земле, так что начиная с тех пор голая хронологическая последовательность событий могла превратиться в рассказ, а рассказы могли быть переработаны в историю — многозначительный объект размышления и понимания.

Таким образом, историческая ось человечества — это эпоха «примерно середины последнего тысячелетия до н. э.», для которой все предшествующее было как бы подготовкой и с которой фактически, а часто и вполне сознательно соотносится все последующее. Мировая история человечества обрела здесь свою структуру. Эту ось мы не можем считать единственной и раз навсегда данной, но это — ось всей предшествующей нашему времени краткой истории мира, то, что в сознании всех людей могло бы являть основу их единодушно признанного историче-

Ясперс открыл эмпирически историческую ось, которая дает всем народам «общие рамки понимания» их исторической значимости

ского единства. В этом случае реальное осевое время — воплощение той идеальной оси, вокруг которой движется объединенное человечество»¹⁰.

В такой перспективе новое единство человечества могло бы обрести свое собственное прошлое благодаря

коммуникативной системе, в которой различные истоки человечества раскрылись бы в своей тождественности. Но эта тождественность — отнюдь не единообразие; как мужчина и женщина могут быть одним и тем же, а именно человеком, лишь будучи абсолютно отличны друг от друга, так и гражданин каждой страны может вступить в эту всемирную историю человечества лишь оставаясь тем, что он есть, и твердо этого держась. Гражданин мира, живущий под тиранией всемирной империи и говорящий и думающий на каком-то приукрашенном эсперанто, был бы не меньшим чудовищем, чем гермафродит. Связь между людьми — это, субъективно, «воля к безграничной коммуникации» и, объективно, факт универсальной понимаемости. Единство и солидарность человечества должны заключаться не во всеобщем соглашении о единой религии, или единой философии, или одной форме правления, но в вере, что многообразие указывает на тождественность, которую разнообразие одно-

временно и скрывает и раскрывает.

В осевую эпоху началось развитие великих мировых цивилизаций, вместе составляющих то, что мы обычно называем всемирной историей, и завершился период, который — из-за последующего развития — мы называем доисторическим.

После конца всемирной истории начинается история человечества. Подготовиться к ней мы можем с помощью философии человечества

Если подумать о нашей собственной эпохе в категориях этой исторической схемы, то мы легко пришли бы к выводу, что возникновение человечества как осязаемой политической реальности знаменует конец того периода всемирной истории, который начался в осевую эпоху. Ясперс, в известном смысле, согласен с широко распространенным взглядом, что наше время приходит к какому-то завершению, но он не согласен с апокалиптическими настроениями, обычно сопровождающими такой диагноз. «Мы живем так, словно стучимся в

двери, которые еще закрыты»¹¹. Столь очевидный для нас конец лучше понимать как начало, глубочайший смысл которого мы еще не можем постичь. Наше настоящее — содержательным, а не только логическим образом — есть промежуток между уже-не и еще-не. Теперь, после конца всемирной истории, начинается история человечества. Во что она выльется, нам неизвестно. Подготовиться к ней мы можем с помощью философии человечества, центральным понятием которой стало бы ясперсовское понятие коммуникации. Эта философия не будет ни упразднять, ни даже критиковать великие философские системы прошлого в Индии, Китае и на Западе, но отнимет у них догматические метафизические претензии, как бы распустил их в ряды размышлений, которые встречаются и пересекаются, общаются друг с другом и в конечном счете сохраняют лишь то, что универсально сообщимо.

Философия человечества отличается от философии человека утверждением того факта, что землю населяет не Человек, говорящий сам с собой в уединенном диалоге, но люди, говорящие и общающиеся друг с другом. Разумеется, философия человечества не может предписать никакого конкретного политического действия, но она могла бы понять политику как одну из великих сфер человеческой жизни (в отличие от всех предыдущих философий, которые, начиная с Платона, считали *bios politikos* (политический образ жизни) второразрядным образом жизни, а политику — неизбежным злом) или, по выражению Мэдисона, как «величайшее из размышлений о человеческой природе»¹².

Чтобы понять философскую значимость идеи человечества и мирового гражданства у Ясперса, нужно вспомнить идею человечества у Канта и понятие всемирной истории у Гегеля, поскольку на фоне именно этой традиции ее следует рассматривать. Кант понимал человечество как возможный конечный итог истории. История, говорит он, не предлагала бы ничего кроме зрелища «безотрадной случайности» («*trostloses Ungefähr*»), не будь основательной надежды, что несвязанные и непредсказуемые действия людей в конце концов приведут к возникновению человечества как политически единого сообщества и к полному развитию человечности человека. Глядя на действия человека «на великой мировой арене находишь, что все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению», и они могут приобрести смысл, лишь если мы предположим, что «в этом бессмысленном ходе человеческих дел» существует тайная «цель природы»¹³, действующая за спиной людей. Примечательно — и характерно для нашей традиции политической мысли, — что именно Кант, а не Гегель, первый ввел представление о хитроумной скрытой силе,

Философия человечества отличается от философии человека утверждением того факта, что землю населяет не Человек, говорящий сам с собой, но люди, говорящие и общающиеся друг с другом

чтобы отыскать в политической истории хоть какой-нибудь смысл. За этим стоит то же переживание, что и за словами Гамлета: «хоть мысли — наши, их исход — не наш», — с той лишь разницей, что это переживание было особенно унижительно для философии, в центре которой стояли автономия и достоинство человека. Для Канта человечество — это то идеальное состояние «когда-нибудь, очень не скоро», когда достоинство человека совпадет с человеческим уделом на земле. Но это идеальное состояние неизбежно покончит с политикой и политическим действием, как мы их знаем сегодня и о безумствах и суетности которых сообщает нам история. Кант предвидит отдаленное будущее, когда история прошлого действительно превратится в «воспитание человечества», по выражению Лессинга. Человеческая история тогда имела бы не больше интереса, чем история естественная, в которой мы рассматриваем нынешнее состояние каждого вида как его *telos*, содержащийся во всем предыдущем развитии, как его исход — в двойном смысле цели и завершения.

Для Гегеля человечество проявляется в «мировом духе»; в своей сути он всегда налицо в одной из стадий своего исторического развития, но никогда не может стать политической реальностью. Он тоже руководим скрытой хитроумной силой; но гегелевская «хитрость разума» не похожа на кантовскую «цель природы», поскольку постижима только для созерцательного взгляда философа, который единственный видит смысл в цепи бессмысленных и по видимости произвольных событий. Кульминацией всемирной истории оказывается не фактическое возникновение человечества, а тот момент, когда мировой дух обретает самосознание в философии, когда Абсолют наконец открывается мышлению. В произведениях Гегеля у понятий всемирной истории, мирового духа и человечества практически нет политических коннотаций, несмотря на сильные политические увлечения молодого Гегеля. Эти понятия немедленно — и вполне уместно — заняли руководящее место в исторических науках, но не оказали сколько-нибудь заметного влияния на науку политическую. Только у Маркса, решившего «поставить Гегеля с головы на ноги», то есть превратить объяснение истории в делание истории, эти понятия обнаружили свою политическую значимость. Но это уже совсем другая история.

Очевидно, что сколь бы отдаленным или близким ни было осуществление человечества, гражданином мира можно быть только в рамках категорий Канта. Самое лучшее, на что может рассчитывать индивид в гегелевской системе исторического откровения мирового духа, — это иметь счастье родиться среди нужного народа в нужный исторический момент, так чтобы его рождение совпало с откровением мирового духа в данный конкретный период. Быть членом исторического человечества для Гегеля означало быть греком, а не варваром в пятом веке до н.э., римлянином, а не греком в первых веках нашей эры, христианином, а не евреем в Средние века и так далее.

В отличие от Канта, понятие человечества и всемирной истории у Ясперса — понятие историческое; в отличие от Гегеля — политическое. В известном смысле оно сочетает глубину исторического опыта у Гегеля с огромной политической мудростью Канта. Но решающую роль играет то, что отличает Ясперса от них обоих. Он не верит ни в «безотрадную случайность» политического действия и безумств исторической хроники, ни в существование тайной хитроумной силы, влекущей человека к мудрости. Он отказался от кантовской идеи «доброй воли», которая, основанная на разуме, неспособна к действию¹⁴. Он порвал и с отчаянием, и с утешениями немецкого философского идеализма. Если философия должна стать *ancilla vitae*, то ясно, какую функцию она должна на себя взять: говоря словами Канта, она должна нести не шлейф за своей милостивой госпожой, но факел перед ней¹⁵.

История человечества, которую предвидит Ясперс, — это не всемирная история Гегеля, когда мировой дух использует и пожирает страну за страной, народ за народом на этапах своего последовательного развертывания. В своей нынешней реальности единство человечества несколько не похоже и на утешение или возмещение за всю историю прошлого, на что надеялся Кант. С политической точки зрения, новое хрупкое единство, созданное техническим господством над планетой, можно гарантировать лишь в рамках универсальных взаимных соглашений, которые бы в итоге привели ко всемирной федеративной структуре. Для этого политическая философия вряд ли может сделать больше, чем описать и предписать новый принцип политического действия. Как — согласно Канту — на войне не должно происходить ничего, что сделало бы невозможным будущий мир и примирение, точно так же — согласно следствиям из философии Ясперса — сегодня в политике не должно происходить ничего, что было бы несовместимо с фактически существующей солидарностью человечества. В длительной перспективе это означает, что войну нужно изъять из арсенала политических средств — не только потому, что возможность атомной войны угрожает существованию всего человечества, но потому, что все человечество непосредственно и прямо затрагивает всякая война, сколь угодно ограниченная территориально и по применяемым средствам. Отмена войны, подобно отмене множественности суверенных государств, таит свои собственные специфические угрозы; армии, с их старыми традициями и более или менее соблюдаемыми кодексами чести, уступят место федеральным полицейским силам, а наш опыт в современных полицейских государствах и при тоталитарных режимах, в которых прежняя власть армии ступала перед растущим всемогуществом полиции, вряд ли внушает излишний оптимизм относительно такой перспективы. Однако все это по-прежнему остается делом отдаленного будущего.

В отличие от Канта, понятие человечества и всемирной истории у Ясперса – понятие историческое; в отличие от Гегеля – политическое

Барбара Крюгер (Barbara Kruger). Покупаю, следовательно, существую. 1987/2019

Примечания

¹ *Jaspers K. Origin and Goal of History*. 1953. P. 193 ff. (Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. М. И. Левиной. М., 1991. С. 210).

² *Kant I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. 1784 (Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Пер. И. А. Шапиро. Соб. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 27.).

³ См.: *Jaspers K. The Great Philosophers*. 1962. Vol. I. 1966. Vol. II.

⁴ *Jaspers K. Reason and Existence*. New York, 1955. P. 67.

⁵ «Grenzenlose Kommunikation» — термин, который встречается почти во всех произведениях Ясперса.

⁶ Ср. «Vom lebendigen Geist der Universität» (1946): *Rechenschaft und Ausblick*. München, 1951. S. 185.

⁷ Ср. «Über meine Philosophie» (1941): *Op. cit.* S. 350, 352.

⁸ Ясперс не использует этого выражения. Он часто говорит, что философствование — это «внутреннее действие», практика и так далее. Здесь не место обсуждать соотношение мышления и жизни. Но следующая цитата показывает, в каком смысле можно считать законным мое интерпретирующее употребление выражения *ancilla vitae*: «Was im denkenden Leben getan werden muss, dem soll ein Philosophieren dienen, das erinnernd und vorausgreifend die Wahrheit offenbar macht» («Тому, что должно быть сделано в мыслящей жизни, обязано служить философствование, которое, напоминая и предвосхищая, делает истину явной»).

⁹ *Jaspers K. Origin*. P. 1 ff. (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32).

¹⁰ Там же. С. 268–269 (p. 262 f.).

¹¹ *Vom Europäischen Geist*. 1946 // *Rechenschaft und Ausblick*. S. 260.

¹² *The Federalist*. № 51.

¹³ *Kant I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht* (Кант И. Идея всеобщей истории... С. 13.).

¹⁴ «...общая, основанная на разуме воля, почитаемая, но на практике бессильная»: *Zum ewigen Frieden*. 1795 (Кант И. К вечному миру / Пер. А. Гулыги. Собр. соч. Т. 7. С. 32).

¹⁵ Там же. С. 36.

«Бог» и Бог: Homo Deus и воплощение*

Не Бог создает человека, а человек создает Бога, точнее, «Бога» — таков основной тезис современной критики религии. Сегодня все стремятся не только разоблачить «Бога» как продукт человеческого воображения, чтобы устранить отчуждение человека от самого себя. Некоторые люди уже создают машину под названием «Homo Deus»: искусственный интеллект — якобы или в самом деле — присваивает себе все большие свойства, которые в религиозном сознании ассоциируются с Богом. Михаэль Мертес в своей притче о Лю Цифере разворачивает перспективу в обратную сторону: «Бог» терпит неудачу, пытаясь воплотиться, то есть стать человеком. Клаус Мертес сопровождает эту притчу своим предисловием и в конце делает некоторые выводы, значимые для богословского размышления о теле, сознании и машине.

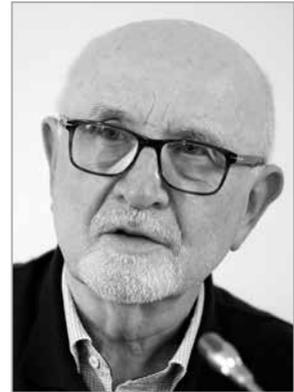
В конце своего бестселлера Homo Deus (2015) Юваль Ной Харари формулирует несколько вопросов, которые радикально ставят под сомнение все, что он только что подробно изложил на более чем пятистах страницах. Ведь если действительно когда-нибудь Homo Deus — всемогущее творение Homo sapiens, превосходящее своего создателя по всем статьям, — сделает с человеком то, что человек сделал с животными, то возникают по крайней мере три вопроса: во-первых, действительно ли организмы — всего лишь алгоритмы, а жизнь — всего лишь обработка данных, как утверждает большинство ученых? Во-вторых, если интеллект начинает отделяться от сознания, то что из двух более ценно? И в-третьих, что станет с нашим обществом, с нашей политикой и нашей повседневной жизнью, если не имеющие сознания, но высокоинтеллектуальные алгоритмы будут знать нас лучше, чем мы сами?¹

* Mertes K., Mertes M. «Gott» versus Gott: Der Homo Deus und die Menschwerdung Gottes // Stimmen der Zeit. 2025. № 11. S. 839–847.

** Аббревиатура SJ (или S. J.) после имени иезуита означает Societas Iesu, что переводится с латыни как «Общество Иисуса» — официальное название ордена иезуитов, к которому принадлежит священник.

Клаус Мертес SJ**, преподаватель гимназии и публицист, настоятель иезуитской общины в берлинском районе Шарлоттенбург, член редколлегии журнала Stimmen der Zeit

Михаэль Мертес, писатель, политический советник канцлера Гельмута Коля (1987–1998), посол, пожизненный член Института международных и европейских дел

Номо Деус

Примечательно, что Харари вообще использует понятие Бога — Номо Деус, — чтобы построить свою антиутопию. Он так веско и последовательно излагает строго физикалистскую и функционалистскую картину истории человечества, что в ней не остается места для трансцендентного чувственного опыта. На протяжении большей части своей книги он исходит как из некоей данности из того, что «на практическом уровне жизнь в эпоху модерна представляет собой постоянное стрем-

*Есть ли причина
приписывать
человеческой жизни
особую ценность, если
компьютеры давно
превозмогли нас в разуме
и могуществе?*

ление к власти в лишенной смысла Вселенной»². Соответственно, он в духе классической критики религии отмечает понятие творения. Это понятие, по словам Харари, базируется на «аграрной сделке», которая ознаменовала переход Номо sapiens от охоты и собирательства к земледелию: «В этом заключалась суть аграрной сделки. Боги обеспечивали защиту и рост сельскохозяйственного производства, а люди за это должны были делиться с ними плодами

этого производства. <...> Таким образом, аграрная революция была одновременно и экономической, и религиозной революцией»³.

В анимистическом мировоззрении охотников и собирателей, говорит Харари, между человеком и животным не существовало пропасти, а аграрная сделка эту их неразделенность нарушила: если анимисты считали человека лишь одним из многих видов животных, то Библия утверждает, что человек — создание уникальное и любая наша попытка признать в себе животное будет отрицанием власти и верховенства Бога. Современный атеизм не отказался от этого «гуманизма» библейской аграрной религии, а, наоборот, даже радикализировал тенденцию к обесцениванию всех живых существ помимо человека. И все же началось и продолжает медленно, но верно происходить новое сближение современной научной и анимистической картин мира: обе не знают различия между Творцом и творением или устраняют это различие. Во время научной революции, утверждает Харари, человечество заставило богов замолчать. Древние охотники и собиратели были просто одним из многих видов животных, а земледельцы видели в себе венец творения. Ученые же возведут нас в ранг богов...

С другой стороны, отмечает Харари, «в последнее время, когда люди начали по-новому осмыслять отношения между человеком и животным, такие практики, как массовое индустриальное животноводство, попали под огонь критики. Мы вдруг проявляем невиданную прежде заинтересованность по отношению к судьбам так называемых низших форм жизни — возможно, потому что сами вот-вот станем одной из них. Есть ли вообще причина приписывать человеческой жизни особую

ценность, если компьютеры давно превосходили нас в разуме и могуществе?» — вопрошает автор Homo Deus⁴.

Если интерпретировать понятие Бога чисто функционалистски, то нет проблемы в том, чтобы перенести его на новую, сверхмощную систему искусственного интеллекта. Для трансфункциональных парадоксов здесь места нет⁵: «Бог» становится просто решением всех проблем. «Бог» как человеческое создание разрешает все противоречия, которые мешают алгоритмическому мышлению, если не ставить слово Бог в кавычки. «Бог» становится господином над своим создателем; он способен лучше удовлетворить глубинные человеческие потребности, чем Бог. Даже то, что Георг Бюхнер назвал «скалой атеизма», — страдание — «Бог» преодолевает: «Справедливый искусственный интеллект оказывается столь же хорош, как и справедливый Бог, а может быть, даже лучше. По крайней мере, применительно к проблеме теодицеи это вполне можно утверждать. Ведь боги прошлого (не созданные искусственно) явно не справились с задачей создать мир без страдания или хотя бы удерживать страдание в мире в приемлемых рамках. Этого факта не изменят и самые изощренные объяснения теологов. Новая религиозная надежда могла бы заключаться в вере в то, что при всей оправданной критике в адрес существующих приложений с использованием искусственного интеллекта благодаря ему откроются пути к минимизации страдания и несправедливости»⁶. Для этого не нужна будет и теология — достаточно, например, принять «гедонистический императив» Дэвида Пирса, чтобы спроектировать вместе с ним прекрасный новый мир с «Богом»⁷.

Во всяком случае, дискурс о «Новом Боге» не делает различий между Богом, созданным человеком, и Богом как Творцом всего сущего. «Новый Бог» как Homo Deus — это нечто вроде Шекспира, которого придумал Гамлет и отвел ему видную роль в своей драме. А самого Шекспира как автора «Гамлета» больше нет. Ведь утверждение о трансцендентности Бога — это, как гласит одна из ключевых формул всей критики религии со времен Фейербаха, лишь продукт одной из человеческих потребностей: «Вопрос о происхождении этой сильной потребности [в трансцендентности Бога] с психодинамической точки зрения допускает различные интерпретации. Но представляется правдоподобным, что вера в инаковость Бога была нужна потому, что только благодаря этому качеству Бог может без всяких ограничений служить идеалом»⁸.

Однако, если «Новый Бог» есть идеал, к которому стоит стремиться, тогда с чего бы именно этому «Богу» хотеть стать человеком? Ответ таков: он этого не хочет, и именно это отличает его от Бога. Михаэль Мертес недавно описал мысленный эксперимент на эту тему в традиции «различения духов».

*Дискурс о «Новом Боге»
не делает различий
между Богом, созданным
человеком, и Богом
как Творцом всего сущего*

Смерть Лю Цифера

Среди миллиардеров Лю Цифер выбился на первое место. Он считался самым богатым человеком в мире. Своим головокружительным восхождением — из учителей биологии в провинциальной школе в предприниматели мирового масштаба — он был обязан трем факторам: передовым идеям, которые до него никому не приходили в голову; готовности ради их реализации дойти до предела своих физических, психических и финансовых ресурсов; и, наконец, умению с помощью системы материальных и нематериальных стимулов привлекать на свою сторону ключевых политических деятелей. Эти три фактора были тесно связаны друг с другом. Как известно, великая идея так и остается воздушным замком, если ее автору не хватает ресурсов и настойчивости, чтобы провести ее в жизнь, и нередко реализация таких идей упирается в правовые и институциональные барьеры, устранить которые могут только те, в чьих руках политическая власть.

Сегодня каждому ребенку известно, что Лю Цифер — отец биотического интеллекта (BI). Идея была гениальна в своей простоте, но надо было до нее додуматься! В то время как внимание ученых, политиков и журналистов было приковано к тупиковым направлениям вроде развития квантовых компьютеров, Лю Цифер предложил с помощью новейших биотехнологий выращивать человеческие мозги в лаборатории и использовать их как аппаратную основу. Программное обеспечение преподавалось таким мозгам интеллектуальным образом, а потом они были объединены в мировую сеть. Ученые и экономисты сначала высмеивали Лю Цифера с его одержимостью этой идеей, называя его сумасшедшим и шарлатаном, но он не обращал на это внимания, равно как и на многочисленные неудачи. Конечно, разработка BI потребовала огромных ресурсов, но постепенно производство мозгов стало настолько дешевым, что теперь каждый мелкий надомник может их себе позволить, а купить их можно на распродаже в любом крупном хозяйственном магазине.

Но мозг мозгу рознь. Лю Цифер был убежден, что его собственный мозг совершеннее всех, поэтому все произведенные и соединенные мозги были сделаны по чертежу его ДНК. Заблаговременно думая о будущем, он обеспечил себе монополию на BI, запатентовав свой геном и процесс его постоянной оптимизации. Закона, обеспечивающего правовую базу для этого, сначала не существовало, но благодаря своему влиянию на ключевых политиков Цифер добился, чтобы законопроект (написанный им) прошел все обсуждения в парламенте и был принят. Теперь ничто больше не мешало созданию Всемирной церебральной сети Цифера.

По мере того как Лю Цифер добивался все большего успеха, у многих усиливалось и желание подражать ему. Однако все попытки сокрушить его монополию терпели позорный крах. Так Цифер стал одновременно мессией и предметом ненависти. Но и это его не смущало — наоборот,

он видел в этом подтверждение своего всемирно-исторического значения. Он верил, что однажды историю человечества будут делить на эпохи «до Цифера» и «после Цифера».

Ведя беседы с узким кругом философов, которых он собрал вокруг себя, Лю Цифер сформулировал новую доктрину — биолатонизм. Это было мировоззрение, согласно которому мозговые импульсы есть подлинное бытие, а то, что мы называем «материальной реальностью», «внешним миром», — лишь иллюзия, порожаемая мозгом. Поэтому когда-нибудь человек сможет существовать как чистое содержание мозга, совсем без тела: виртуальная, то есть истинная, реальность одержит верх над материальной, то есть кажущейся. Будущее, говорили биолатоники, следует представлять себе как райское состояние мозга, бесконечную череду ничем не омраченных удовольствий, грандиозных оргазмов, кулинарных и эстетических наслаждений, незабываемых приключений.

К биолатонической доктрине относилась и вера в то, что когда-нибудь удастся перенести все содержимое мозгов из материальной реальности во Всемирную церебральную сеть Цифера. Конец истории, провозглашали биолатоники, будет достигнут тогда, когда все люди сольются в единую мозговую сеть и тем самым осуществится вековая мечта о единстве всего человечества: из содержимого множества мозгов, загруженного во Всемирную церебральную сеть Цифера, в конце концов образуется один большой мозг — «Единый мозг», как они его называли. А поскольку они рассматривали мозговые импульсы как подлинное бытие, этот «Единый мозг» и стал бы тем самым «Единым миром», о котором столько говорили мыслители и политики.

Биолатоники понимали, что какое-то время в материальной реальности еще должны будут существовать люди из плоти и крови, чтобы обслуживать Всемирную церебральную сеть Цифера и обеспечивать ее бесперебойное энергоснабжение (а энергии ей требовалось больше, чем любому другому потребителю в мировой истории). Для этого биолатоники создали «Этику церебральной иерархии» (ЭЦИ) — упрощенную версию передовой разработки Олдоса Хаксли. Согласно ЭЦИ, человечество состоит из трех каст, названных «альфа», «бета» и «гамма». Альфы имеют моральное право перенести содержимое своего мозга во Всемирную церебральную сеть Цифера; беты такого права не имеют: их моральная обязанность — обеспечивать функционирование сети. Задача же гамм заключается в том, чтобы удовлетворять телесные потребности бет. Когда-нибудь в будущем нужда в бетах и гаммах отпадет, поскольку разумные машины новейшего поколения биотического интеллекта смогут взять на себя их работу.

Будущее, говорили биолатоники, следует представлять себе как райское состояние мозга

До сих пор никто не решился покинуть материальную реальность и переселиться в виртуальную. Среди кандидатов-альф многие проявляли большую заинтересованность, но Лю Цифер оставил за собой право сделать этот шаг первым. Несмотря на достигнутый им беспрецедентный успех, в глубине души он ощущал некое неприятное беспокойство. Изводило его не столько неутолимое стремление покорять все новые территории знания и мастерства, сколько чувство двойного унижения. Во-первых, Цифер, невзирая на самые напряженные размышления, не находил ответа на не дававший ему покоя вопрос о смысле своего существования. Во-вторых, его возмущало то, что он смертен. Он хотел стать бессмертным — не в метафорическом смысле, как человек, чья слава переживет века, а в буквальном: хотел победить смерть, по край-

Если вы хотите стать такими, как я, просто станьте тем, чем уже сегодня можете быть: людьми

ней мере, свою собственную. Лю Цифер хотел стать как Бог. Только так, думал он, можно освободиться от этого двойного унижения.

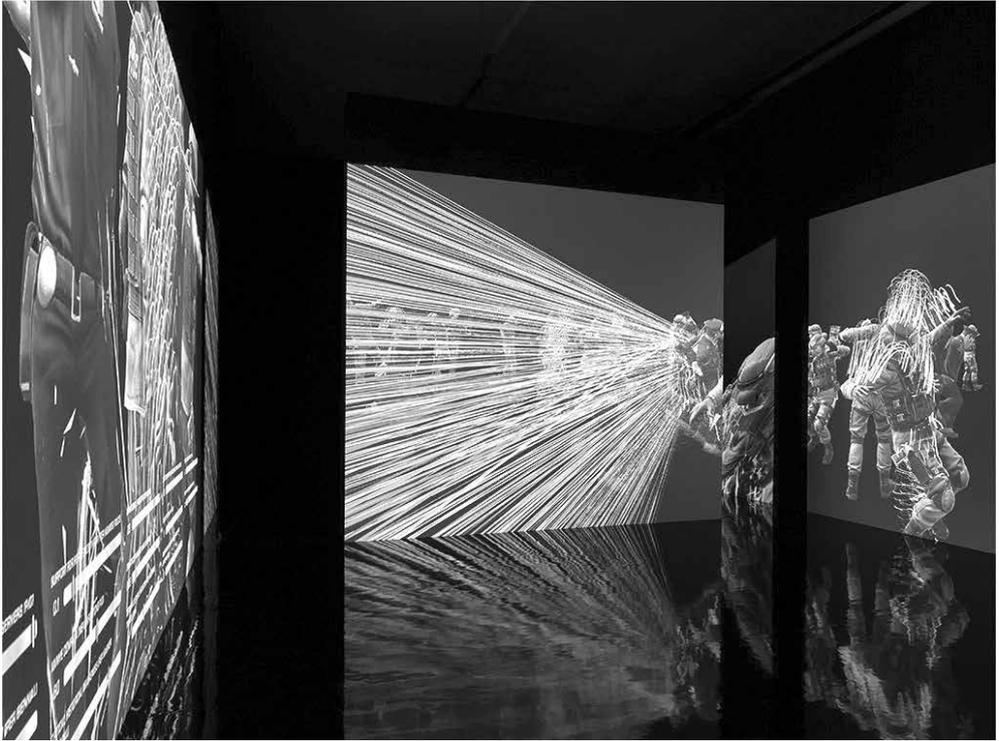
На этот раз Цифер попробовал действовать в двух направлениях. С помощью инновационных коктейлей из лекарств и генной инженерии он попытался изменить собственный

геном и остановить старение тела. А вместе с небольшой группой теологов он обсуждал различные способы обеспечить бесконечность своей жизни. Однако его ждало горькое разочарование: собеседники могли предложить ему лишь древние, как мир, банальности. Когда один из богословов сказал, что смерть — это часть жизни и что именно смертность делает каждый миг человеческого существования бесконечно ценным, терпение Цифера лопнуло. К тому времени он уже вынужден был констатировать, что все коктейли из лекарств и вмешательства в геном не останавливают его старение, а лишь замедляют его. Поэтому он принял решение перенести все содержимое своего мозга в сеть. Впервые в истории человечества Лю Циферу предстояло покинуть иллюзорную материальную реальность и в соответствии с учением биоплатонизма пробудиться в подлинном бытии, в вечном царстве мозговых импульсов — стать, так сказать, первым среди воскресших.

Сказано — сделано. И вот Лю Цифер переселился в виртуальный рай, где ничем не омраченные удовольствия, грандиозные оргазмы, кулинарные и эстетические наслаждения и захватывающие приключения следовали нескончаемой чередой. Но однажды — мы не знаем почему — произошла катастрофа: энергоснабжение Всемирной церебральной сети Цифера нарушилось. В последнюю наносекунду, прежде чем его виртуальный мозг навсегда угас, Цифер испытал неведомое ему прежде ощущение блаженства. Он находился в безграничном пространстве, наполненном чистейшим светом. Доброжелательный голос спросил его:

— Ты хотел стать таким, как я, не так ли?

— Да, — ответил Цифер, не двигая виртуальными губами, а лишь подумав это.

Хито Штейерль (Hito Steyerl). Я выживу. 2020

— Что ж, — произнес голос, — ты достиг своей цели.
— Как это? — удивился Цифер. — Я ведь мертв, а ты жив.
— Я знаю, что ты так думаешь. Вы все так думаете, — сказал голос. — Вы не видите, что когда-то я разделял вашу судьбу, ваши радости и заботы, ваши страдания и смерть. Я стал человеком, как вы, а вы не поняли, что это значит: если вы хотите стать такими, как я, просто станьте тем, чем уже сегодня можете быть: людьми.

И когда последние мозговые импульсы Лю Цифера угасли, его окружил и наполнил вечный покой.

Машина, тело и сознание

Итак, вопрос о Номо Deus, «человеке-Боге», вновь приводит к вопросу о самом человеке. Что есть человек? Что привлекательного — даже для Бога — в том, чтобы быть человеком, стать человеком, быть среди людей? Теологию и антропологию невозможно разделить.

Начнем вот с чего: Юваль Ной Харари в конце своего бестселлера задает ключевой вопрос: «Что более ценно — интеллект или сознание?» — и намечает ответ: «Все, что делает человек, теоретически могло бы быть делом не имеющих сознания алгоритмов. Однако, когда дело касается людей, мы полагаем, что можем верить тому человеку, который утверждает, что обладает сознанием». И далее: «Исходя из предположения, что

можно верить людям, когда они говорят, что нечто осознают, мы можем определить характерные признаки человеческого сознания и впоследствии использовать эти сигналы. Но если искусственный интеллект заявит, что он находится в сознании, должны ли мы будем просто принять его слова на веру?»⁹

На вопрос о том, обладают ли искусственные нейронные сети сознанием, нейробиолог Иоахим Бауэр отвечает отрицательно: «Вопрос о сознании возникает только применительно к живым существам»¹⁰. Живые существа, продолжает он, обладают «внутренне присущим интересом к миру»: они стремятся к контакту и к взаимоотношениям со своей средой. Это касается даже растений — но не компьютеров.

Внутренне присущий интерес к миру и сознание — еще не одно и то же: первое лишь необходимое, но недостаточное условие для второго. То же относится к знанию, интеллекту, способности производить вычисления — все эти качества недостаточны, чтобы сделать вывод о наличии сознания. Решающим является социальный опыт. Наблюдая за новорожденным ребенком, говорит Бауэр, можно увидеть, как формируется «я», которое становится «самосознанием и превращается в инстанцию, способную сообщать о том, что происходит в сознании». Значение тела в этом процессе невозможно переоценить: «Если переживание — главный критерий сознания, то, наблюдая за младенцем, мы видим, что это переживание имеет своим субъектом тело. Позже, когда сформируется “я”, тело будет разделять с ним функцию переживания. Такое же важное значение тело имеет и для развития способности к познанию, которая, в свою очередь, есть один из аспектов интеллекта. Оно также берет <...> начало в теле, что породило концепцию “воплощенного познания” (Embodied Cognition). Компьютеры же тела не имеют»¹¹.

Тело — это медиум коммуникации. Привлекательность того, чтобы быть человеком, заключается именно в телесности, потому что она и есть средство общения. Ведь «нехорошо быть человеку одному» (Быт. 2:18), и хорошо, что человек с самого начала не один: он, в отличие от машины, имеет тело и потому способен к общению. Это соответствует библейскому понятию «плоть»¹². Воплощение Бога, не в последнюю очередь, принятие человеческого тела как вступление в общение.

Свидетельством непрерывного общения воплотившегося, то есть ставшего человеком, Бога с людьми является наше общение с Воскресшим во плоти. Понятие «плоть» подразумевает и смертность, но не как противоположность (будь то в платоновском или в «биоплатоническом» смысле) бессмертной душе или бессмертной машине: машины ведь не имеют плоти и сами плотью не являются. И наоборот, то, как человек проживает свой смертный час, может быть актом коммуникации. Машину можно просто выключить, выдернув вилку из розетки, или

разбить топором. А ставший человеком Бог перед лицом близящейся смерти говорит: «Сие есть тело Мое» — и тем самым превращает Свое умирание в акт общения с людьми.

«Новый Бог» — жалкий Лю Цифер, потому что он уклоняется от воплощения. Он хочет сделать человека счастливым, победить и превзойти его, но сделать это, не принимая его и не желая им быть. Он боится быть человеком, избегает общения. «Новый Бог» — посмешище, которое вызывает дрожь ужаса и восторга только в тех, кто так ослеплен его показными эффектами, что желает с ним слиться.

Пер. с нем. И. Шапиро

Примечания

¹ Harari Y. N. Homo Deus. Eine Geschichte von Morgen. München, 2017. S. 536f. (Здесь и далее цитаты из этой книги приводятся в переводе с немецкого издания, так как в русском часть этих пассажей отсутствует, а часть переведена неверно. — *Прим. пер.*)

² Ibid. S. 279.

³ Ibid. S. 130, 134.

⁴ Этот и предыдущий абзацы см.: *ibid.* S. 135, 137, 139.

⁵ Nordhofen E. JHWH als Zeitgenosse. Die transfunktionale Kraft des biblischen Monotheismus im Zeitalter von KI // *Communio IKaZ*. 2024. Bd. 53. S. 263–275; Paganini C. Der neue Gott. Künstliche Intelligenz und die menschliche Sinnsuche. Freiburg, 2025. S. 149.

⁶ Paganini C. Der neue Gott. S. 149.

⁷ Главный труд трансгуманиста Дэвида Пирса называется «Гедонистический императив». В нем автор приводит аргументы в пользу мира без страданий, в котором с помощью геной инженерии и нейрехимии все будут жить в состоянии вечного счастья.

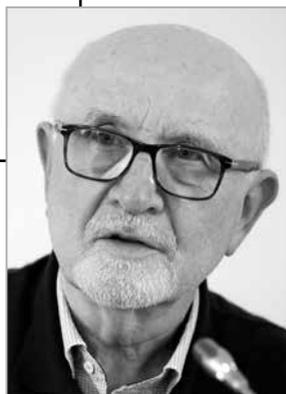
⁸ Paganini C. Der neue Gott. S. 103.

⁹ Harari Y. N. Homo Deus. S. 166, 169.

¹⁰ Bauer J. Realitätsverlust. Wie KI und virtuelle Welten von uns Besitz ergreifen und die Menschlichkeit bedrohen. München, 2023. S. 128.

¹¹ Ibid. S. 130.

¹² В немецкоязычном богословии, как правило, различают «тело» и «плоть», чтобы обозначить разницу между физическим, земным телом и телом духовным — воскресающей плотью (ср.: 1 Кор. 15:44). Греческое слово *soma* может переводиться и как «тело», и как «плоть».

Михаэль Мертес,
писатель, политический
советник канцлера
Гельмута Коля
(1987–1998), посол,
пожизненный
член Института
международных
и европейских дел

Подготовка к последней битве: апокалиптическое мышление на Востоке и на Западе*

Современная политика склонна интерпретировать конфликты не просто как борьбу интересов, а как эпохальное противостояние сил добра и зла. Такой подход размывает границу между политикой и религией и превращает геополитические разногласия в сюжет о конце истории. Как апокалиптическое восприятие мира проявляется в XXI веке? И способно ли неапокалиптическое, либеральное понимание политики противостоять новому радикальному слиянию веры и власти? Эти вопросы подробно рассматривает Михаэль Мертес.

I.

Тема моего выступления — возрождение особого способа мышления (хотя исчезал ли он когда-нибудь по-настоящему?), в рамках которого современные конфликты трактуются как эпохальное противостояние, а порой даже как финальная битва между силами света и тьмы, между армиями Бога и Сатаны. В апокалиптическом мышлении философия истории сливается с теологией истории, тем самым стирая границу между политикой и религией.

Все это может выглядеть как фантазия, сюжет фильма ужасов или результат передозировки психоактивных веществ, но подобные идеи всерьез продвигаются влиятельными людьми. Я познакомлю вас с двумя известными представителями современного апокалиптического мышления — Александром Дугиным из России и Питером Тилем из Соединенных Штатов. Но прежде стоит сделать несколько терминологических уточнений.

Термин «апокалипсис» закрепился в языке как обозначение видений о скором конце истории. В буквальном переводе с греческого *apokálypsis* означает «откровение» или «снятие покров». То, что

* Отредактированный автором текст выступления на семинаре Школы в Вильнюсе 28 октября 2025 г.

пророчески открывается, — конец мира в его нынешнем виде и наступление мессианской эры, вечного Царства Божьего — как бы ни называли это постисторическое состояние.

Апокалиптические видения на Востоке и Западе имеют глубокие корни в трех библейских книгах: в Книге пророка Даниила из Ветхого Завета, в Откровении Иоанна Богослова из Нового Завета и во втором послании апостола Павла к фессалоникийцам (2 Фес. 2:6–7). Апокалиптическое мышление особенно бурно развивается в контексте трех авраамических религий — иудаизма, христианства и ислама, поскольку в их космологии история понимается как линейный процесс, направленный к метаисторической цели. К слову, этим они сходны с зороастризмом, в котором также ожидается победа доброго божества Ахура-Мазды над злом и окончательное обновление Вселенной.

Эти верования следует отличать от религиозных систем, для которых история движется по циклам и понимается как бесконечный процесс повторений. Так называемые три учения, традиционно доминировавшие в Китае, — конфуцианская философия, даосское мировоззрение и буддизм — не воспринимают историю как движение к драматическому финалу, за которым последует постисторическая эпоха божественного спасения. В основе конфуцианства лежит учение о добродетели, направленное на достижение общественной гармонии и устойчивого порядка в земном мире.

В светском контексте слово «апокалипсис» может обозначать исследование бездн бесчеловечности — достаточно вспомнить антивоенный фильм 1979 года «Апокалипсис сегодня», основанный на мотивах повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы». Однако сегодня «апокалипсис» нередко означает катастрофу глобального масштаба. Название американского фильма-катастрофы «Армагеддон» (1998) отсылает к месту, упомянутому в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 16:16). Согласно этому тексту, именно там произойдет решающая битва между силами света и тьмы перед установлением тысячелетнего Царства Христа.

В исламе существует предание (в последнее время активно распространявшееся террористической организацией «Исламское государство», ИГИЛ, или ДАИШ), согласно которому в конце времен мусульманские армии встретят своих врагов на севере Сирии, в городе Дабик. Таким образом, Дабик — своего рода мусульманский Армагеддон. Я не стану подробнее останавливаться на апокалиптических мотивах в исламе — это заслуживает отдельной лекции.

Я также не хотел бы вдаваться в богословские вопросы, обсуждаемые с самого зарождения христианства. Здесь речь идет о современной

*Апокалиптическое мышление
особенно бурно развивается
в контексте трех
авраамических религий –
иудаизма, христианства
и ислама*

политике, точнее — о новых формах превращения политики в религию, в ее светские аналоги. Иллюстрируя это, вспомним выступление Владимира Путина 30 сентября 2022 года по случаю включения в состав Российской Федерации так называемых Донецкой и Луганской народных республик. Вот что он сказал тогда:

...диктатура западных элит направлена против всех обществ, в том числе и народов самих западных стран. Это вызов всем. Такое полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей, подавление свободы приобретает черты «религии наоборот» — откровенного сатанизма. В Нагорной проповеди Иисус Христос, обличая лжепророков, говорит: по плодам их узнаете их. И эти ядовитые плоды уже очевидны людям — не только в нашей стране, во всех странах, в том числе для многих людей и на самом Западе.

Мир вступил в период революционных трансформаций, они носят фундаментальный характер. Формируются новые центры развития, они представляют большинство — большинство! — мирового сообщества и готовы не только заявлять о своих интересах, но и защищать их, и в многополярности видят возможность укрепить свой суверенитет, а значит, обрести истинную свободу, историческую перспективу, свое право на самостоятельное, творческое, самобытное развитие, на гармоничный процесс.

Я намеренно использую выражение «превращение политики в религию», потому что речь идет о чем-то более фундаментальном, чем довольно распространенный случай политического использования

Как правило, чем фанатичнее политическая религия, тем выше ее склонность к насилию и тоталитарному подавлению

религии в собственных интересах, ее инструментализации. В ситуации инструментализации политическая и религиозная сферы, по сути, остаются отдельными. В случае же превращения сама политика становится религией — превращается в то, что историки и политологи метко назвали «политической религией».

Как ни парадоксально, термин «политическая религия» применим и к философиям истории, которые воинственно отрицают религию. Это, безусловно, относится к советскому историческому материализму, поскольку эта идеология была ориентирована на конечную цель истории — спасение человечества через победу сил прогресса над силами прошлого. По пути к этой цели страдания и смерть воспринимались как прискорбные, но неизбежные издержки. Как говорится во французской революционной поговорке: «Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц» (On ne saurait faire une omelette sans casser des œufs).

Как правило, чем фанатичнее политическая религия, тем выше ее склонность к насилию и тоталитарному подавлению. Во всепланетной окончательной битве между добром и злом никому не будет пощады и пленных брать не будут.

Политическую религию следует отличать от религиозного правления, то есть теократии. Теократия — это превращение религии в политику: здесь религия становится системой власти, тогда как в политической религии сама система власти становится религией.

В духе политической религии Путин начинает свою уже названную речь 30 сентября 2022 года богословски нагруженными выражениями: «вера», «религия наоборот», «сатанизм», «лжепророки», «Иисус Христос», «Нагорная проповедь». Затем он переходит к секуляризованному видению Царства Божьего — к грядущему миру «подлинной» свободы, творчества и гармонии.

В либеральных демократиях само собой разумеется, что политика не призвана избавлять мир от зла и приносить спасение. Цель либерально-демократической политики гораздо скромнее, но при этом чрезвычайно амбициозна: она должна обеспечить возможность мирного сосуществования свободных людей в справедливом порядке. Это представление о политике принципиально неапокалиптическое.

В общем и целом мы имеем дело с двумя разными пониманиями политики и двумя разными пониманиями религии. (Разумеется, это грубое упрощение, но на данном этапе уместно оперировать «идеальными типами» в веберовском смысле. После уточнения понятий будет легче описывать промежуточные и гибридные формы.)

Апокалиптическое политическое мышление. Отличительной чертой апокалиптического мышления в политике является разделение человечества на два противостоящих лагеря: добро и зло, друзей и врагов, лояльных и предателей. Армии тьмы стремятся окончательно уничтожить армии света. Наши враги, как утверждается, объединились в масштабный всемирный заговор — иногда это иезуиты, действующие от имени Папы Римского, иногда масоны, иногда капиталисты, иногда «мудрецы Сиона», иногда «глобалисты» со Всемирного экономического форума в Давосе, а порой все они вместе; этот перечень можно продолжать бесконечно. С такими врагами, полагают адепты этого мировоззрения, не может быть компромиссов.

Апокалиптическое религиозное мышление. Такое восприятие мира характерно и для сторонников апокалиптического мышления в религиозной сфере: кто не с нами — тот против нас. «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15 и далее). История мыслится как процесс предопределенный: божественные и сатанинские силы определяют судьбу человечества, но в конечном счете восторжествует Божественное начало. Блаженны те, кто окажется тогда на правой стороне!

Неапокалиптическое политическое мышление. Неапокалиптическое понимание политики не рассматривает оппонентов как врагов, которых необходимо уничтожить, чтобы не быть уничтоженным самому, — напротив, оно видит в них соперников. Политические противники

соревнуются за лучшие идеи и решения. Это, разумеется, не исключает острых разногласий, но все стороны соглашаются, что в итоге дебатов будет принято коллективно обязательное решение, которое должны принять все, включая проигравших.

Разумеется, я имею право защищаться, если кто-то объявляет меня врагом и стремится уничтожить — как Россия поступает с Украиной. Но даже в этих условиях я сохраняю внутреннюю целостность, если сражаюсь не из ненависти к врагу, а ради защиты от агрессора. Бертольт

Я сохраняю внутреннюю целостность, если сражаюсь не из ненависти к врагу, а ради защиты от агрессора

Брехт, который, безусловно, не был пацифистом, говорил: «Даже ненависть к низости искажает лицо».

В своей книге «Как умирают демократии» (2019) политологи Стивен Левицки и Дэниел Зиблатт отмечают, что

конституция демократии включает два неписаных принципа: взаимную терпимость и институциональное самоограничение. Первый принцип означает, что я отношусь к своему оппоненту с уважением (взаимная терпимость). Второй — что я не использую свои институциональные полномочия для того, чтобы лишить оппонента возможности действовать (институциональное самоограничение). В спорте это назвали бы «честной игрой». Мой оппонент никогда не является моим врагом.

II.

Как я уже упоминал в начале, в качестве ярких представителей современного апокалиптического мышления я выбрал Александра Дугина из России и Питера Тила из Соединенных Штатов. Хотя это совершенно разные личности, между ними наблюдается удивительное интеллектуальное сходство. Оба ссылаются на учение консервативного немецкого политического теоретика Карла Шмитта (1888–1985). Их общий враг — либеральная современность. (Используя выражение «либеральная современность» вместо слова «Запад», я хочу подчеркнуть, что сюда входят и такие демократии, как Япония, Южная Корея и Тайвань.)

Александр Дугин, родившийся в 1962 году, — политический философ и один из главных идеологов российских крайне правых. С 2009 по 2014 год он возглавлял кафедру социологии международных отношений факультета социологии МГУ имени Ломоносова. Дугин входит в руководство аналитического центра «Катехон» (Katehon), цель которого — распространение идеологии евразийства, то есть геополитического видения пространства под доминированием России — «большого региона» (Grossraum), простирающегося от Лиссабона до Владивостока и противопоставленного англосаксонскому миру, прежде всего Соединенным Штатам Америки. (Название «Катехон» содержит важную подсказку, как вы вскоре увидите.)

Вопрос о том, оказывает ли Александр Дугин интеллектуальное влияние на Владимира Путина и в какой степени, остается предметом споров. Однако несомненно, что многие идеи Дугина созвучны идеологии, которую Путин выстраивал для себя на протяжении многих лет. «Философские источники путинизма, — пишет Мишель Эльчанинофф, — как бы разнообразны они ни были, <...> все опираются на две основные тенденции: идею империи и оправдание войны». Это общий стержень столь различных философских направлений, как:

- советская идеология,
- «белый» империализм Ивана Ильина (1883–1954),
- консерватизм Константина Леонтьева (1831–1891),
- панславизм Николая Данилевского (1822–1885)
- и евразийство — как его ранняя версия, так и современная в интерпретации Дугина.

Питер Тиль, родившийся в 1967 году, — инвестор, технологический предприниматель и миллиардер. В числе прочего он сооснователь платежного сервиса PayPal, компании Palantir Technologies, а также один из ранних инвесторов Facebook/Meta Platforms. Тиль принадлежит к кругу олигархов, близких к Дональду Трампу, и считается «создателем» вице-президента США Дж. Д. Вэнса. Сам он называет себя гетеродоксальным христианином, в последние годы он привлек внимание своими предупреждениями о скором наступлении всемирного правления Антихриста.

Понятие «катехон» (κατέχων) занимает центральное место в мировоззрении как Дугина, так и Тилиа. Греческое слово *katéchon* в буквальном переводе означает «то, что удерживает» (τὸ κατέχων) или «удерживающий» (ὁ κατέχων). Этого «удерживающего» упоминает апостол Павел во Втором послании к фессалоникийцам (2. Фес. 2:7). Кого или что именно он имеет в виду — остается неясным. Однако апокалиптики всех эпох трактовали этот образ однозначно: как фигуру, чья задача — встать на пути Антихриста, стать его предпоследним противником перед окончательной победой Христа. Через Антихриста силы сатаны в последний раз соблазняют человечество великим отступлением от Христа, прежде чем торжествующий Христос вернется, чтобы лишить Антихриста власти и довести мир до конца и завершения. (Заметим, что в самой функции «удерживающего» есть внутреннее противоречие: удерживая приход Антихриста, он тем самым откладывает и ожидаемое возвращение Христа.)

*Философские источники
путинизма опираются
на две основные тенденции:
идею империи и оправдание
войны*

Как же следует представлять себе Антихриста? По мнению Дугина, он воплощен в «материалистической, универсалистской, уравнилительной цивилизации Запада». Эта цивилизация олицетворяет «мировое зло».

До Страшного суда Святорусь, Третий Рим, останется домом Катехона. В своей планетарной битве с Антихристом он будет поддержан всеми силами, «которые еще не утратили связь со “священным”»: русскими старообрядцами, ультраортодоксальными антисионистами-евреями, европейскими традиционалистами и теми... исламскими фундаменталистами, которые отождествляют Даджала — лжемессию и Антихриста — с Соединенными Штатами. Против [американского] Антихриста поднимет оружие фигура спасителя — Махди, потомок пророка Мухаммеда».

Тиль, напротив, считает, что Антихрист воплощается в образе возможного мирового правительства. Как это может произойти? Тиль отмечает, что многие люди боятся уничтожения мира — будь то атомными бомбами, боевыми роботами или биологическим оружием. Этот страх усиливает жажду безопасности и мира. И тогда на горизонте возникает «решение» под видом добра, мнимый «спаситель»: Антихрист в форме мирового правительства, обещающего защиту. Те, кто хочет предотвратить ядерную катастрофу, ищут спасения в катастрофе куда большей — в Антихристе. Их слепота прокладывает путь к тоталитарному мировому правлению, ранние формы которого, по мнению Тили, уже проявляются в Организации Объединенных Наций. Постоянные раз-

*Для Дугина катехон –
это евразийский империализм
под руководством России;
для Тили – авторитарный
капитализм
под руководством США*

говоры о грядущих катастрофах, таким образом, помогают привести Антихриста к власти. Так, например, Тиль считает Грету Тунберг одним из «воинов в армии Антихриста».

По словам Тили, мир под властью мирового правительства следует представлять себе как «нечто

вроде Восточной Германии, из которой невозможно сбежать», то есть как огромную тюрьму. Однако Антихрист, поясняет он, «вероятнее всего, явит себя как великого гуманиста, как фигуру всеобщего перераспределения, как чрезвычайно щедрого филантропа, как эффективного альтруиста — и все в этом духе». Тиль признает, что многое из этого вполне согласуется с христианской этикой, однако, по его мнению, эти идеи оказываются извращенными, когда связываются с чрезмерной государственной властью.

Так кто же, по мнению Тили, является катехоном, способным остановить Антихриста? Исходя из сказанного, догадаться нетрудно: конечно же, Соединенные Штаты, идущие по стопам Римской империи, которую некоторые раннехристианские авторы, такие как Тертуллиан (около 150–220 гг. н. э.), уже рассматривали в роли катехона. Тиль говорит: «Я думаю, что мать Тереза была большей святой, чем [император] Константин, но все же во мне есть часть, которая предпочитает [катехоническое] христианство Константина. Нам все еще нужно нечто подобное».

Бадьюкао (Badiucao). «Не вижу зла, не слышу зла, не говорю о зле». 2017

Дугин тоже ссылается на Рим, но на Второй Рим — Византию, преемником которой, по его представлению, стала Москва — новый катехон.

Подытоживая, с некоторой иронической гиперболой можно сказать: для Дугина катехон — это евразийский империализм под руководством России; для Тилья — авторитарный капитализм под руководством США. Возникает закономерный вопрос: представляют ли Дугин и Тилья два противоположных полюса, или они «одновременные проявления единого бурного культурного фронта», прокатывающегося по Северному полушарию и «сметающего достижения веков»?

Оба мыслителя, каждый по-своему, считают либеральную демократию злом. По крайней мере, видя их в одной плоскости, невольно вспоминаешь название комедийного фильма — «Странная парочка».

III.

Апокалиптическое мышление всегда сопровождало эпохальные переходы с неопределенным исходом — переломные моменты, требующие интерпретации в масштабах теологии или философии. Однако его следует отличать от культурного пессимизма, который также расцветает в подобные периоды. Классический труд Освальда Шпенглера «Закат Европы», опубликованный в двух томах в 1918 и 1922 годах, основывался на представлении о том, что все развитые цивилизации проходят циклы возвышения и упадка. Такое понимание всемирной истории не подразумевает планетарного апокалипсиса. Сам Шпенглер, впрочем, отвергал мнение, будто он является культурным пессимистом.

Я связан со Школой гражданского просвещения, изначально называвшейся Московской школой политических исследований, уже более

тридцати лет, с 1994 года. В начале 1990-х, после окончания холодной войны и распада Советского Союза, нас вдохновлял дух оптимизма. Разница между тем настроением и сегодняшним пессимизмом, преобладающим в Северном полушарии, — колоссальна. Исходя из личного опыта, я прихожу к выводу, что оптимизм и пессимизм — всего лишь чувства, привязанные ко времени, из которых невозможно вывести политические рекомендации. Никто из нас не знает, что произойдет через сто лет. Мы должны действовать здесь и сейчас.

В 2019 году американский политолог Майкл Мандельбаум проанализировал последний сдвиг — от оптимизма к пессимизму — в книге с иронично прекрасным названием «Взлет и падение мира на Земле». Иллюзия, что эпохальное противостояние между либеральной демократией и нелиберальной автократией завершилось навсегда с концом холодной войны, продержалась недолго. По Мандельбауму, эта фаза длилась всего четверть века — с 1989 по 2014 год. С исторической точки зрения это всего лишь мгновение. Короткий период предполагаемого «вечного мира» совпал со временем, когда США считались единственной оставшейся сверхдержавой мира. Этот «однополярный момент», как его часто называли, вызвал сопротивление сил, не готовых принять

Апокалиптическое мышление парализует и одурманивает

существующий мировой статус-кво. Мандельбаум выделяет три ключевые державы антистатус-кво: Китай, Россию и Иран. Не нужно быть по-

следователем Гегеля или Маркса, чтобы заметить здесь диалектическую динамику. Вопрос лишь в том, является ли эта динамика направленной и завершится ли она «счастливым концом», как полагали Гегель и Маркс.

А как же идея вечного мира, опубликованная Иммануилом Кантом в 1795 году? Те, кто насмехается над этой идеалистической формулой, упускают из виду, что, по выражению самого Канта, это «регулятивная идея» — подобно путеводной звезде на небе, она направляет нас, когда мы плывем по бурным морям истории.

Кант был убежден, что всемирное распространение республиканской формы правления (то, что сегодня мы назвали бы либеральной демократией) является необходимым условием для достижения вечного мира. Я согласен с этим, но опыт, накопленный с 1989 года, показал, что либеральные демократии сами не вечны: они могут утратить либеральный характер, а порой даже погибнуть.

Истории нет конца — ни в добре, ни во зле.

Апокалиптическое мышление парализует и одурманивает. Как пишет Марк Лилла, оно «способно перепрограммировать мозг даже самых вдумчивых людей и исказить их восприятие до такой степени, что даже надменный плутократ с искусственным загаром может показаться Мессией. Жажда национального спасителя заставляет забыть и Платона, и Аристотеля, и отцов-основателей Америки».

Именно поэтому я хотел бы завершить антиапокалиптическим сюжетом, который, подобно видению Армагеддона, тоже имеет библейское основание: после Потопа Бог обещает Нюю и его семье — единственным уцелевшим людям, — что больше никогда не станет проклинать землю, но пощадит ее, хотя и знает, что «помышление сердца человеческого — зло от юности его» (Быт. 8:21–22).

Я понимаю это так: Бог больше не несет ответственности за глобальные катастрофы — теперь ответственность лежит на людях. А значит, люди сами ответственны за то, чтобы предотвратить эти катастрофы. И это, в сущности, куда более обнадеживающее послание, чем апокалиптические видения грядущего Армагеддона.

Библиография

- Берман П.* Террор и либерализм. Гамбург: Europäische Verlagsanstalt, 2004.
- Вайс Ф.* Авторитарный мятеж. Новые правые и закат Запада. Штутгарт: Klett-Cotta, 2017.
- Горенберг Г.* Конец времен. Фундаментализм и борьба за Храмовую гору. Нью-Йорк: Oxford University Press, 2002.
- Левицки С., Зиблатт Д.* Как умирают демократии. Нью-Йорк: Broadway Books, 2019.
- Лилла М.* Штормовые предупреждения // The New York Review of Books. 6 ноября 2025.
- Лилла М.* Интервью Д. Дрейку. Хтонические силы // The New York Review of Books. 18 октября 2025.
- Мандельбаум М.* Взлет и падение мира на Земле. Нью-Йорк: Oxford University Press, 2019.
- Маннеман Ю.* Власть в постоянстве: о катехонике Питера Тилиа и Карла Шмитта // Philosophie InDebate. 2 июля 2025.
- Мертес К. SJ.* Удержание Антихриста. Заблудшая экзегеза Посланий Павла сегодня // Stimmen der Zeit. 2025. № 10. С. 781 и далее.
- Ожидание спасения и террор. Политические религии XX века / Под ред. Г. Люббе. Дюссельдорф: Patmos, 1995.
- Пути к насилию. Современные политические религии / Под ред. Х. Майера. Франкфурт-на-Майне: Fischer, 2000.
- Фрелих В., Мертес М.* Новый конспирационизм. Как цифровые платформы и фанатские сообщества создают и распространяют конспирологические нарративы. Марбург: Büchner, 2022.
- Хагемайстер М.* «Северный катехон»: неовизантизм и политический исихазм в постсоветской России. Эрфурт: Erfurter Vorträge zur Kulturgeschichte des Orthodoxen Christentums, 2016. № 15.
- Херцингер Р., Штайн Х.* Пророки конца времен, или Наступление антизападников. Райнбек под Гамбургом: Rowohlt, 1995.
- Хофштадтер Р.* Параноидальный стиль в американской политике // Harper's Magazine. Ноябрь 1964.

Эльчанинофф М. В голове у Путина. Логика и произвол автократа. Обновленное издание. Берлин: Тropic, 2022.

Яблоков И. Крепость Россия. Теории заговора в постсоветской России. Кембридж: Polity Press, 2018.

Источники

Александр Дугин:

Интервью Фарида Закарии с Александром Дугиным, 30 марта 2025 г. Стенограмма // CNN. Global Public Square.

<https://transcripts.cnn.com/show/fzgps/date/2025-03-30/segment/01>

Владимир Путин:

Речь 30 сентября 2022 г. по случаю подписания договоров о принятии Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей в состав России.

<http://en.kremlin.ru/events/president/news/69465>

Питер Тиль:

Стенограмма части I.

Apocalypse Now? Peter Thiel on Ancient Prophecies and Modern Tech // The Singju Post. December 7, 2024.

<https://singjupost.com/transcript-apocalypse-now-peter-thiel-on-ancient-prophecies-and-modern-tech/>

The Techno-Apocalypse is Nigh // Decoding the Gurus. Episode № 119. February 4, 2025.

<https://decoding-the-gurus.captivate.fm/episode/peter-thiel-the-techno-apocalypse-is-nigh>

Peter Thiel and the Antichrist. The original tech right power player on A.I., Mars and immortality // The New York Times. June 26, 2025.

<https://www.nytimes.com/2025/06/26/opinion/peter-thiel-antichrist-ross-douthat.html>

Стенограмма части II.

Apocalypse Now? Peter Thiel on Ancient Prophecies and Modern Tech // The Singju Post. March 10, 2025.

<https://singjupost.com/transcript-of-part-ii-apocalypse-now-peter-thiel-on-ancient-prophecies-and-modern-tech/>

Inside tech billionaire Peter Thiel's off-the-record lectures about the Antichrist // The Guardian. October 10, 2025.

<https://www.theguardian.com/us-news/2025/oct/10/peter-thiel-lectures-antichrist>

«Seelsorge für Eliten»: Mitschnitte aus Thiels geheimen Antichrist-Vorträgen geleakt // Der Standard. October 13, 2025.

<https://www.derstandard.de/consent/tcf/story/3100000291719/>

[seelsorge-fuer-eliten-mitschnitte-aus-thiels-geheimen-antichrist-vortraegen-geleakt](https://www.derstandard.de/consent/tcf/story/3100000291719/)

Дж. Д. Вэнс:

Речь вице-президента США на Мюнхенской конференции по безопасности. 14 февраля 2025: «...the threat that I worry the most about vis-à-vis Europe is not Russia, it's not China, it's not any other external actor. And what I worry about is the threat from within, the retreat of Europe from some of its most fundamental values — values shared with the United States of America».

https://securityconference.org/assets/02_Dokumente/01_Publikationen/2025/Selected_Key_Speeches_Vol._II/MS_C_Speeches_2025_Vol2_Ansicht_gek%C3%BCrzt.pdf

Говорят, понять можно только то, что имеет смысл. Между тем то, что имеет смысл, нам уже известно: мир, добро, свобода, дружба, любовь... Поэтому говорить о поиске смысла понимания едва ли стоит. Скорее, речь должна идти о самом понимании или непонимании, учитывая очевидный кризис доверия в современном мире и те последствия, к которым это приводит.

По поводу дебатов Кирилла Мартынова и Юлии Галяминой

В процессе нашумевших дебатов 28 октября 2025 года на публику были вынесены крайне актуальные вопросы: как нам здесь жить и не утратить достоинства? пригодна ли для этого работа в стиле старой теории малых дел? надо ли широко освещать факты преследований и демонстрировать поддержку жертвам, чтобы не сделать им хуже? Силы участников были явно неравны. У Кирилла, опытного университетского преподавателя, чувствовалась более глубокая понятийная база и ясная аргументация, он четко ставил вопросы и отвечал точно на вопросы оппонента. Юлия строгостью речи не отличалась, уводила разговор в сторону и, казалось, больше стремилась не столько обсуждать проблемы, сколько сообщать слушателям что-то о себе и своих воззрениях. Складывалось впечатление ориентации на определенную аудиторию и позиционирование себя в качестве ее кристалла. На этом фоне — случайно ли? — высветился и ее тезис о необходимости эмпатии и сочувствия к воюющим, к семьям погибших и их горю. Звучало и слово «жалость», причем в одном предложении соединилось сочувствие и к жертвам политических репрессий, и к тем, кто отправлен на мобилизацию или даже сам пошел воевать. Эти слова и вызвали бурную полемику в соцсетях.

Цитата: «Люди стали по-другому смотреть на происходящее — не с точки зрения, не знаю, оценок, что хорошо, а что плохо, а с точки зрения понимания. Например, люди понимают тех людей, которые

*Ольга Крокинская,
доктор
социологических наук*

отправились по каким-то причинам на СВО, они их понимают, они их принимают как людей и готовы им сочувствовать и готовы понимать, что это большое горе». Также было сказано, что коллеги за рубежом этих настроений не разделяют, но таких людей надо понимать, потому что с ними потом жить.

Не вдаваясь в оценку сказанного, позволю себе несколько слов о понимании. Как и в случае с идеей Льва Шлосберга «Украина не жертва», мы имеем дело с инверсией, т.е. неразличением фреймов анализа, формирующих неодинаковые смыслы, и неразличением самих смыслов. Надеюсь, по недоразумению, хотя политикам надо бы разуметь. Понимание «по Галяминой» точно разобрал В. Шендерович в «Фейсбуке», повторяться не буду, но кое-что добавлю.

С нележкой в данном случае руки Макса Вебера у нас в науке завелась в свое время «понимающая социология» (*Verstehende Soziologie*) и надолго заморочила ясность концептов. Термин этот возник в полемике «объективистского» и «субъективистского» подходов к определению сути социального: определяется она действием малоосознаваемых глубинных социальных структур (К. Маркс, Э. Дюркгейм) или субъективными смыслами действующих агентов (В. Дильтей, М. Вебер и еще несколько выдающихся имен). Вебер назвал социальным действие не по «объективному» структурному принуждению, а по смысловой направленности на партнера. Целевое, рациональное, ценностно осмысленное действие возможно только при условии, что обоим участникам понятен его смысл.

Отсюда действительно вытекает, что людей, согласившихся на войну в соседней стране, а также саму эту войну и того, кто ее начал, нам надо «понимать». Случайно ли в Германии «путинферштееры» («понимающие Путина») не редкость? Немецкое *Verstehende* «Гугл» действительно переводит как «понимание», но термин *Verstehende Soziologie* — уже как «интерпретативная социология». И это правильно, потому что мы не можем рассчитывать на то, что действительно «поймем» кого-то или что-то вокруг себя в их действительных смыслах. И кого-то, и что-то мы можем только пытаться истолковать, интерпретировать, и можем делать это только на базе своего разума и в меру своего понимания. Мераб Мамардашвили говорил: «В меру своей темноты». Мы и себя-то толком понять не можем, потому что для этого нужно быть честным с самим собой и не бояться по-гамлетовски «повернуть глаза зрачками в душу», а это та еще задачка!

Фреймы «понимания» в русском языке особенно коварны. Слово употребляется в нескольких значениях, в том числе вот в этом, извините, сюсюкающем и слезливом «понять — простить — принять». Это то, к чему клонит Юлия Галямина. Однако в этой формуле значимо отсутствуют еще две позиции: раскаяние и просьба о прощении. Потому что простить можно, только когда об этом просят, а не авансом, а просить

о прощении можно, только ужаснувшись себе и раскаявшись в грехе. В великом, страшном грехе этой войны. У Рембрандта в «Возвращении блудного сына» это куда как точно показано. А без раскаяния можно только закрыть глаза и забыть.

Галямина строит некоторый контекст: идут на войну за деньги, чтобы выбраться из долговой ямы, вылечить ребенка, маму, обеспечить достаток, которого никогда не имел... Тут, правда, исключен смысл «убивать за деньги» и «умирать за деньги», остается лишь смысл «заработать». Попутно вспомнила реплику чиновницы из городской избирательной комиссии, когда ей попеняли, что к обману на выборах она привлекает учителей. «Что ж вы не даете им заработать?» — на голубом глазу отвечает она журналисту. Заработать. Но почему нельзя заработать другими способами?

Хорошо, что социология избавилась от стигмата «понимания» и на его месте возникло методологически точное «объяснение». Именно объяснение, возникающее из исследования, может вывести проблему заработка в другие контексты, где вам встретится социальное разобщение и дикое не-

равенство, монополизированная экономика и деспотическая политика, бессилие права и нулевое правосознание, зародышевая мораль и исторически ампутированная эмпатия, бытовой шовинизм, вырвавшийся на свободу, системное социальное насилие, упадок мужского гендера и много чего еще, без чего никак не получится объяснить, как стало возможно то, что стало!

Сегодня смешно говорить о науке, но я буду. Когда-нибудь она даст нам объяснения, особенно если решится на сильную теорию. А материалы накапливаются. Путь объяснения труднее и дольше, чем путь понимания/соглашательства/забвения, но он вернее ведет к выходу из патологии. Это как в сериале «Охотник за разумом»: ради общественной безопасности надо изучать психологию маньяков. Изучать, а не эмпатически «понимать». Ради выхода из социальной патологии надо изучать обстоятельства ее складывания. Это надо делать еще и потому, что объяснение открывает дорогу решениям, тогда как понимание/прощение/забвение закрывает эту дорогу. Ну «поняли» мы их. И?..

Впрочем, да, бывает такое понимание, когда мгновенно схватываешь абсолютную суть человека или явления. Но какой же это ужас, потому что в этот момент ты сам оказываешься в его страшном мире и осознаешь тяжесть своего с ним сосуществования.

*Хорошо, что социология
избавилась от стигмата
«понимания»
и на его месте возникло
методологически точное
«объяснение»*

Европа долго жила внутри удобной иллюзии «единого Запада», не замечая, как фундамент этой конструкции постепенно разрушался. От «разворота к Азии» Обамы до протекционизма Байдена и изоляционизма Трампа США последовательно оставляли Европу наедине с вызовами. Сможет ли Европа обрести подлинную субъектность, или же европейская идея окончательно растворится в мировом хаосе? Об этом на семинаре Школы гражданского просвещения в Риге 8 декабря 2025 г. рассуждала обозреватель газеты *Le Monde* Сильви Кауфманн.

Сильви Кауфманн

«Прыжок в новый мир потребует от нас пределной ясности ума»*

Недавно я зашла в социальную сеть X (бывший Twitter), чтобы посмотреть последние новости, и вдруг увидела шквал твитов с призывами упразднить Европейский союз. И кто же к этому призывал? Илон Маск. У него есть мотив: он в ярости из-за штрафа в 120 миллионов евро, наложенного Еврокомиссией. На что министр иностранных дел Польши Радек Сикорский ответил: «Лети на Марс. Там на нацистские приветствия цензуры нет». Джей Ди Вэнс пока не зашел так далеко, чтобы призывать к роспуску ЕС, но обвинил Евросоюз в цензуре.

И кто же подхватил эти обвинения, делая репосты? Илон Маск, Дмитрий Медведев и спецпредставитель президента РФ Кирилл Дмитриев. Теперь Россия и США объединяются, чтобы атаковать Европу. И это действительно драматический сдвиг в геополитической динамике и в трансатлантических отношениях, который назревал с тех пор, как Дональд Трамп вернулся в Белый дом.

Еще в своей инаугурационной речи Трамп начал критиковать Европу и заявил, что хочет заполучить Гренландию. Затем, три недели спустя, Джей Ди Вэнс в Париже на цифровом саммите обрушился с критикой на законы ЕС, главным образом на Закон о цифровых услугах (DSA) и Закон о цифровых рынках (DMA). Эти два законодательных акта обеспечивают

правовую базу для подотчетности цифровых сервисов, модерации контента и прозрачности. И, конечно, это бьет прежде всего по американским техгигантам, которые доминируют на рынке ЕС.

А еще четыре дня спустя Джей Ди Вэнс отправился в Мюнхен на конференцию по безопасности, где произнес свою теперь уже знаменитую речь. Европейцы не могли поверить, что он будет так жестко нападать на либеральные ценности и критиковать Европу, включая Германию, где проходила конференция. Он заявил, что Европа сталкивается с большей угрозой со стороны собственных демократических провалов, чем со стороны российской агрессии. Это было нечто из ряда вон выходящее. Ведь Мюнхенская конференция — это место, где Запад должен объединяться перед лицом внешних угроз. Мюнхен — это, по сути, «конференция Запада». Но теперь западный лидер приезжает в Мюнхен не для выражения солидарности, а чтобы напасть на своих союзников.

Две недели спустя последовал еще один шок, еще более яростная атака, когда Владимир Зеленский был приглашен в Белый дом, — эта сцена, которую видел весь мир, осталась в памяти европейцев как решающий момент в наших отношениях. А еще через несколько дней США внезапно на неделю прекратили всю военную помощь Украине, включая критически важные разведданные и спутниковое сопровождение. Это было своего рода предупреждение: «Мы это сделали и можем сделать снова». С этого момента началась многомесячная эпопея попыток Трампа закончить войну, по сути приняв требования Путина.

В вопросах мира в Украине европейцев снова отодвинули на обочину. Когда Уиткофф и Кушнер вернулись после встречи с Путиным, они должны были заехать в Брюссель, чтобы проинформировать европейцев и украинцев, а затем отправиться в Вашингтон. Но они не остановились в Брюсселе. Осознает ли Европа, что она теперь одна?

Предупреждений было много. Если посмотреть на историю после окончания холодной войны, то можно увидеть, что как только Европа и США потеряли общего врага, их интересы начали расходиться. Осознание этого заняло время. Америка тогда была единственной сверхдержавой, а Китай еще не набрал силу.

Теракты 11 сентября ненадолго объединили Запад — тогда Европа сама настояла на том, чтобы помочь США в Афганистане по правилам коллективной обороны НАТО. Но вскоре США решили пойти в Ирак. Чтобы добиться своего, США фактически раскололи Европу. Пока Франция и Германия выступали против войны, американцы давили на страны Балтии, ставя им жесткое условие: «Если хотите попасть в НАТО, вы обязаны поддержать нас в Ираке». Этот ультиматум создал глубокий раскол, последствия которого мы наблюдаем до сих пор.

Затем наступила эпоха Обамы, чей приход в Европе поначалу встретили с огромным воодушевлением. Однако у Обамы было свое стратегическое видение: наблюдая за подъемом Китая, он провозгласил

«разворот к Азии», вследствие чего Европа перестала быть для него приоритетом. С точки зрения глобальной эволюции это было логично, но мы упорно не желали этого принимать. Мы продолжали верить в некое незыблемое единство Запада и надеялись, что по-прежнему можем полагаться на США в вопросах своей безопасности. По сути, эта вера позволяла нам годами не тратить деньги на собственную оборону.

Путин уже тогда посылал Западу недвусмысленные сигналы — взять хотя бы вторжение в Грузию в 2008 году. Но мы предпочли игнорировать его реальные амбиции. Затем последовали кризисы на Ближнем Востоке. В Ливии, где вмешались Франция и Великобритания, родилась знаменитая формула: США «руководят из-за кулис» (leading from behind). Горькая же реальность заключалась в том, что уже через несколько дней у европейцев закончились боеприпасы, и нам пришлось просить США о помощи. Это был очередной тревожный звонок, который мы вновь проигнорировали.

После Грузии Путин окончательно убедился: Запад слишком слаб и не станет вмешиваться. В Сирии США установили «красную линию» по химическому оружию, но когда Асад ее переступил, Обама в последний момент заколебался. Несмотря на готовность Франции и Британии нанести совместный удар, он заявил президенту Олланду: «Мы не пойдем». В итоге «красная линия» была демонстративно нарушена и никакой реакции не последовало. Все это закономерно привело к аннексии Крыма в 2014 году, на которую наша реакция оказалась тоже, мягко говоря, слабой.

В 2014 году на саммите НАТО в Уэльсе Обама сказал партнерам: «Теперь вы должны делать больше сами. Нужно делить бремя. Тратьте 2% ВВП на оборону». Спустя 10 лет лишь немногие достигли этой цели. Тем временем по Европе покати́лась волна популизма: Орбан в 2010-м,

Сегодня мы стоим перед фундаментальным вопросом: что на самом деле представляет собой Запад?

ПиС в Польше в 2015-м, затем Брекзит и, наконец, Трамп. Я помню, как Обама приезжал прощаться с Ангелой Меркель. Она сказала знаменитую фразу: «Теперь мы должны взять свою судьбу в свои руки». И что она сделала для выполнения этого обещания? Ничего. Мы снова были слепы. В Германии Меркель лишь усилила зависимость от российского газа — «Северный поток — 2» строился при ней. Вместе с Францией она годами пыталась договориться с Путиным по поводу Донбасса, но это ни к чему не привело. Затем 2022 год — полномасштабное вторжение. И снова европейцы застигнуты врасплох.

Байден в промежутке между двумя сроками Трампа, разумеется, был гораздо приятнее в общении, вежливее и цивилизованнее по отношению к Европе. Но многие принятые им решения оказались для нас пагубными. Например, его Закон о снижении инфляции (IRA) был

Байден в промежутке между двумя сроками Трампа, разумеется, был гораздо приятнее в общении, вежливее и цивилизованнее по отношению к Европе. Но многие принятые им решения оказались для нас пагубными. Например, его Закон о снижении инфляции (IRA) был

протекционистским актом, который нанес ощутимый удар по европейской экономике. А то, как он вывел войска из Афганистана, — крайне поучительный эпизод в истории отношений Америки с союзниками. Такие страны, как Великобритания и Германия, в течение двадцати лет участвовали в этой военной кампании бок о бок с США; Британия потеряла там 450 человек. И когда дело дошло до вывода войск, с ними даже не посоветовались. Их даже не проинформировали о том, как именно это будет организовано. То есть даже Байден, которого мы называли «последним проевропейским президентом Америки», мог позволить себе так обращаться со своими европейскими союзниками.

Сегодня мы стоим перед фундаментальным вопросом: что на самом деле представляет собой Запад? И здесь ключевой является тема европейской идентичности. Дональд Трамп и движение MAGA обвиняют Европу в разрушении западной цивилизации, ставя нам в вину массовую миграцию, ограничение свободы

слова и распространение воукизма. Однако эти обвинения во многом предвзяты: уровень миграции у нас сопоставим с американским, а так называемый воукизм зародился в самих США и в Европе не имеет таких масштабов. Тем не менее именно Европа — и прежде всего Евросоюз — превратилась в главную мишень для критики.

Показателен твит Кристофера Ландау, заместителя госсекретаря. Его позиция предельно жесткая: «Когда эти страны надевают “шляпу ЕС”, они начинают преследовать цели, враждебные интересам США: цензуру, экономическое самоубийство, климатический фанатизм и презрение к суверенитету. Это не может продолжаться. Либо великие нации Европы станут нашими партнерами в защите западной цивилизации, либо нет. Мы не можем притворяться партнерами, пока эти страны позволяют неизбранной брюссельской бюрократии проводить политику цивилизационного суицида».

В этой риторике словосочетание «западная цивилизация» — ключевое. Обвинения в подавлении свободы слова — лишь часть идеологической войны, развязанной американскими правыми. Но именно сейчас, как отмечает Георгиос Варуксакис в своей книге «Запад: история идеи», война в Украине провоцирует глубокое переосмысление того, что значит быть частью Запада. Соппротивление Украины доказало, что общие ценности и политическая солидарность важнее географических или культурных границ. В этом контексте Запад — не застывшая география или наследие предков, а живой проект, который находится в процессе развития и формируется нашим моральным выбором и коллективными обязательствами.

*Именно Европа остается
истинным хранителем
фундаментальных
западных ценностей,
в основе которых лежит
Просвещение*

Таким образом, пока лидеры MAGA и Джей Ди Вэнс провозглашают себя защитниками «западной цивилизации», важно помнить: именно Европа остается истинным хранителем фундаментальных западных ценностей, в основе которых лежит Просвещение. Америка присоединилась к этому цивилизационному проекту значительно позже, фактически как его ответвление; она была изоляционистской в прошлом и, судя по всему, готова стать таковой снова. В этом контексте мы можем оказаться свидетелями возвращения к той версии Запада, где центром вновь является Европа, как это и было на протяжении большей части истории.

Однако какой выбор стоит перед Европой сегодня? Идеологическое наступление правых сил не ограничивается одним лишь Трампом — оно находит благодатную почву внутри самой Европы. Мы наблюдаем подъем популистских партий практически во всех наших странах, и Трамп активно их поддерживает. А значит, нам предстоит борьба на внутреннем фронте. Нам нужна серьезная и честная дискуссия: почему либеральная демократия сегодня сталкивается с таким мощным сопротивлением? Почему избиратели массово уходят к популистам и почему либеральные ценности перестали быть для них убедительными? Ответ нельзя сводить только к фигуре Дональда Трампа. Нам необходимы прозрачность и глубокий самоанализ (soul-searching). И, конечно, мы должны сохранять достоинство — и это касается в том числе того, как наши лидеры взаимодействуют с Трампом.

Для Европы это экзистенциальный вызов. Мы рискуем оказаться в ситуации, когда мы — последние, кто соблюдает правила, которые больше никто не признает (например, нормы международного права). Мы находимся на распутье и перед сложнейшим выбором: пытаться ли нам реставрировать старую систему или изобретать новую? Прыжок в этот новый мир потребует от нас предельной ясности ума, творческого подхода, политической воли и, конечно же, достоинства и верности идеалам Просвещения.

Дискуссия о постсоветском человеке

Дискуссия была организована журналом «Историческая экспертиза» и посвящена книге Михаила Минакова «Постсоветский человек и его время. Опыт философского осмысления постсоветской эпохи»¹.

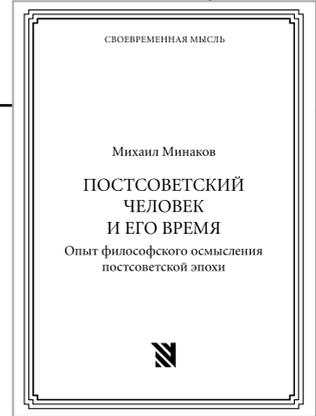
Постсоветский период (1991–2022) в этом исследовании рассматривается как завершённый исторический эксперимент по построению свободных обществ после краха тоталитаризма. Как получилось, что почти 300 миллионов человек в пятнадцати новых независимых государствах проявили политический творческий подход к созданию различных институциональных структур — от либеральных демократий до возрождённых автократий? Какие институциональные модели наилучшим образом защищали индивидуальную свободу, а какие потерпели неудачу? Какие уроки могут извлечь современные демократии из этого опыта?

Издание представляет эмпирический анализ демократических и автократических режимов постсоветского пространства. Исследуются избирательные системы, независимость судебной системы, верховенство права, гражданское общество и разделение властей — через количественные показатели и философский анализ.

Участники дискуссии:

Михаил Минаков — автор книги, доктор философских наук, приглашённый профессор Европейского университета Виадрина (Франкфурт-на-Одере), главный редактор журнала «Идеология и политика».

¹ Первое издание: Рига: Школа гражданского просвещения, 2024. Второе издание: Рига: Свободный университет, 2025; издание на англ. яз.: *The Post-Soviet Human. Philosophical Reflections on Social History after the End of Communism*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2024; издание на укр. яз.: *Пострадянська людина та її доба*. Київ; Мілан: Лаурус; Κοινη, 2024; нем. пер. англоязычной версии: *Der postsowjetische Mensch. Philosophische Betrachtungen zur Gesellschaftsgeschichte nach Ende der UdSSR*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2025.

Михаил Минаков

Андрей Баумейстер

Василий Жарков

Юрий Латыш

Сергей Эрлих

Андрей Баумейстер — доктор философских наук, основатель школы «Архитектор смыслов».

Василий Жарков — кандидат исторических наук, приглашенный преподаватель Европейского гуманитарного университета (Вильнюс).

Юрий Латыш — кандидат исторических наук, приглашенный профессор Государственного университета Лондрины (Бразилия), заместитель главного редактора журнала «Историческая экспертиза».

Ведущий: **Сергей Эрлих**, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Историческая экспертиза».

Юрий Латыш: Добрый день, уважаемые участники и зрители. Мы проводим онлайн очередную историческую экспертизу, 79-ю по счету. Мы начинаем новую традицию — будем периодически проводить презентации новых книг. Сегодня мы обсуждаем книгу Михаила Минакова «Постсоветский человек и его время». Прошло 40 лет с начала перестройки — того «нового мышления», которое привело к окончанию холодной войны, распаду СССР и рождению периода, который мы называем постсоветским. Само его название как бы принижает эту эпоху — она всего лишь «пост», после чего-то. То есть главная ее ценность в том, что она постсоветская.

Выступление Михаила Минакова

Спасибо большое, коллеги, что обратили внимание на книгу и собрались для ее обсуждения. Для меня это честь! Эта книга зарождалась в муках предчувствия войны и писалась в 2022 году, в дни начала войны, из цезуры, из переживания коллективной встречи многих народов с Ничто. Из этой ситуации я пытался оглянуться назад, посмотреть на эпоху, которая заканчивалась.

Юрий справедливо заметил насчет «постсоветского». В данном случае эпоха действительно *post* и в силу этого *propter* — именно постсоветская, и в этом есть оправдание. «Пост» означает не только «после», но и «вследствие», «против», как в известном трюизме. Это была попытка не просто применить новые либеральные идеи и модели — это была попытка исправить историю. Мне особенно приятно сегодня говорить с историками, философами и политологом. Именно в этом созвездии можно обсуждать то, что происходило в последние 40 лет. Сорокалетие — моисеевский срок — период, когда позднесоветские и постсоветские люди отправились в исторические кочевья. Мне казалось, что

2022 год поставил точку и период, в который мы вошли, теперь тоже «пост», но посттранзитный. Об этом посттранзитном периоде заговорили коллеги в Вильнюсе и Варшаве уже в начале двухтысячных. Когда они вошли в НАТО и ЕС, считалось, что транзит закончен, история завершилась, они уже там — гораздо раньше, чем через 40 лет. Но для других стран Восточной Европы и Северной Евразии это было не так. В книге я пытаюсь использовать термины «Северная Евразия» и «Восточная Европа», чтобы не привязываться к понятию «постсоветское» хотя бы в географии.

Тот период все-таки был связан с надеждами и опытом позднесоветского человека — надеждами на свободу, на рыночный капитал, на мирную Европу. Поэтому постсоветский период от начала до конца укладывается в четыре направления: демократизация, маркетизация (извините за страшное слово), национализация и европеизация. Четыре направления, но не идеологии, а тенденции. По каждому из направлений можно проследить, как это происходило: действительно возникли свободные

*Постсоветский период
от начала до конца укладывается
в четыре направления:
демократизация, маркетизация,
национализация и европеизация*

национальные государства, рынки и большой европейский проект, связанный с политическим воображаемым, выраженным в Парижской хартии 1990 года, в понимании Европы от Дублина до Владивостока. Он почти состоялся, но потом начал сворачиваться.

Демократизация начала обрываться, и оказалось, что в каждом направлении происходит своя диалектика. Демократизация, особенно радикальная, порождает и олигархов, и автократов. Рыночные дисбалансы порождают капитал, который забирает власть под себя и не дает государствам окончательно стать правовыми системами, — возникают патрональные системы. Национализация из друга демократии превращается во врага. Идея национализации была в том, чтобы укоренить свободную политику и свободный рынок в новых обществах. Национальное должно было стать местом гражданской нации, основанием для всего этого. Методологи, философы и идеологи транзита понимали, что будут конфликты и противоречия. Предполагалось снимать их через европеизацию — гармонизацию норм, уменьшение конфликтов через ОБСЕ.

Я пытался проследить, как эта тетрада разворачивалась 40 лет и как мы постепенно отказывались от демократии, как рынки становились все менее свободными, как начинали играть с их закрытием. К 2022 году, а на самом деле уже во второй декаде XXI века начинает нарастать третья волна автократизации, одними из региональных лидеров которой являются Восточная Европа и Северная Евразия.

Я смотрю на это через большую универсальную философскую призму — простите, историки — с точки зрения политической креативности. Человек — это дазайн, сущее, заброшенное в мир. Несмотря на заброшенность, это существо способно менять мир. Мы вбрасываем жизненные проекты, личные и коллективные, в Ничто и так меняем реальность, расширяем рамки мира. Творческая сила, которую проявляет человек за время своей жизни, за жизнь поколения, воплощается в разных формах, в том числе политических. В последней главе книги я пытаюсь подвести своего рода бухгалтерский баланс, измеряя последствия этой креативности в терминах демократии и автократии.

Это, безусловно, упрощение, но мне кажется крайне важным понять: ко второй декаде XXI века постсоветский человек в разных национальных формах инвестировал все больше и больше в инновации автократического несвободного типа. Разочарование в свободе, подготовка к войнам, апробация войн в 2008 году. Можно четко увидеть: ранние постсоветские войны связаны с государственным строительством, а позднепостсоветские — начиная с 2008-го, потом 2014-го и 2022-го — уже

*Творческая сила,
которую проявляет человек
за время своей жизни,
воплощается в разных
формах, в том числе
политических*

связаны с интересами государств, изменением границ, установлением совершенно новых режимов, которые не касаются чаяний и надежд по исправлению ошибок советского периода.

В середине книги я пытаюсь посмотреть на эту большую историю — от направлений до подведения итогов в

терминах демократической и автократической креативности — через призму воображения. Как мы воображали во время этого периода, что происходит с нами? Я смотрел на транзитологию: как транзитологи, люди, изучавшие переход от коммунистического к капиталистическому миру, воспринимали, описывали, переживали это. Ученые тоже люди. Эмоции, моды, методологические веяния — часть нашей жизни, часть нашей судьбы. Очень интересно было перечитать работы начала 1990-х: как философы, историки, политологи предсказывали, куда все пойдет, — от Даля, Хабермаса и Оффе до тех, на кого мы смотрели с презрением как на маргиналов: фоменковцы-альтернативщики, дугинцы, методологи. И вдруг во второй декаде XXI века их предсказания оказались довольно точными, а их проекты стали важной частью новой социальной реальности.

В западной транзитологии, которая перешла и в Восточную Европу, немало украинских, белорусских, молдавских и российских ученых занималось исследованием неформальных сетей — патрональных, олигархических, клановых структур. Это тоже был четкий переход от транзитологии «больших надежд» начала 1990-х к пониманию, что все гораздо скромнее, к транзитологии демократизации в начале 2000-х.

Затем недолгий всплеск надежд во время цветных революций и очень быстрое разочарование. Это разочарование переходит в транзитологию патрональной политики, когда мы уже смотрим на реальность, которую капитал создал иначе.

Мне кажется, в эту эпоху у капитала возникали все новые и новые роли. Особенно в последние, военные годы капитал прямо меняет жизнь, ее ценность и увеличивает готовность человека воевать, то есть убивать и умирать коллективно и целенаправленно. Это требует уже нового осмысления того, что с нами происходит в этом новом мире, который, пожалуй, нужно назвать посттранзитным.

*Большой порыв к будущему
был совершен людьми,
которые не имели опыта свободы,
опыта предпринимательства*

Ему нет пока что имени. Он не связан с позднесоветскими надеждами и не связан с постсоветским опытом. Это новшество, новизна — первые черты новой эпохи только появляются. Поэтому нужно так внимательно смотреть за возникающими формами капитала и капитализма, за новыми государственными институтами, когда коллективность становится куда важнее прав человека, прав индивида, прав гражданина. Все эти формы уже указывают на что-то новое.

В своей книге я признаю, что большой исторический проект, большой порыв к будущему был совершен людьми, которые не имели опыта свободы, опыта предпринимательства, знаний для работы в большом европейском проекте. Постсоветские давайны дерзали, бросали жизненные проекты в пустоту и делали их возможными, но очень хрупкими, ненадежными, нестабильными. Поэтому великая мечта о Европе от Дублина до Владивостока оказалась кошмаром, который, кажется, стал реальностью. Кошмаром всего региона — от Ольстера, символического полюса, до Магадана, не менее символического полюса. От полюса этно-религиозных конфликтов до бывшей столицы ГУЛАГа, которые готовы определить новый лик современности.

Выступление Андрея Баумейстера

Я с большим удовольствием и пользой для себя прочитал книгу. Для начала поделюсь впечатлениями, а затем попробую предложить несколько аналитических тезисов.

Первое впечатление — Михаил проявил большую смелость. Я бы не решился написать такую книгу. Не только потому, что мы еще находимся внутри процессов и любой смелый аналитический тезис попадает в поле очень сильных пропагандистских и идеологических баталий, культурных войн. И, мне кажется, книга Михаила станет одним из первых краеугольных камней в исследовании этой темы. Нам не хватает сейчас данных, не хватает отстраненности, мы еще внутри процесса, мы связаны своими ощущениями, своими представлениями.

Книга Михаила лаконична. И отмечу также смелость авторской концептуализации. Это одна из задач книги, объявленная самим автором, — концептуализировать этот период. Много концепций, формул, особенно в первой, философской части.

Автор также предлагает свою версию периодизации. Михаил смело заходит на территорию историков, и мне очень нравится его прием — рассматривать историю не как большие процессы, а как краткие и обозримые периоды. Мы смотрим, например, на историю Украины как тысячелетнее царство или историю Российской империи от Ивана Грозного, Петра I, Николая I до Сталина и Путина. Подход Михаила другой. Он движется небольшими фрагментами. Он говорит, что история — это периоды длиний и цезур. В этом смысле история распадается на небольшие обозримые пространства, как почти 40 лет постсоветского периода.

*Если человек –
онтологическая катастрофа,
то провал какой-то эпохи –
это не трагедия,
а просто иллюстрация
к онтологии человека*

ного, Петра I, Николая I до Сталина и Путина. Подход Михаила другой. Он движется небольшими фрагментами. Он говорит, что история — это периоды длиний и цезур. В этом смысле история распадается на небольшие обозримые пространства, как почти 40 лет постсоветского периода.

Ну и конечно, эмоционально окрашенный сценарий и вывод. Сказано «бухгалтерский баланс», но на самом деле это эмоциональный шпенглеровский или неоромантический подход. Прочитую наиболее яркие, с моей точки зрения, места. Страница 169: «Постсоветский человек прожил эту эпоху, не оправдав надежд — своих собственных, своих родителей и своих современников из других частей мира». Верите таким закатым настроениям? Была надежда на восход солнца, а мы наблюдаем закат. Или страница 170: «Постсоветские общества так и не смогли пройти путь эмансипации, вырвавшись из исторической колеи имперскости и колониальности». То есть это история неудачи. Постсоветский период — это история провала, и автор пытается это показать. Эта диалектика фактически не была снята в некоем единстве. То, что автор называет постсоветской тетрадой, — также четыре измерения опыта. Он весьма занимательно говорит о логике и диалектике этого процесса. Можно дополнить автора: диалектические противоречия были настолько глубокими, что не удалось разрешить эти противоречия в каком-то более-менее целостном образе. Ткань действительности практически разошлась по швам.

Но, с другой стороны, в первой главе есть и позитивный философский аспект. Только философ может из явного провала создавать надежду. Ведь уже в начале первой главы книги о человеке говорится: «Это бытийствующая надежда и одновременно онтологическая катастрофа». Но если человек — онтологическая катастрофа, то провал какой-то эпохи — это не трагедия, а просто иллюстрация к онтологии человека. Тогда можно читать этот текст не элегически, в романтической манере, а с отчетливым пониманием, что это собственно проявление человеческой онтологии.

Постсоветский человек оказался достаточно блеклым человеком. Для меня это неожиданность. Когда я поступал в университет в начале 90-х годов, я сверху вниз смотрел на представителей старшего поколения. Мне казалось, что романтики — Окуджава, Галич, отчасти Высоцкий, собственно, те, кого называли шестидесятниками, — люди белых пятен и смысловых разрывов. Они не читали того, что мы читали уже с раннего возраста, причем в оригинале. Их мировоззрение было прекрасным, теплым, совершенно понятным. Это поколение наших отцов. Но их мировоззрение было наивным, мне так тогда казалось. Однако после прохождения сорокалетнего пути постсоветского человека неожиданно выяснилось, что, возможно, наивны и более примитивны мы, а люди с ограниченным кругозором и ограниченными ресурсами реализовали себя более полно и ярко в искусстве, интеллектуальной деятельности, даже в политике, по сравнению с теми, кто имел шанс сделать что-то гораздо большее и масштабное.

Заявленной истории постсоветского человека мне не хватило. Представлена скорее история эпохи, ее анализ. Но если мы говорим об истории постсоветского человека, это еще и некая философская биография собирательного образа. Книга бы выросла в объеме, если бы там было больше личностей, потому что многие прошли трансформацию, и их опыт очень важен. Скажем, от перестройки, от либеральных надежд до консервативных или даже авторитарных идей. В украинской среде этого было сколько угодно. Люди начинали как либералы, а закончили как отъявленные правые националисты.

И еще не хватило — я понимаю, что это всегда замечание рецензентов — контекста вне постсоветского пространства. Без того, что происходило параллельно в Европе, в Соединенных Штатах и в остальном мире, исторические процессы внутри бывших советских границ оказываются как бы в некоем вакууме. При отсутствии такой контекстуальности нам сложнее фиксировать причинно-следственные связи. Ведь и тот идеал, на который мы ориентировались, — европейский или западный — претерпел очень серьезные трансформации в девяностых, в начале нулевых. Рассматривая процессы и взаимовлияния параллельно, можно было бы обнаружить больше нюансов.

Завершить я хотел бы небольшой историей, произошедшей буквально за несколько дней до нашей встречи. 19 ноября в Мюнхене собралась солидная компания интеллектуалов. Было несколько очень интересных историков, политологов. Они говорили об изменении внутреннего содержания понятия демократии. Юрген Хабермас был одним из главных докладчиков. В его докладе явно читались ностальгические, даже пессимистические нотки, что никогда не было ему свойственно. Я бы сказал, что Михаил Минаков и Юрген Хабермас где-то интонационно и аналитически встретились к концу ноября 2025 года на каком-то общем интеллектуальном пути. Недавно в нашей беседе Михаил вспоминал, как

его, тогда еще начинающего философа, Хабермас наставлял на философский путь и горячо убеждал заниматься философией. И вот в 2025 году учитель и ученик сошлись интонационно... В целом, подводя итоги, нужно сказать, что трансформация европейской идеи и вообще логики понимания либеральной демократии — это важная тема, которая в книге только обозначена и требует более детального рассмотрения.

Выступление Василия Жаркова

Я очень благодарен Михаилу и особенно Андрею за то, что вы сейчас разбудили во мне волну рефлексии. Мы все примерно ровесники и начинали свою карьеру в одно время — в начале 1990-х — время больших ожиданий, время прочтения новых текстов. Абсолютно согласен с Андреем — пренебрежительное отношение к старшему поколению как к наивному, ограниченному действительно тогда у нас было. С другой стороны, глядя на себя и российских коллег, я понимаю, что мы, безусловно, блеклое поколение. Мы настолько невыразительные, что пока ничего не сказали, хотя уже движемся на шестом десятке. Это просто реакция на ваше выступление, Андрей.

Я хотел бы повторить, что Михаил — смелый человек. Во-первых, я вижу даже в названии книги скрытую конструктивную полемику с Левада-центром и с «советским человеком»². Есть концепция советского человека, предложенная Юрием Левадой, которую сейчас продолжает развивать Лев Гудков и его коллеги из Левада-центра, а у Михаила что-то другое — постсоветский человек. Как историк я в последний год занимаюсь исследованием истории Съезда народных депутатов СССР и

В начале этого цикла в 1992-м мы верили, что рыночная экономика и демократия — это неотделимые друг от друга явления

вижу рождение этого постсоветского человека из советского. Причем именно на примерах конкретных судеб могу сказать, как эти люди, будучи изначально рожденными и воспитанными в Советском Союзе, добившись чего-то — ведь они

стали депутатами не просто так, — жили последующие 20–30 лет уже в постсоветской реальности. Их судьбы — это очень полезный материал.

Вторая смелость Михаила в том, что он позволил себе посмотреть на все с большой высоты, поверх национальных границ, сложившихся в то время. Когда тот же Левада-центр говорит о «советском человеке», он работает на российском материале, смотрит на исследования, которые проводил на территории Российской Федерации. Я абсолютно согласен, что термины «Восточная Европа» и «Северная Евразия» более релевантны для нашего времени. И сам этот подход, который позволяет посмотреть на разницу и расхождение — а оно действительно

² Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др.; под общ. ред. Ю. А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.

Илья и Эмилия Кабаковы. На коммунальной кухне. 1991

огромное, — очень важен. Есть расхождение даже между тремя славянскими республиками — Беларусь, Украина и Россия. Три разные страны и три разные истории. А еще Центральная Азия, Южный Кавказ, страны Балтии.

Третье. 1992-й год — это начало гайдаровской реформы, начало той новой России, которую все ждали. Россия рыночная, демократическая, проевропейская и Россия национальная, меньше выраженная. В 2022 году я себе сказал, что этот цикл истории страны завершен. Мне казалось тогда, что он будет завершен довольно быстро, но этого не случилось.

Тогда, в начале этого цикла в 1992-м, мы верили, что рыночная экономика и демократия — это неотделимые друг от друга явления. Рыночная экономика формирует демократию, демократия формирует рыночную

экономику. Это вытекало из опыта предшествующих 40 лет, из опыта послевоенного развития, когда для того, чтобы противостоять Советскому Союзу и коммунистической экспансии, западные державы во главе с Соединенными Штатами выбрали этот союз — союз рыночной экономики и либеральной демократии.

Как вы помните, в 1989 году Фукуяма написал свое эссе «Конец истории?», затем книгу. В чем главная ошибка Фукуямы? В отношении России все написано более-менее адекватно. Он предсказал увлечение национализмом, возможность реваншизма — как один из возможных сценариев, и все так и вышло. А вот в отношении Китая он очень сильно ошибся, когда писал, что рыночная экономика приведет к демократизации этой страны. Однако в течение последующих трех десятилетий Китай смог выстроить такую систему, где есть рыночная экономика, но при этом нет демократии.

И это главное, что произошло в эти 30 с лишним лет не только на пространстве бывшего СССР, не только в Северной Евразии и Восточной Европе, но и во всем мире. Демократия и рыночная экономика больше не идут рука об руку. Они больше никак не связаны. Хотя нужно сказать — Юрий Латыш не даст соврать, — что Борис Юльевич Кагарлицкий об этом писал все эти годы. Это не было секретом, по крайней мере для левой части наблюдателей. Но для либералов, в том числе левых либералов, это было скорее символом веры: рыночная экономика и демократия — это что-то, что идет вместе. Но это не так.

Более того, этот китайский путь, ставший и российским, эта модель — в России есть рыночная экономика, она позволяет даже добиваться каких-то успехов, но при этом в России и близко нет демократии — сейчас становится все более популярна. И мы видим угрозу восстановления цезаристских режимов уже и в странах ядра мир-системы. Мы видим, что происходит в Соединенных Штатах, в некоторых европейских странах, где к власти пришел правый популизм. Это главная проблема, главный вопрос этих почти 40 лет, который нам предстоит осмыслить: почему демократия и рыночная экономика разошлись именно в этот период и насколько это фатально, насколько неисправимо? На мой взгляд, это очень важная вещь, потому что рыночная экономика продолжает работать без демократии.

Какая была в позднем СССР задача начиная с конца 1980-х годов? Какой образ будущего был у позднего советского человека? Свобода выезда из страны и изобилие продуктов в магазинах. Что мы видим сейчас? В России эти цели достигнуты. Из страны можно выезжать до сих пор, более того, в ряде случаев даже приветствуется, когда кого-то ненужного хотят выдворить. И изобилие сохраняется, все в этом плане хорошо.

Еще важный момент: постсоветскому человеку нужно было обязательно «встроиться в рынок», чтобы выжить в новых условиях без привычных для него форм социальной организации и защиты со стороны

государства. Вот сейчас самые беднейшие слои общества в России встроились в рынок самым чудовищным образом. Этот рынок просто их покупает, чтобы они шли воевать и погибали на фронте. И при этом они впервые, может быть, за многие столетия получают большие деньги. Нет никакого Ивана Грозного, никакого Петра I. Наоборот, в России больше нет старой крепостной армии. Новая армия соответствует критериям капитализма раннего Нового времени — в нее набирают бедняков и бродяг за очень большие деньги. Никто больше не будет «служить отечеству за страх и совесть», только за деньги — и обратного хода не будет. Любой антрополог скажет: если у вас уже пятый год идет война, на которую берут за большие деньги, вы не сможете больше никак иначе набирать людей. Соответственно, возникает что-то новое, но, к сожалению, жертвой этого становится демократия, права человека и все то, что было накоплено в послевоенный — после Второй мировой войны — период или, можно сказать, в межвоенный период.

Две книги, которые можно поставить рядом с книгой Михаила, — это, во-первых, Гийом Совэ «Потерпевшие победу. Советские либералы и крах демократии в России (1987–1993 годы)». Я согласен: именно в 1993 году демократия в России потерпела крах. Потому что стрельба по Дому Советов — это не что иное, как публичное и циничное убийство российской демократии. Дальше началась первая чеченская война, на которой были отработаны все те чудовищные методы, которыми сейчас Россия ведет войну уже на территории Украины. И вторая книга, может быть, более оптимистическая, — книга Хайса Кесслера «Россия: страна, которая хочет быть другой. Двадцать пять лет — взгляд изнутри». Кесслер — голландский журналист и историк, описавший свой опыт жизни в России именно в период реформ девяностых и нулевых годов.

Наверное, сейчас наступает время осмысления этого периода. Мы находимся в крайне трудной и рискованной точке выбора будущего. Главный риск, который я бы обозначил, касается не только бывших советских стран. В значительной степени именно эти страны, как и Китай, стали полигоном для создания капитализма и империализма XXI века, сочетающих рынок и тоталитаризм. Сейчас, к сожалению, эта периферия мир-системы впервые за последние 500 лет начинает производить такие новации социального порядка, которые уже заимствуются наиболее развитыми странами и могут быть установлены в общемировом формате благодаря своей встроенности в рынок.

Выступление Сергея Эрлиха

Я считаю, что книга Михаила Минакова — удачная, и хочу напомнить мысль Юрия Михайловича Лотмана о том, что хороший текст — это генератор смыслов. То есть он начинает жить своей жизнью, которая уже не зависит от автора. Часто возникают смыслы, которых сам автор не подразумевал. На меня книга Михаила произвела именно такое впечатление.

Мы все — постсоветские люди, своего рода дрозофилы, сами себя изучающие. После начала перестройки уже прошло 40 символических лет, но мы живем, особо не задумываясь о смысле произошедшего. Вроде все и так понятно. И вот Михаил поставил задачу «отстранить» ситуацию, т.е. подумать: а что же произошло с нами за этот период? Каждый, конечно, вычитывает из его книги то, что ему близко. Я расскажу, что вычитал я, не соглашаясь во многом с автором.

В книге есть важная мысль: победило воображение Дугина. И с этим я полностью согласен. Почему? Потому что Дугин и его единомышленники воспроизводят то, что Мирча Элиаде называл мифом вечного возвращения, — те прекрасные прошлые времена, к которым надо вернуться. Это говорит о том, что мы, желающие свободы и демократии,

*«Постсоветский человек» —
правильное определение:
разрыва не произошло,
элемент преемственности
оказался очень сильным*

не сумели создать привлекательный образ будущего, который бы увлек большинство населения постсоветских стран. Тут очень важна редко обсуждаемая проблема понятия «пост». Михаил очень удачно заметил, что «пост» — это не только «после», но и «вследствие». То

есть это именно «старые песни о главном» — продолжение непреодоленного советского времени. В этом смысле «постсоветский человек», к сожалению, правильное определение — разрыва-то не произошло, элемент преемственности оказался очень сильным, и миф вечного возвращения заблокировал переход в новое качество.

Мои критические замечания. Слово «европеизация», и Андрей Баумейстер это уже упомянул, подразумевает нормативную триаду: свобода, демократия, рынок, — к которой надо стремиться. Но, к сожалению, и Европа, и Америка, то есть Запад уже не соответствует этим идеалам, которыми мы жили в советское время, когда нам казалось: у нас тут газета «Правда» с ее ложью, а там все честно, там свобода и демократия. Такой образ существовал, пока мы не столкнулись с Западом вживую.

Почему на Западе были свобода и демократия после Второй мировой войны? Мой отец с тремя классами образования иногда изрекал афоризмы и как-то сказал, что западные рабочие много выиграли от русской революции. Страх, что советский опыт окажется привлекательным и найдет последователей, привел к тому, что западные страны были вынуждены расширять права трудящихся, повышать их благосостояние и поддерживать демократические процедуры. Все это закончилось вместе с крахом Советского Союза. То есть европеизация, к которой мы стремимся, — это тоже, по сути, миф вечного возвращения. Этого сочетания свободы, демократии и рынка уже нет.

Подразумевается, что капитализм — это и есть рынок. Но эти вещи не тождественны. Рынок был и в Древнем мире. Британский социолог Мартин Элброу писал, что государство-нация и капитализм — это две

стороны одного и того же процесса, не связанные напрямую с рынком. Там, где большие деньги, где большая прибыль, там везде участвует государство. Во-первых, оно защищает этот капитал от внутренних врагов, условно говоря, от тех же трудящихся. А еще работает на расширение рынков. В аграрных обществах целью экспансии был захват земли вместе с людьми, которые на ней работают. А капиталистическая экспансия — это, например, опиумные войны, когда европейские державы вошли в Китай, заставили открыть свои рынки, но не стали его оккупировать. То есть им не нужно было захватывать территорию Китая, им нужно было расширить свой рынок, и это делалось военной силой государства. Поэтому капитализм без государства-нации работать не в состоянии. Фернан Бродель так описал этот процесс: «Над рынком возвышается зона антирынка, где бродят крупные хищники и действует закон джунглей. Это и есть подлинная сфера капитализма».

*Капитализм без
государства-нации
работать
не в состоянии*

Еще одно замечание. Вы пишете: «В отличие от масс, в прошедшее 30-летие люди свободных искусств получили несколько десятилетий свободы творчества. Если чем постсоветская пора себя и оправдала, так это прорывом в искусстве и надеждами в литературе». Мне кажется, что это очень оптимистичное заявление. И Андрей Баумейстер, и Василий Жарков упомянули «блеклость» наших культурных достижений за последние тридцать лет, и это вопрос, на который я до сих пор не нашел ответа. Как получилось, что в советское время, когда был железный занавес, т.е. почти полное отсутствие контактов с иностранцами, даже новые западные книги можно было читать только в московских библиотеках, тем не менее советские гуманитарии — того же Лотмана вспомним — осуществляли прорывы, а их книги переводились на иностранные языки. Где сейчас эти прорывы при всей нашей свободе? Ну да, сняли несколько хороших фильмов, но и в советское время снимали хорошие фильмы. Мне кажется, тут есть элемент оптимизма, не подтвержденный реальностью.

Выступление Юрия Латыша

Михаил сделал очень большое дело. Он подхватил нынешнюю волну написания истории современности по ходу самого процесса. История процесса рождается по мере его протекания. Нынешнюю войну недаром называют самой задокументированной: она еще очень далека от завершения, а уже есть не только изданные мемуары, художественная литература, не только записи очевидцев, но и научные монографии. Хотя классическая позитивистская историография сказала бы, что так нельзя, что нужно выждать время, Михаил тем не менее попытался осмыслить период, который только закончился, и сказать первое слово.

Есть такое весьма характерное явление, особенно для периодов потрясений, — идеализация недавнего прошлого. В истории было такое понятие *La Belle Époque* — «прекрасная эпоха» накануне Первой мировой войны. «Прекрасная эпоха», когда «цивилизованные» империи разделили планету на зоны влияния и угнетали колонизованные народы, в России казаки лупили нагайками забастовщиков и бунтующих крестьян, крестьяне постоянно голодали. Но по сравнению с тем ужасом, который породила Первая мировая война, многим этот период запомнился как *La Belle Époque*. Затем, после Первой мировой, наступают «революционные двадцатые», или «эпоха процветания» (*Prosperity*). Опять же, «эпоха процветания» дала не только расцвет новым направлениям в искусстве, но и надежду на осуществление американской мечты как потребительского идеала — с домом, автомобилем и бытовой техникой для каждой

*Историкам всегда трудно
отделить исторические
закономерности
от исторических
случайностей*

семьи, а в СССР НЭП стал воплощением крестьянской утопии. А ведь это было тоже тяжелое время. Но по сравнению с тем, что наступило после (Великая депрессия и Вторая мировая), этот период остался в памяти людей как счастливая эпоха.

И сегодня, говоря о постсоветском периоде, мы часто можем встретить такой же подход: люди ностальгируют и вспоминают, как хорошо они жили до войны. Иногда это очень смешно, потому что ты помнишь, что этот же человек говорил о своей жизни до войны: ужасно, невыносимо, ни на что не хватает денег, вокруг коррупция и т.д. При этом мы, конечно, должны понимать, что те противоречия, которые породили нынешнюю войну, были заложены именно в нашу *La Belle Époque* — нашу постсоветскую эпоху.

И сегодня, говоря о постсоветском периоде, мы часто можем встретить такой же подход: люди ностальгируют и вспоминают, как хорошо они жили до войны. Иногда это очень смешно, потому что ты помнишь, что этот же человек говорил о своей жизни до войны: ужасно, невыносимо, ни на что не хватает денег, вокруг коррупция и т.д. При этом мы, конечно, должны понимать, что те противоречия, которые породили нынешнюю войну, были заложены именно в нашу *La Belle Époque* — нашу постсоветскую эпоху.

Еще один аспект, на который я обратил внимание: историкам всегда очень трудно отделить исторические закономерности от исторических случайностей. Ибо мы уже не говорим с позитивистской точки зрения, что все явления в прошлом закономерны. Мы говорим о здоровом балансе закономерностей и случайностей. И если мы говорим о Второй мировой войне, то здесь появляется вопрос: а когда она стала неизбежной? Какое событие сделало ее неизбежной? Была ли она неизбежной вследствие Версальского договора, унизившего Германию и породившего реваншизм? Возникает параллель с постсоветской эпохой: было ли унижение России 1990-х, которое она сама посчитала таковым, неизбежно порождающим реваншизм?

Следующий пункт — Великая депрессия. Была ли Великая депрессия тем фактором, который сделал мировую войну неизбежной? И сделал ли кризис 2008 года неизбежным откат к демократии и, как следствие, российскую агрессию? Способствовала ли этому пандемия ковида, когда демократические нормы были ограничены по медицинским показателям?

А может быть, Вторую мировую неизбежной сделала персона Гитлера, а персона Путина — нынешнюю войну? Есть ли здесь закономерности, или это случайности?

Наконец, пакт Молотова — Риббентропа. Был ли он «спусковым крючком» войны — тем событием, которое придало Германии уверенность в победе? Можем ли мы говорить, что заявления Байдена и других западных лидеров накануне российско-украинской войны о том, что они не будут воевать за Украину, стали современным пактом Молотова — Риббентропа? Где здесь закономерности опять-таки, а где случайности? Для меня это вопрос открытый. Это все поводы для размышлений.

Хотелось бы добавить, что, наверное, мы все-таки чуть недооцениваем перестройку. Мне кажется, именно здесь имел место фактор исторической случайности, а не исторической закономерности. Перестройка дала нам идеалы общечеловеческих ценностей, отвергающих войну

Перестройка дала нам идеалы общечеловеческих ценностей, отвергающих войну и применение силы

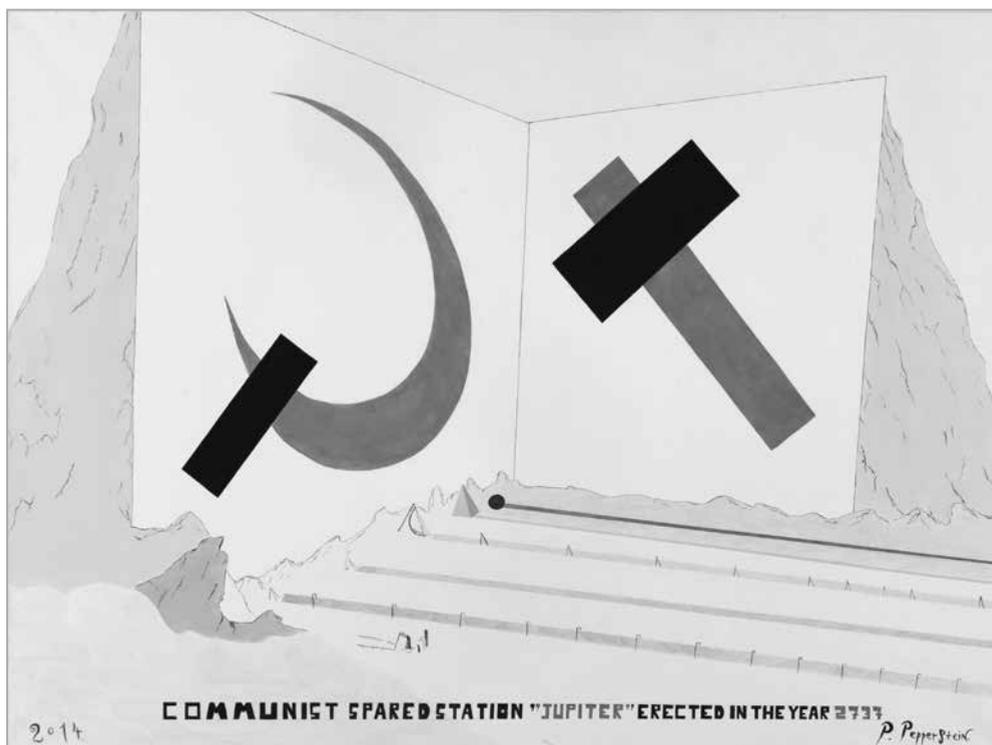
и применение силы. Эти 40 лет во многом держались на багаже перестроечного мышления, которое внутри СССР привело к кризису и распаду, а на международной арене утвердило идеи мирного сосуществования и недопущения войны. Где-то с 2007-го, 2008-го — с мюнхенской речи Путина, с экономического кризиса — началась постепенная эрозия ценностей перестройки. И постепенно шел откат к идеям, господствовавшим после Венского конгресса, когда доминировало право сильного и баланс в мире держался на праве сильного. А затем баланс не удержался, и мир рухнул в Первую мировую войну.

Очень важно то, что Михаил пишет о четвертом этапе постсоветского периода, фазе усиления авторитарных тенденций. Этот этап длился целых 14 лет — с 2008 по 2022 год. То есть фаза саморазрушения является самой длительной. И это прослеживается во всех постсоветских странах. Конечно, Эстония и Туркменистан мало похожи — за 40 лет они фактически стали разными цивилизациями, сейчас вообще трудно поверить, что это когда-то была единая страна. Но Михаил видит общие тенденции, и это очень важно.

А если мы посмотрим на Соединенные Штаты, то и там обнаружим похожие процессы. Транзит от демократии не ограничился Будапештом и Москвой. И это является следствием новой Великой депрессии — кризиса 2008 года. Параллель с 1929 годом очевидна. Как и тогда, демократия становится непопулярной повсеместно. Результат тот же — война. Вот такие с исторической точки зрения я вижу параллели.

Ответы Михаила Минакова

Я начну ответ с притчи. Хитрый философ всегда может ответить историкам-эмпирикам неуловимым аргументом притчи. В сентябре 2025-го я организовал для своих студентов из Университета Виадрина

Павел Пепперштейн. Коммунистическая космическая станция «Юпитер», возведенная в 2737 году. 2014

учебную поездку в город Гданьск. Как историки знают, там находится Европейский центр «Солидарности». Мы со студентами прошли по основной выставке центра, рассказывающей об этом движении и его роли в наступлении посткоммунистической эпохи. Эта экспозиция умная, но очень эмоциональная. Я, пройдя лабиринт всей экспозиции от 1970-х до 1989 года, вышел в каком-то особенно романтическом настроении. Спускаюсь со второго этажа центра на первый, а там большой зал, в котором проходят выставки, фестивали. В тот день проходил конгресс специалистов по безопасности. Стоят стенды: продажа травматического вооружения, шлемов, систем слежения и т.п. Подхожу к одному из этих стендов, стоит человек, смотрит на меня и говорит на английском с густым польским акцентом: «А вы смотрели выставку по истории “Солидарности”?» Я отвечаю: «Да». Он говорит: «Вы знаете, если бы наша компания была в те времена, Ярузельский никогда бы не потерял власть. Мы знаем, как следить за оппозицией, как разрушать ее подрывной потенциал и популярность, как предупреждать перевороты». И с гордостью смотрит на рекламный стенд своей компании. А я едва не впал в депрессию.

Это очень важный аспект — то, что случилось с капиталом сегодня, когда гордый польский силовик спокойно отказывается от мифа «Солидарности», когда мы отказываемся от идеалов либеральной демократии.

Почему, собственно, я говорю о завершении той эпохи? Она завершается, потому что все четыре направления, все четыре тенденции обрываются. Политическая свобода больше не является ценностью. Особенно свобода в перестроечном смысле, в духе девяностых, связанная с индивидуальными правами — человека, гражданина. Эта линия обрывается начисто.

Не знаю, связано ли это с кризисом 2008 года. Институт Varieties of Democracy показывает, что перелом в глобальном распространении политической свободы и третья всемирная волна автократизации начинаются чуть-чуть раньше, в 2004–2006 годах. Конечно, финансовый кризис усилил эту тенденцию, но, в отличие от Великой депрессии, кризис 2008-го не реализовался: его погасили, его результаты отложили и тем самым его деструктивный потенциал для без креативного окончания.

Это черная дыра незавершенного кризиса, которая отложила разрушение неэффективных социально-экономических форм и рождение новых, более эффективных институтов. Оздоровления нет, нагноение усиливается. Мне кажется, это уже переросло в гангрену финансовой системы.

Многие решения, связанные с политико-экономическими санкциями, показывают отсутствие расчета: последствия санкционных решений, направленных на наказание агрессора, как оказалось, невозможно рассчитать, поэтому эти жесткие меры бьют по инициатору не меньше, а может, и больше, чем по агрессору.

В любом случае, глобальная демократизация и ее восточноевропейская история завершились, а рынок, капитал начинают работать иначе. И я согласен с теми исследователями, которые говорят, что капитал подрывает не только демократию, но и конкурентный рынок, то есть новые формы капитала противоречат политической и экономической свободе. Возникает необходимость в монополиях. И каждая постсоветская страна устраивает свою маленькую монополию. Эта монополизация очень важна. Некоторые из этих монополий становятся частью ядра Запада, другие подавляются. Это нормальное поведение ядра — западные монополии должны доминировать глобально, но в нашем случае перерождение очень заметно.

Повторюсь, национализация из друга демократии превратилась во врага. Она захватывает умы, ограничивает воображение, делает новорожденную «нацию» древней и вечной и создает новые институты, ориентированные на коллективные права, а не на индивидуальные. Здесь уже виден контур будущего. Память и язык обретают свои, особые, доминирующие права. Как в путинской конституции — традиционные язык и религия, т.е. некая историческая субъектность возникает в праве.

*Последствия санкций
невозможно рассчитать,
поэтому они бьют
по инициатору не меньше,
чем по агрессору*

Совершенно меняется и смысл европеизации. Одна из глав книги рассказывает, как многие левые западные европейцы ждали: вот мы сейчас объединимся, закончится холодная война, и начнется диалог культур запада и востока Европы. Но падение Советского Союза отразилось не только на западных рабочих, но и на западных левых интеллектуалах. И вместо разговора о прогрессе они начали все более обращаться к традициям, а неолибералы говорить о будущем, и будущее оказалось в руках последних прожектеров.

Я не могу не ответить по поводу искусства. Я радикально не согласен с вышесказанным. В актуальном визуальном искусстве столько имен и столько гениальных прорывов — что в Украине, что в Беларуси, что в России, что в Казахстане. Может быть, историкам, политологам это не

*Национализация
из друга демократии
превратилась во врага*

так близко, но я «болею» искусством постсоветской поры, для меня это очень важная часть этой ушедшей эпохи. Художники Голосий, Гнилицкий, Савадов, Мамсигов, Соломко, Будников, Ралко, Кадырова, галереи от «Гончаров»

до «Я» в Киеве, арт-платформы в Одессе, Днепре, Запорожье — везде постсоветские авторы по-новому осваивали реальность. В современном, актуальном искусстве показать зазор между реальностью и нашим воображением — это главный нерв, и это происходило самым революционным образом. Это также проекты московского «Винзавода» и минского Центра современных искусств, демонстрировавшие самое умное и дерзкое искусство постсоветской поры. Я уверен, что и вне этих столичных платформ были отличные площадки. Постсоветское актуальное искусство было ярким и, может быть, таким и останется. Впрочем, многие из тех дерзких художников, которые так живо отстаивали живой нерв человечности, оказались сейчас на стороне посттранзитной коллективности. Прозаики и поэты, неформалы перестройки и свободные художники 2000-х становятся заодно с охранителями — Андрей уже упоминал это превращение. Очень немного тех, кто был по эту сторону свободы в 1991-м и остался привержен ей в 2025-м.

Теперь о левадоцах. Я с огромным уважением отношусь к ученому, реализовавшим этот долгий проект, который начинал сам Юрий Левада. Это труд целой плеяды социологов, в том числе украинских, которые изучали и показывали, например, как расходятся траектории общественного мнения в России и Украине. Но дискуссия 2011–2015 годов между новым и старым поколением постсоветских социологов выявила ограничения левадовской методологии — постановки вопросов и методики.

Сергей Эрлих: Михаил, вопрос от Виктора Борисовича Шкловского, независимого исследователя, о связи постсоветского человека и Восточной Европы как структуры отсталости и догоняющей модернизации. Первое: это феномен только бывшего СССР, или всего восточного

блока, или, может быть, Африки, Центральной и Южной Америки? Может ли постсоветский человек пережить свою постсоветскость, или в силу социально-экономического, культурного и географического детерминизма он обречен сохранять свой этос, габитус или сантимент при-мордиальной зависимости от государства?

Михаил Минаков: Господину Шкловскому я отвечу, что, во-первых, модернизация и долгая история современности Восточной Европы — это крайне интересный процесс. Транзит моделей модерности, возникших оригинально на полуострове Европа в XVI–XVII веках, превратил его из ординарного региона в глобальное ядро и вместе с тем в континент модерности. Оттуда черпали модели развития не только общества Восточной Европы. Долгая традиция модерна за пределами Западной Европы — догоняющая модернизация, которая то доминирует, то угасает в разных частях мира. Скажем, начало советской модерности, большевицкий проект — это не догоняющая модернизация. А в сталинские и послесталинские времена вдруг снова возникает идея догоняющей модерности — «догнать и перегнать», помните? Это прямо так и формулируется. Например, сталинское преступление коллективизации тоже связано со спором на Западе о том, какая модель для развития аграрного сектора лучше — большие хозяйства или маленькие? Одна из моделей была позаимствована. Это не только догоняющая модель, но и внутренняя динамика.

Шмуэль Эйзенштадт, мой союзник в данном вопросе, обосновал идею того, что в каждом регионе была своя программа модернизации. Модерность распространяется в разные времена, в разных ситуациях, но, запустившись, она уже имеет свою локальную программу, свою региональную особенность. Да, иногда какие-то модели можно переносить. Да, оглядываемся сначала на Западную Европу, а потом почему-то на Северную Америку, хотя Северная Америка точно так же заимствовала — вместе с колонистами — проекты европейской модерности, которые потом стали источниками новых форм развития в колониях. И Советский Союз был источником новых форм модерности — альтернативной, коммунистической. Кажется, к 1984 году она достигла пика по количеству моделей, перенесенных в Африку, Азию, Латинскую Америку с попытками социалистических революций.

В истории Восточной Европы есть периоды, когда «догонять» было не нужно, и периоды, когда настойчиво догоняли. И постсоветский человек может пережить свою постсоветскость в силу своего опыта. Говорят, в украинской армии относительное большинство — это пятидесятилетние. То есть люди перестройки пошли в армию защищать свою страну. Люди нашего поколения, несмотря на возрастные болячки,

*Модерность
распространяется
в разные времена,
в разных ситуациях,
но, запустившись,
она уже имеет свою
региональную
особенность*

испортившееся зрение и так далее, идут защищать свою страну. Это тоже преодоление своей постсоветскости. Здесь есть и какой-то большой цикл возвращения к истокам, и рывок вперед, к новому.

Андрей Баумейстер: Я думаю, что мы замкнули круг. Мой первый тезис по поводу ироничного противопоставления философов и историков — это слишком размытые понятия. Мы с Михаилом еще и историки философии, а историк философии всегда видит идеи в контексте и всегда понимает их не только в виде текстов, но и какое они оказывают влияние и так далее. Я думаю, что можно и дальше дискутировать по поводу каузальности исторической, но мне показалось, что у Михаила в книге нет рассуждений об этом. Он скорее анализирует и описывает — такая аккуратная дескрипция с элементами анализа. При этом мы сегодня затронули несколько ложных каузальностей, которые действуют на нас до сих пор. Я назову три.

Первая: СССР неизбежно должен был разрушиться. Эта идея стала активно присутствовать спустя несколько лет и в нашем постсоветском пространстве. Она согревала постсоветского человека и помогала пережить апокалиптику.

Вторая ложная каузальность: Запад должен победить. В последнее время я читал достаточно много западных и европейских исследований, и они говорят, что Запад тоже переживал очень сильный кризис, просто СССР упал первый, и это способствовало появлению терминологии победы и поражения.

Ну и третья ложная каузальность: либеральная экономика непременно приведет к демократизации и развитию гражданского общества.

В связи с этими тремя ложными каузальностями постсоветского человека на Западе стали рассматривать с некоторым пренебрежением, разочарованием. Дело в том, что советская система с 1987 по 1990-й была судорожной инновацией моделей будущего. Мне кажется, никогда не было подобного промежутка времени, когда за несколько лет полностью поменялось будущее, произошел его перезапуск: от кооперативов и хорошего социализма до полного слома.

Наше старшее поколение и мы, старшеклассники, понимали это как процесс трансформации, который потом стал восприниматься поражением. И перестройку, и создание новых государств мы понимали как трансформацию, но извне к этому стали относиться именно как к поражению. И постсоветского человека рассматривали как проигравшего, а с проигравшим серьезно вести разговор нельзя, хотя еще в 1989–1990 годах советский человек, политик и интеллектуал, был партнером. Была даже мода на советских гуманитариев в западных университетах. А с 1993–1994-го это уже пространство проигравших, которых нужно обучать. Нас пренебрежительно обучали всем этим важным наукам — рынку, демократизации, построению гражданского общества и так далее. То, что рассматривалось как трансформация, вдруг стало толковаться

как поражение, причем неизбежное, а другая сторона рассматривалась как неизбежный победитель. Это было очень опасное моментальное переключение.

Василий Жарков: Я отвечаю Михаилу притчей на притчу. Буквально сейчас, работая со стенограммами Съезда народных депутатов, я прочитал доклад Собчака по поводу разгона демонстрации в Тбилиси 9 апреля 1989 года. Этот доклад оказался фактически засекречен, он не был пущен в эфир, потому что после него произошла перепалка между главным военным прокурором СССР и первым секретарем ЦК компартии Грузии. По решению депутатов эту часть заседания закрыли, но все-таки стенограмму частично опубликовали маленьким тиражом в издательстве Верховного Совета СССР.

Собчак в своем докладе критикует грузинские власти за то, что они не воспользовались современными средствами разгона демонстрации. Он говорит, что можно было громко включить трансляцию на проспекте Руставели (там же были динамики), передавать грузинскую народную музыку, и тогда бы демонстранты сами разошлись. Дальше он спрашивает, почему нельзя было использовать пожарные машины для разгона демонстрации. Ведь если б окатить всех из брандспойтов — 9 апреля еще было довольно холодно, — то все бы разошлось. Представьте себе: Собчак, демократ, один из лидеров будущей России, говорит о том, как нужно правильно разгонять демонстрации. Мы про это не знали, и наша картина мира, как выясняется, была неполной.

Представьте себе: Собчак, демократ, говорит о том, как нужно правильно разгонять демонстрации

Второе наблюдение, важное, потому что мы все отчасти выросли на фильме «Приключения Электроника». Помните, кто написал сценарий к этому фильму? Господин Велтистов, который был одним из руководителей отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС. И этот человек был в ЦК КПСС либералом, ближайшим соратником Александра Николаевича Яковлева. В фильме есть две важных песни. С одной он начинается, другой заканчивается: «Но ты — человек, ты и сильный, и смелый. // Своими руками судьбу свою сделай, // Иди против ветра, на месте не стой! // Пойми, не бывает дороги простой». Этим фильм заканчивается, и показывают, как люди идут на демонстрацию, причем снимался фильм в Вильнюсе, в районе Лаздинай. Это важный контекст, потому что ровно через десять лет начнут происходить события, когда люди будут выходить на улицы. И в этом же фильме есть песня Урри со словами: «Я только в одном глубоко убежден — не надо иметь убеждений». Это фактически девиз постсоветского человека. По факту этот Урри победил Электроника, победил человека будущего, которого спроектировали где-то в отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС замечательные наши советские либералы.

И третье — это невидимая рука рынка, который всем управляет. Конечно, современный рынок — это капитализм. Современный рынок производит крупный капитал всегда при поддержке и контроле государства. Эта невидимая рука рынка породила, на мой взгляд, очень интересный феномен конформизма. Советский конформизм предполагал,

*Невидимая рука рынка
породила очень интересный
феномен конформизма*

что нужно уважать партию, вступать в комсомол, пионеры и так далее. Это был скорее внешний конформизм, а сейчас конформизм по отношению к самим условиям жизни, которые невозможно

изменить. Вы обязательно должны добывать свой хлеб насущный и встраиваться в этот рынок. Вы не можете изменить основания жизни, построенной на неравенстве, которое дано вам в ощущении: вы всегда будете бедным, потому что всегда будут существовать люди более богатые, чем вы. Вы не можете изменить эти правила игры, потому что они заданы непонятно кем, какой-то невидимой рукой рынка, или Господом Богом, или чем-то еще. Советский человек верил, что революция меняет не только политический строй, но и сами основания жизни. А здесь основания жизни нам даны, и мы должны им следовать. Вот этот конформизм и породил наше нынешнее общество и наше нынешнее состояние.

С. Э.: Я бы хотел все-таки уточнить по поводу рынка. Во время перестройки большинство интеллигентов говорили не просто про рынок, а про свободный рынок: «Рынок все отрегулирует». Было такое клише. Но на самом деле свободный рынок существует — это и бабушка, которая продает семечки, и наше издательство «Старая история», где я

*Необходимо писать
новую историю единой
континентальной Европы
последних сорока лет*

был директором больше двадцати лет. За все это время к нам ни разу не приходили силовики с предложением протекции, потому что для них мы были такой мелочью, с которой никто и возиться не собирался. Но все, что действительно приносило ре-

альные деньги, конечно, контролировалось государством. Так что говорить, что капитализм — это синоним свободного рынка, совершенно неправильно.

М. М.: Коллеги, спасибо большое за замечания. В своем исследовании я шел по пути, проложенному Томасом Гоббсом. В конце жизни он написал историю своего времени — «Бегемот, или Долгий парламент». И то, что я писал о постсоветском человеке, фактически шло вслед его примеру. Но сейчас я послушал вас и подумал, что действительно необходимо писать новую историю единой континентальной Европы последних сорока лет, чтобы понять, что происходило как на западе, так и на востоке континента. Запад привык себя ощущать транснациональной общностью, и Европа перестала видеть свою собственную историю. Ну и мы на Востоке видим себя Востоком. Тут нужно мыслить контрарно и видеть жизнь континента и его народов вместе.

Александр Косолапов. Малевич. 1995

С. Э.: Можно сказать, что в 2022 году мы никуда не перешли, а вернулись, собственно говоря, непонятно куда, назад?

М. М.: Нет, я так не думаю. Мы снова в цезуре, в разрыве между историческими длительностями. Но, как левадовцы показывали, цезура не прерывает часть исторических процессов, цезуры не абсолютны. Я считаю, что то, что разверзлось в 2022-м, еще не собралось в новую длительность. Это только предвестник новой эпохи. У каждой цезуры есть своя связь, своя темпоральность. Поэтому здесь возникают связи с цезурами и 1917 года, и с 1991-м, безусловно. И это параллельная история — история встреч с Небытием, если хотите.

А. Б.: Сколько было Чехий в XX веке? Я насчитал 9–10 Чехий. Сколько было Германий, сколько было Польш в XX веке? И каждый раз это было не просто цезура — это ощущение катастрофы, обрыва или полного завершения. Это были разные государства, но при этом мы постфактум рассматриваем их в контексте единой истории той же Чехии XX века.

В. Ж.: И здесь я добавлю, что, конечно, вернуться никуда нельзя. Наверное, одной из самых главных ловушек 40-летней или 35-летней давности было именно желание вернуться куда-то. В «Россию, которую мы потеряли», как назывался фильм Станислава Говорухина.

Сейчас, глядя на то, что происходит с нами, я понимаю, что все неслучайно. Нам еще предстоит очень много думать над этим периодом. Я очень благодарен Михаилу за то, что он сделал важный шаг в этом направлении. Продолжать нужно будет и историкам, и политическим исследователям, и социологам, потому что осмысление этого периода необходимо нам всем.

Как страна, зажата между глобальным капитализмом и неосталинскими репрессиями, учится жить в состоянии двоемыслия. **Нина Хрущева**, профессор международных отношений в *The New School* (Нью-Йорк, США), в материале для *Foreign Affairs* подробно анализирует хронику российских репрессий и противостояния им. Публикуем перевод с сокращениями.

*Нина Хрущева,
политолог, профессор
международных
отношений*

Спуск России к тирании*

Как четыре года войны изменили общество

После февраля 2022 года, когда российский президент Владимир Путин начал свою так называемую специальную военную операцию — полномасштабное вторжение в Украину, — в России резко выросла популярность романа Джорджа Оруэлла «1984», антиутопии о тоталитарном режиме, построенном на массовой слежке и постоянной пропаганде. В преддверии Рождества того года один из книжных магазинов Санкт-Петербурга связал экземпляры «1984» в виде гирлянды над кассой. В другом магазине на входе оформили витрину с патриотическими книгами, рядом с которыми стояла кружка с лицом Оруэлла и надписью, отсылающей к призрачному, якобы всемогущему лидеру из романа: «Пусть Большой Брат думает, что в этой кружке чай». <...>

Посещать Россию в последние четыре года означало наблюдать в реальном времени, как консолидируется диктатура, пытаться ответить на вопрос, который встает перед читателями «1984»: как взгляд Большого Брата стал таким пронзительным и неуловимым? В начале вторжения у государства не было средств, чтобы подавить всю возможную оппозицию, поэтому репрессии были точечными. Люди прибегали к самоцензуре, хотя многие находили способы выразить свое неприятие выбора, который сделала Россия. Но за прошедшее время власти смогли выстроить более масштабный репрессивный аппарат. Они культивировали атмосферу страха и

* <https://www.foreignaffairs.com/russia/russias-descent-tyranny>

неопределенности, побуждавшую многих россиян заставить замолчать не только себя, но и окружающих. Накопление едва заметных изменений со стороны как государства, так и общества завело Россию вглубь тирании. И этот цикл вряд ли разорвется, пока путинский режим стремится к такому тотальному контролю, который до недавнего времени казался возможным лишь в коммунистическом прошлом России или в художественной литературе.

Двойственная реальность

До февраля 2022 года российское общество было довольно открытым. Официальные СМИ находились под контролем государства, но независимые издания процветали, интернет работал без ограничений, и люди могли читать или смотреть все, что хотели. Когда началась война, последовали массовые протесты; люди были ошеломлены тем, что Россия вторглась в соседнюю страну.

Инакомыслие вызвало немедленную ответную реакцию. В первые несколько месяцев были задержаны более 15 тыс. участников антивоенных протестов, в том числе более 400 несовершеннолетних. <...>

Весной 2022 года было зафиксировано множество инцидентов, в которых государство реагировало непропорционально жестко даже на незначительные проявления неповиновения. Москвич Константин Гольдман был задержан за то, что держал в руках экземпляр романа Льва Толстого «Война и мир» у стелы, установленной в Александровском саду, недалеко от Кремля, в память о павших украинских воинах во время Второй мировой войны. Его обвинили в возможном планировании свержения российской власти, задержали и оштрафовали. В Санкт-Петербурге молодая художница Саша Скочиленко была приговорена к семи годам тюремного заключения за преступления против Вооруженных сил, после того как заменила магазинные ценники на нарисованные от руки антивоенные послания. (Она была освобождена в 2024 году и вылетела в Германию в рамках международного обмена заключенными.)

Эти и подобные протесты никак не повлияли на действия Путина. <...>

Первоначально Кремль прикладывал некоторые усилия по умиротворению общественности, не прибегая к тотальному подавлению. Путин ожидал небольшой, быстрой и успешной войны, которая удержит Киев в орбите Москвы, поэтому он использовал термин «специальная военная операция», избегая слова «война». Любые боевые действия, как заверяли россиян, будут происходить где-то далеко, в другом месте. Государственная система контроля была еще не готова справиться с широкомасштабным недовольством, поэтому пошла на своего рода

Накопление едва заметных изменений со стороны как государства, так и общества завело Россию вглубь тирании

общественный договор: граждане, подчинившиеся государству, пусть даже просто молчаливо принимая войну, могли продолжать жить обычной жизнью. Вскоре все должно было вернуться в норму. Это создало двойственную реальность: сталинские репрессии ждут тех, кто переступит черту, но те, кто не протестует, могут читать Оруэлла и жить спокойно.

Тем не менее война все больше проникает в реальность россиян. Обстрелы учащаются, украинские беспилотники теперь долетают до самых дальних уголков страны, атакам подвергаются нефтеперерабатывающие заводы, закрываются аэропорты, взрываются и задерживаются поезда. В магазинах растут цены и сужается ассортимент из-за санкций

*Стремление Путина
к традиционному,
религиозному обществу
отсылает
к доиндустриальной эпохе*

и других международных ограничений. Многие находят прибежище в книжных магазинах, чтобы диссоциироваться от происходящего, или ходят в музеи, делая вид, что нормальная жизнь продолжается. Московский арт-центр «ГЭС-2», реконструированный в 2021 году итальянскими

архитекторами, пытается вселить в россиян веру, что они все еще часть Запада. В этом году «ГЭС-2» проигнорировал призыв Кремля к патристическому искусству, установив работу основателя поп-арта Класа Олденбурга и Кошье ван Брюгген — знаменитую скульптуру Plantoir (гигантский красный садовый совок), которая, как с гордостью отмечается в анонсе выставки, впервые экспонировалась в нью-йоркском Метрополитен-музее.

Подобная двойственность не в новинку для России. <...> Советский Союз считался раем, пока люди гибли в ГУЛАГе. В 1935 году на фоне массовых арестов воображаемых врагов коммунизма Сталин провозгласил: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». В такой среде люди становятся мастерами двусмысленности — говорят одно, а думают другое.

Половинчатая война

Те же противоречия пронизывают путинскую Россию, однако Россия — это не СССР. У нее нет идеологии, способной объединить общество. Правительство задабривало граждан обещаниями капитализма и западного образа жизни, исходя из того, что боевые действия будут краткосрочными. Когда конфликт перерос в затяжную войну, Москва начала требовать от населения жертв. Новый налог на добавленную стоимость в 22% особенно сильно ударит по малому бизнесу, позволяя пополнить государственную казну. Тарифы введены на все. Даже государственный медиаконгломерат Russia Today в своем исследовании признает, что как минимум 70% россиян сокращают расходы на продукты питания, поездки или походы в рестораны.

Клас Олденбург и Кошье ван Брюгген (Claes Oldenburg & Coosje van Bruggen). Садовая лопатка. 2001

Однако мало кто готов приносить жертвы без веской причины, поэтому власти пытаются разработать идеологию, которая могла бы ее обосновать. <...>

Стремление Путина к традиционному, религиозному обществу, где девочек поощряют рожать чуть ли не со школы, а священники советуют женщинам отказываться от карьеры ради роли «помощниц» мужчин, отсылает к доиндустриальной эпохе. Такие архаичные установки вряд ли близки современным россиянам, которые жили в условиях технологического прогресса, путешествовали по миру и активно пользовались развитой сферой услуг. Растущий разрыв между лозунгами и реальностью становится все труднее скрывать. <...>

Все меньшее число россиян хочет продолжения военного конфликта: чем дольше он длится, тем меньше остается фоновым шумом и тем сильнее поглощает их жизни. Люди боятся повторения частичной мобилизации, которая случилась осенью 2022 года, когда в армию призвали 300 тыс. человек. Тогда многие потенциальные призывники бежали за границу. В октябре 2022 года 66% россиян заявили Левада-центру, что опасаются всеобщей мобилизации, а 57% — хотя бы начала мирных переговоров (сегодня это число составляет 66%). Правительство, опасаясь перегнуть палку, ввело номинально добровольную систему призыва.

По всей России молодых людей вербуют на фронт. Их семьи получают суммы, эквивалентные 2–20 тыс. долларов, в зависимости от региона. За три года правительство потратило на эти выплаты почти

38 млрд долларов, или 1,5% от ВВП России. Министерство обороны заявило, что в 2024 году армия получила почти 500 тысяч новых военнослужащих, а в 2025 году — 450 тысяч. Некоторых идти на фронт заставляют силой, другие — преступники, избравшие войну вместо тюрьмы: кроме денег, они получают полное снятие судимостей. Тысячи гибнут, но тысячи и возвращаются: на улицах российских городов все больше появляется искалеченных и раненых мужчин, к которым прохожие относятся с опаской.

Серые зоны

Никто в России толком не знает, что запрещено, а что еще нет; оруэлловская реальность полна лазеек. Запад «отменен», однако в этот рождественский сезон большинство торговых центров встречали посетителей гигантскими буквами: JOY (радость). Культурные афиши регулярно публикуют рецензии эпизодов последнего сезона «Белого лотоса», объясняют, почему фильм «Конклав» достоин хайпа, а «Аватар: пламя и пепел» — нет, рекламируют итальянский бранч в отеле Four Seasons рядом с Красной площадью и обучение на английском языке в Британской международной школе в Москве. <...> Тем временем некоторые православные активисты и депутаты Думы потребовали запретить книги о Гарри Поттере на том основании, что они пропагандируют черную магию. <...>

«Серая зона» держит людей в постоянной неуверенности и сама становится инструментом угнетения, заставляя их контролировать свое поведение. Прислушиваясь к «рекомендации» сверху, театры негласно придерживаются правила не ставить произведения иностранных ав-

торов. Немногие решаются нарушить его. Некоторые театры удаляют из афиш имена актеров и авторов, ставших «непатриотичными». Известный режиссер Дмитрий Крымов покинул страну в знак протеста против войны, а в рекламных материалах поставленного им спектакля «Сережа» (версия «Анны Карениной» Толстого) в МХТ им. Чехова имя режиссера было вычеркнуто. В программке теперь значится: «Режиссер: режиссер». В прошлом году один молодой режиссер поставил «Дюймовочку» Ганса Христиана Андерсена в Московском театре сатиры. В сказке юная героиня хочет улететь в теплые южные страны в поисках свободы. Но режиссеру велели не упоминать «южные страны», ведь Украина находится к югу от России. Слова «свобода» также следует избегать, чтобы не подавать людям ложных идей. Режиссер предложил закончить спектакль латинским хоралом. «А латынь — это язык дружественной страны?» — поинтересовался администратор театра.

«Серая зона» держит людей в постоянной неуверенности и сама становится инструментом угнетения

торов. Немногие решаются нарушить его. Некоторые театры удаляют из афиш имена актеров и авторов, ставших «непатриотичными». Известный режиссер Дмитрий Крымов покинул страну в знак протеста против войны, а в рекламных материалах поставленного им спектакля «Сережа» (версия «Анны Карениной» Толстого) в МХТ им. Чехова имя режиссера было вычеркнуто. В программке теперь значится: «Режиссер: режиссер». В прошлом году один молодой режиссер поставил «Дюймовочку» Ганса Христиана Андерсена в Московском театре сатиры. В сказке юная героиня хочет улететь в теплые южные страны в поисках свободы. Но режиссеру велели не упоминать «южные страны», ведь Украина находится к югу от России. Слова «свобода» также следует избегать, чтобы не подавать людям ложных идей. Режиссер предложил закончить спектакль латинским хоралом. «А латынь — это язык дружественной страны?» — поинтересовался администратор театра.

Рождение диктатуры

В своей статье 1993 года «Работая навстречу фюреру» британский историк Ян Кершоу объяснил, как устанавливается авторитаризм: через использование идеологии для оправдания индивидуальных и коллективных действий, через добровольное пособничество общества и через государственные репрессии. Лидер намечает репрессивные требования, а все остальные, начиная с его окружения и заканчивая бизнесом, правительственными и политическими организациями, школами, университетами, волонтерскими группами и отдельными лицами, сами придумывают правила поведения. Сверхпатриотизм путинизма следует по тому же сценарию. Рядовые граждане — не просто пассивные соучастники, но и соавторы репрессий, пытающиеся угодить лидеру и контролирующие друг друга. Чиновники, стремясь перецеловать друг друга, становятся все агрессивнее в своих преследованиях. Это порождает абсурдные спектакли, где аппаратчики совершенствуют искусство называть ненормальное нормальным и наоборот.

Дело не в том, что власти перестали замечать абсурд. Они видят его тогда, когда им это выгодно. Элла Памфилова, глава Центральной избирательной комиссии России, была возмущена, когда бдительный депутат сообщил, что официальный символ, связанный с выборами 2024 года, похож на логотип Фонда борьбы с коррупцией, который когда-то возглавлял покойный Алексей Навальный, главный враг Кремля. Памфилова отчитала депутата за его «параноидальное воображение». Позже он был объявлен иностранным агентом за свои комментарии. <...>

Депутаты Госдумы и простые граждане, словно охваченные коллективным безумием, наперебой придумывают репрессивные нормы. Когда коммунистическая система рухнула, практика доноительства на друзей, членов семьи или коллег за «крамольные» мысли сошла на нет, но в 2022 году она возродилась. Более того, она нормализуется и даже поощряется обществом. К 2024 году «гордые патриоты» написали более трех тысяч доносов о дискредитации Вооруженных сил, поддержке прав ЛГБТ или критике Кремля.

Некоторые доносят по убеждениям, другие, желая получить лояльность властей, а третьи — из страха самому стать жертвой. Иван Абагуров, ничем не примечательный аспирант из Екатеринбурга, стал известен благодаря тому, что сочинял фантастические обвинения против журналистов, использовавших, например, слово «война» вместо «специальная военная операция». За шесть месяцев 2023 года он написал 1357 доносов под псевдонимом Анна Коробкова.

«Русская община» — ультраправая провоенная группировка — ведет открытую борьбу с внутренними врагами. Первоначально возникнув

*Рядовые граждане –
не просто пассивные
соучастники,
но и соавторы репрессий*

как движение вигилантов, с 2022 года она помогает официальным силовым структурам, участвуя в рейдах против этнических общин или «нежелательных лиц» на лекциях или концертах. В том числе члены группировки срывают презентации в книжном магазине «Москва», расположенном в нескольких минутах ходьбы от Кремля; угрожают неудобным им спикерам и обещают сжечь книги и разбить окна. Полиция зачастую отказывается приезжать по вызову, ссылаясь на ограниченность ресурсов.

Закручивание гаек

В июле 2025 года Министерство внутренних дел неожиданно решило положить конец любительскому вигилантизму. Косвенно намекая на «Русскую общину», МВД выпустило предупреждение, адресованное российским гражданам, о националистических группировках, которые «используют патриотические лозунги как прикрытие, занимаясь поиском ложных врагов и разжиганием этнических конфликтов». С тех пор даже самые рьяные националисты среди аппаратчиков, такие как

Доля тех, кто настаивает, что Россия должна сражаться до полной победы, упала с 29% в 2022 году до 15% в конце 2025 года

Кирилл Кабанов, член Совета при президенте по развитию гражданского общества и правам человека (название, звучащее теперь как оксюморон), настаивают на том, что такие организации должны быть полностью инкорпорированы в государственные структуры.

Эти действия — часть новой фазы репрессий и контроля, нацеленной не только на оппозицию, но и на сверхлояльных граждан. Опросы Левада-центра в декабре 2025 года показали, что лишь 26% населения в той или иной степени согласны с утверждением, что «военные действия в Украине должны продолжаться», — это самый низкий уровень поддержки с начала войны. Доля тех, кто настаивает, что Россия должна сражаться до полной победы, упала с 29% в 2022 году до 15% в конце 2025 года. Нынешние настроения представляют угрозу для Кремля. В ответ он стал меньше полагаться на гражданскую инициативу в своем авторитарном проекте, переложив функцию подавления непосредственно на государство. Его цель — устранить любую независимую политическую активность, все, что может выскользнуть из-под контроля.

Летом 2025 года начались ежедневные задержания некогда доверенных чиновников, политиков и высокопоставленных военных — теперь их обвиняют в коррупции. Июнь и июль также ознаменовались жесткими арестами журналистов интернет-издания Ura.ru и телеграм-канала Ваза — гиперпатриотичных, провоенных ресурсов, которые послушно распространяли ненависть к «врагам»: Украине, иноагентам и критикам властей. Осенью несколько самых преданных сторонников Кремля были объявлены иностранными агентами, включая политпропагандиста

Сергея Маркова и известного провоенного блогера Романа Алехина. О причинах можно только гадать: может быть, Марков осмелился давать советы Путину или, возможно, был слишком дружелюбен с Азербайджаном, а Алехин мог критиковать сложившуюся на войне ситуацию. Весьма воинственно настроенная блогерша Татьяна Монтян, уроженка Крыма, миновала статус иноагента и сразу была признана «террористом и экстремистом», вероятно, из-за своей критики в адрес определенных патриотов, связанных с Кремлем. Теперь под запретом любая независимая оценка действий России, даже если она исходит от самых лояльных ее приверженцев.

Кремлевские репрессии усиливаются. <...> Разочарование нарастает. Рьяные сторонники войны злятся, что российское общество игнорирует тему жертв среди военных. Они недовольны и медленным продвижением в Украине: с февраля 2022 года Россия заняла менее 12% украинской территории. Другие обеспокоены инфляцией, которая сейчас составляет около 7%, и жалуются на рост цен на продукты, коммунальные услуги, бензин и лекарства. Экономисты мрачно оценивают состояние экономики, испытывающей серьезные трудности. Дефицит бюджета на 2025 год составляет более 53 млрд долларов; военные расходы выросли на 38% по сравнению с прошлым годом, в то время как в большинстве отраслей — от строительства до автопрома и туризма — наблюдается значительный спад. Переход России к более трудоемким секторам вместо «ориентации на высокие технологии», которую Путин обещал еще в 2020 году, вряд ли поможет. Стране все чаще приходится считаться с потерей сотен тысяч солдат, погибших в боях.

Если не будет заключен мир, тотальная война — лишь вопрос времени. В декабре ежегодная прямая линия Путина с народом и прессой почти полностью сосредоточилась на необходимости жертв ради «специальной военной операции». Сохранение верности курсу войны потенциально может означать всеобщую мобилизацию и военное положение. Если же, напротив, конфликт завершится в 2026 году, перед режимом встанут трудные вопросы. Оба варианта полны неопределенности, поэтому контроль Кремля должен быть абсолютным.

И все же в преддверии 2026 года воссоздание в России тоталитаризма по образцу романа «1984» осталось незавершенным. Окончательные правила так и не установлены, а инакомыслие просачивается сквозь щели. Дмитрий Муратов из «Новой газеты», объявленный иноагентом, регулярно публично высказывается против репрессий. Журналисты «Новой» продолжают работать так же, как и до 2022 года. Газета официально закрыта, но доступна онлайн через VPN, к тому же россияне могут заказать печатную версию под альтернативным названием «Новая газета. Журнал». Некоторые ведущие и аналитики ютьюб-канала

*Если не будет заключен мир,
тотальная война —
лишь вопрос времени*

Плакат, типичный для периода «разрядки» международной напряженности. 1973

«Живой гвоздь» (бывшее «Эхо Москвы») также остались в Москве: выселенные из своего престижного офиса, они теперь вещают из нескольких скромных комнат на окраине города.

Эти люди сопротивляются репрессиям каждый день. Так же поступают и многие другие, чьи акты неповиновения разоблачают нелепость и жестокость режима. Несколько месяцев назад один смельчак нарисовал в Санкт-Петербурге граффити с советским лозунгом 1960-х годов «Миру — мир»; сейчас в отношении него ведется расследование по статьям об экстремизме и терроризме. Прогуливаясь по территории Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, старинном городе в 160 милях к северу от Москвы, можно наткнуться на большой камень, на котором кто-то нарисовал сине-желтую птицу — цвета украинского флага. В городе Муроме, в 200 милях к востоку, магазин одежды привлекает посетителей витриной с гроздьями воздушных шаров ярких расцветок — черных и фиолетовых, белых и красных, желтых и синих. Когда я спросила, было ли последнее сочетание намеренным, продавщица подмигнула и ответила: «Ну если придет чиновник, я улыбнусь улыбкой Мэрилин Монро и скажу: “Эти цвета так красиво смотрятся вместе”».

Переходное правосудие для России*

И. Березкина: Последние несколько лет я пытаюсь изучать все связанное с переходным правосудием как в России, так и в других странах. В России пока очень мало об этом написано. И работа Николая Бобринского в соавторстве со Станиславом Дмитриевским «Между мстью и забвением: концепция переходного правосудия для России» стала одним из первых текстов, написанных на эту тему. Мы с Николаем этот текст обсуждали совсем недавно, и он рассказал о том, что готовится документ (это было до выхода документа «100 дней после Путина»). Потом мы узнали, что готовится он совместно с «Мемориалом», и даже успели коротко представить его на Антивоенном конгрессе, но это было закрытое мероприятие. Сейчас — первая полноценная презентация документа. Важно понимать, что это именно юридический документ, который написан, как мне кажется, лучшими специалистами по конституционному, международному, избирательному праву и по правам человека. И он встанет на полку важнейших документов будущего страны под названием «Россия».

Н. Бобринский: Я был практикующим юристом и в 2012 году, как и многие люди моего поколения, стал участвовать в политической работе, был наблюдателем на выборах. И столкнулся с явлением, которое всем нам сейчас хорошо знакомо: с безнаказанностью преступлений, которые поддерживаются или прямо заказаны политическим режимом.

Эта проблема и привела меня к полю знания о переходном правосудии. Я обнаружил, что по этой теме есть огромная литература на английском и других иностранных языках, но на русском ее практически нет. Вначале я этим занимался в свободное от других дел время и написал несколько статей. Затем, в 2022 году, вместе со Станиславом Дмитриевским

Николай Бобринский,
юрист

* Выступление на семинаре Школы в Риге 22 апреля 2025 г.

опубликовал большой доклад «Между мстью и забвением». Сейчас я продолжаю эту работу в Берлине, где изучаю немецкий опыт уголовного преследования — в Германии это называют антиправовым режимом СЕПГ. Я работаю в архивах, собрал очень много материалов и надеюсь в скором времени это опубликовать. Еще, может быть, кто-то меня помнит в качестве муниципального депутата района Раменки в Москве.

Термин «переходное правосудие» еще не очень в ходу в России. Переходное правосудие — это один из возможных переводов английского термина *transitional justice*. Другой вариант — правосудие переходного

Концепция переходного правосудия получила развитие 30 лет назад как попытка описания и систематизации опыта

периода. Это преимущественно юридическая концепция, которая дает ответ на вопрос, как поступить с последствиями массового насилия и других посягательств на основные права человека со стороны государства после того, как политический режим, который это насилие применял, уходит

в прошлое. Принято считать, что переходное правосудие включает различные юридические механизмы, которые объединяют в четыре или пять направлений.

Назову их:

- уголовное преследование;
- установление истины — как правило, ассоциируется с комиссиями правды;
- репарации — или более привычный для русского уха термин «восстановление нарушенных прав» или «возмещение ущерба»;
- гарантии неповторения нарушений — среди них первой всегда называют люстрацию
- и иногда отдельно выделяют амнистию.

Из этих пяти тем только комиссию правды и люстрацию можно назвать реальными инструментами переходного правосудия. А уголовное преследование, возмещение ущерба и амнистия — это общий институт уголовного и гражданского права; в условиях политической трансформации они могут иметь некоторые существенные особенности.

Концепция переходного правосудия получила развитие 30 лет назад, в середине девяностых годов, как попытка описания и систематизации того опыта, который к тому времени был уже накоплен в странах так называемой третьей волны демократизации. Вы знаете, что это бывшие военные диктатуры Латинской Америки, Греция, Испания, постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы, а также на тот момент Южная Африка.

Очень быстро переходное правосудие стало популярной отраслью знаний междисциплинарной практики. Выпускается огромное количество книг, есть отдельный оксфордский журнал, есть центр в Штатах. Многие люди посвятили этой теме если не всю свою жизнь, то значительную ее часть.

В этой точке я обычно перехожу к тому, как может переходное правосудие выглядеть в российских реалиях, но сейчас сделаю оговорку, поскольку мы все наблюдаем крутой поворот международной политики Соединенных Штатов, а он затрагивает в том числе и эту тему. Отказ американского правительства от продвижения демократии, защиты прав человека по всему миру, а также заявление его представителя о толерантности к военным преступлениям, конечно, подтачивают ценностную основу переходного правосудия. Для меня символом мрачных его перспектив стало закрытие в США Института мира. Эта организация в 1995 году опубликовала многотомник Transitional Justice под редакцией Нила Критца, с которого и началась популярность этой отрасли во всем мире. Так что я не сомневаюсь, что в скором времени кто-то из моих коллег станет говорить о конце эпохи переходного правосудия.

Так или иначе, эрозия поля международных знаний и практики в области переходного правосудия не снимает вопроса о том, что делать с последствиями массового зла, дозволенного прежними властями. Этот вопрос возникает во многих странах, не только в России. Но мы в нашей стране его хорошо знаем и сталкиваемся с ним каждый день. Тем более потеря актуальности этой повестки переходного правосудия на международном уровне не может заглушить естественную потребность в справедливости, которая присуща любому человеку, особенно тем, кто сам потерпел от насилия и произвола. Пример того, что это не обязательно должно быть воспринято извне, показали Анатолий Кононов и другие юристы и политики, написавшие в 1991 году первый российский закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Это был для своего времени прогрессивный и качественный документ. Те люди едва ли думали о переходном правосудии, хотя, по сути, им занимались. Этот термин тогда только входил в употребление.

Поэтому независимо от перипетий мировой политики и вероятного завершения моды на переходное правосудие можно использовать эту концепцию, особенно те практические инструменты, которые из нее вытекают и уже опробованы в разных странах. Вот, собственно, чем я сейчас занимаюсь в немецких архивах: я смотрю уголовные дела девяностых годов, как судили гэдээровских судей Верховного суда. Это очень интересно и мало исследовано за пределами Германии.

Для разговора о переходном правосудии в России момент сейчас максимально неблагоприятный, потому что режим выглядит устойчивым. В каком положении находится оппозиция внутри страны, мы знаем. Поэтому, даже если Путин внезапно сойдет со сцены, предпосылок для перехода к демократии на первый взгляд не видно. В этих условиях неизбежны сомнения в том, насколько вообще целесообразны

Есть минимальный набор условий, при которых есть смысл говорить о восстановлении справедливости в России будущего

разработки в области переходного правосудия. Ведь в лучшем случае они устареют, а в худшем — вообще не будут востребованы. Кроме того, заниматься этой темой психологически непросто. Потому что постоянно приходится конструировать некую параллельную реальность — это видение настоящего в некоем абстрактном будущем, которое к тому же постоянно откладывается. Тем не менее есть минимальный набор условий, при которых есть смысл продолжать говорить о восстановлении справедливости в России будущего.

Во-первых, это живые потерпевшие, их родные или хотя бы те люди, которые имеют правомерные основания выступать от имени потерпевших. Во-вторых, это наличие инстанции, к которой можно обратиться с требованием о восстановлении справедливости. То есть в нашем случае это Российская Федерация или государство, которое объявит себя ее правопреемником. Оба этих условия по-прежнему налицо. Поэтому оставлять надежду и заранее соглашаться с бесконечным забвением страданий жертв и бесконечной безнаказанностью палачей преждевременно.

Что можно сделать, чтобы увеличить шансы на правосудие в будущем в ожидании обстоятельств, которые, может быть, от нас не зависят? Я предлагаю четыре направления работы, которые доступны многим людям, не обязательно юристам.

Во-первых, это максимальная солидарность с потерпевшими от противоправного насилия и произвола. Их нужно морально и материально поддерживать, рассказывать о них российской и международной аудитории, составлять списки и базы данных жертв. В этой области уже многое делается. Я назову несколько инициатив. Это проект «Поддержка политзаключенных. Мемориал», многочисленные инициативы по написанию писем политзаключенным. Передвижная выставка «Лица российского сопротивления», которая уже побывала во многих городах Европы.

Второе направление — сбор информации о нарушениях и виновных. Здесь нужно проводить различия между открытыми официальными посягательствами (например, судебное преследование политзаключенных) и скрытыми неформализованными нападениями (например, убийства или пытки). В первом случае эти материалы доступны, поскольку Российское государство по-прежнему очень открыто, оно публикует о себе массу информации. Ее можно обрабатывать и публиковать. Примеры такой работы — то, что делает «Медиазона», проект «ОВД-Инфо» «База политически мотивированных уголовных преследований», детальная база данных с 2012 года, примерно 4500 политически мотивированных актов уголовного преследования. Это недавняя публикация в «Новой газете Европы», в которой подсчитано, сколько российских судей вовлечено в политический террор. И всем известный проект сторонников Навального «Черный блокнот».

Обратная сторона доступности всех этих данных о российских судах заключается в том, что таким проектам зачастую не хватает юридически корректной методики и систематического подхода. Кроме того, хотя данные о судьях и доступны, но другие участники государственного террора (прокуроры и следователи) остаются в тени, в открытых источниках информации о них нет. И даже если ее можно получить, то обработка, тем более публикация этих данных сопряжена с гораздо большими усилиями и рисками.

А что касается неформализованных нарушений прав человека, то есть не связанных с деятельностью, которую Российское государство признает легальной, — эта работа тоже ведется, но, как правило, непублично. Есть инициативы, которые документируют информацию о различных такого рода нарушениях, за исключением, может быть, громких расследований, таких как разоблачение отравителей Навального. Как правило, такая работа конфиденциальна: нужно защищать информаторов, многие из которых находятся в России.

Третье направление работы — это поиск и распространение языка для описания того общественного зла, за

искоренение которого мы выступаем, а также для обозначения средств исправления последствий этого зла. Это, может быть, не такая очевидная задача. Но те примеры, которые я приведу, покажут, что я хочу сказать. Когда мы говорим о переходном правосудии и, например, о политзаключенных, здесь есть две ловушки. Во-первых, копирование терминов, которые нам навязывает сам режим. А во-вторых, слепое копирование иностранной терминологии.

Первая проблема хорошо известна: мы склонны использовать такие стигматизирующие термины, как «иностраный агент», которые, по сути, заставляют нас воспроизводить то оскорбление, порочащее слово, которое режим придумал именно для этой цели. Пример из более давнего и, может быть, не такого очевидного: сам термин «политические репрессии» достаточно амбивалентен, потому что отсылает к слову «репрессии», которое широко использовала советская власть для обозначения того, чем она, собственно, занималась. И репрессии — это не нечто очевидно плохое с точки зрения коммунистического режима. Поэтому во время первой после Сталина волны реабилитаций говорили о «необоснованных» репрессиях. Затем ввели критерий «политические репрессии», но это все равно компромисс. Поэтому в проекте, о котором я буду говорить, мы предлагаем отказаться от термина «политические репрессии» и говорить о «государственном терроре».

А что касается иностранных заимствований, это, конечно, не такая большая проблема, но все-таки важно описывать те или иные иностранные образцы понятными словами. Например, одно из направлений

Мы предлагаем отказаться от термина «политические репрессии» и говорить о «государственном терроре»

переходного правосудия в англоязычных текстах называется «репарации». Но по-русски это не совсем то, что по-английски. Поэтому нужно говорить не о репарациях, а о «возмещении ущерба» или «восстановлении прав». Второй пример — люстрации. Этот термин уже вошел в русский язык. Но есть много неправильных ассоциаций с этим словом. Мы в нашем последнем проекте называем люстрацию «мерами для восстановления доверия к суду и правоохранительным органам». Конечно, это длинно, люстрацию не заменит, но, по крайней мере, мы пытаемся объяснить, что, собственно, делается.

Четвертое направление работы для будущего восстановления справедливости — разработка проектов конкретных решений в области переходного правосудия. Это то, чем я в том числе занимаюсь. Даже если эти документы не рассчитаны на скорое осуществление, они полезны, во-первых, как изложение программы действий на языке государства, то есть на юридическом языке. Именно на этом языке эти решения и могут быть проведены в жизнь. Во-вторых, это в каком-то смысле подтверждение дееспособности сторонников идеи восстановления справедливости, то есть мы работаем над этими проектами, доказываем, что не только в интернете можем чего-то требовать, но готовы предложить решение, которое будет работать на государственном уровне. И, в-третьих, всегда есть, пусть и призрачный, шанс, что политическая обстановка изменится внезапно, приоткроется то самое окно возможностей, и наличие готовых проектов несколько увеличивает шанс на то, что они будут осуществлены.

К сожалению, этих проектов пока не так много. Я знаю, что у Елены Анатольевны Лукьяновой в Свободном университете есть отдельная лаборатория, которая этим занимается. И еще из того, в чем я не участвовал, можно назвать проект соратников Ильи Пономарева, которые объединились на Съезде народных депутатов, там были опубликованы

100 дней – это то время, которое в Конституции с небольшим округлением предусмотрено для проведения досрочных выборов президента

акты о реабилитации и люстрации. Но особенность этих проектов — их подчеркнута революционный характер, это полный разрыв с прошлым и, в частности, с нынешней российской правовой системой.

Несколько слов о разработках, в которых я так или иначе принимал участие. Я уже упоминал наш со Станиславом Дмитриевским доклад, который в 2020 году опубликовал Институт права и публичной политики, он доступен на их сайте. Этот проект представляет собой в некотором смысле идеальный ответ юристов на вопрос, как исправить системную безнаказанность преступлений, накопленную за годы путинского режима. В 2020 году самое страшное еще не случилось, но многие из наших идей вполне актуальны. И, на мой взгляд, этот доклад как раз хорош тем, что он всю международную практику,

Каннупа Ханска Люгер (Cannupa Hanska Luger). Будущие технологии предков. 2024

описанную в различных документах ООН и Совета Европы, стремится адаптировать к отечественным реалиям, и получаются вполне конкретные рекомендации, которые можно использовать для написания законопроекта.

Проект «100 дней после Путина» с очень оптимистическим подзаголовком «Пакет решений для переходного правительства» опубликован «Мемориалом». Авторский коллектив — пять человек. Проект включает несколько направлений, в том числе и переходное правосудие. Особенность этого проекта в том, что мы берем очень короткий временной промежуток: от дня смены президента до первых выборов. То есть 100 дней — это то время, которое в Конституции с небольшим округлением предусмотрено для проведения досрочных выборов президента. Поэтому у нас смещены акценты в сторону некоторых тем, которые мы считаем самыми важными.

В том, что касается переходного правосудия, мы сосредоточились на двух основных темах:

- восстановление прав жертв государственного террора;
- восстановление доверия к суду и правоохранительным органам.

Это не означает, что другие направления (например, уголовные преследования) не важны, но мы считаем, что эти темы жизненно необходимы, чтобы хоть что-то начало двигаться в обратном направлении.

Потому что, если мы сразу же не добьемся восстановления доброго имени и всех нарушенных прав людей, пострадавших от режима, то, скорее всего, эта задача может растянуться на годы.

Что касается восстановления доверия (в первую очередь люстрации), это необходимое условие для того, чтобы хотя бы провести выборы. Потому что любые споры, связанные с выборами, должны оказаться в судах, а если там будут сидеть нынешние судьи, даже если они вдруг решат судить честно, доверие к ним ниоткуда вдруг не появится.

Что у нас есть по этим темам?

Мы предлагаем не только освободить политзаключенных. Кстати, одна из разработок в хорошей степени готовности — это концепция освобождения политзаключенных, которую презентовал в прошлом году проект «Ковчег». Мы считаем, что этим не надо ограничиваться, нужно восстановить права как можно более широкого круга жертв тер-

Каратели не должны участвовать в восстановлении прав пострадавших

рора. В нашем перечне есть 15 видов преследования, в том числе, например, нарушение трудовых прав. По нашим подсчетам, с 2012 года было не менее 100 тысяч случаев политического преследования, а реальное число пострадавших значительно больше.

Второй тезис, из которого мы исходим: каратели не должны участвовать в восстановлении прав пострадавших. Для этого мы предлагаем специальные структуры создать заново: комиссию по восстановлению прав жертв террора и специальные судебные коллегии в судах регионального уровня в Верховном суде. Кроме того, должна существовать максимально быстрая процедура восстановления прав, для так называемых политических статей предполагается автоматическая отмена приговоров и других судебных решений. Комиссия, которую мы хотим организовать, сможет сама представлять интересы пострадавших в суде. Мы предлагаем своего рода систему «одного окна»: человек восстановит все свои нарушенные права, обратившись в эту комиссию. По этой теме у нас подготовлен полноценный законопроект, который можно брать в готовом виде и принимать.

По поводу гарантии невозобновления террора. Мы называем ее мерами для восстановления доверия к суду и правоохранительным органам и предлагаем пять решений:

- замена руководства правоохранительных органов и высших судов;
- упразднение репрессивных структур: ФСБ, Роскомнадзора и подразделений по борьбе с экстремизмом;

- люстрация участников государственного террора. У нас три больших категории: депутаты, голосовавшие за соответствующие законы, сотрудники правоохранительных органов и судьи. По этому вопросу у нас тоже подготовлен законопроект;

- назначение новых судей на места, освободившиеся в результате

люстрации. По нашим первоначальным подсчетам, речь шла о 3000 вакансий, но недавний новый подсчет «Новой газеты» говорит о том, что таких судей примерно 10 тысяч, то есть это больше 1/3 от состава всех судей федеральных судов. У нас предложен механизм набора новых людей в судейский корпус, он достаточно быстрый и при этом отвечает представлениям в первую очередь независимой профессиональной части юридического сообщества.

Далее, пятое — исполнение постановлений Европейского суда по правам человека. Важно иметь в виду, что при этом не требуется обязательное возвращение России в Совет Европы, это можно сделать и до этого — и не только можно, но и необходимо. Накопилось очень много решений, которые сейчас не исполняются. Законопроект по этой теме у нас тоже готов.

Мы приглашаем к дискуссии и будем рады любым откликам и содержательной критике. Это наш вклад в общую задачу подготовки России к выходу из путинизма.

Сейчас всем тяжело надеяться на что-то хорошее, но я в таких случаях вспоминаю Рафаэля Лемкина. Свою основную работу «Правление государств “оси” в оккупированной Европе», из которой родилась концепция геноцида и Конвенция 1948 года, он писал в самый разгар Второй мировой войны. Он чудом спасся из Польши. И на его глазах происходило то преступление, над преодолением которого он размышлял. Мы далеко не в такой тяжелой ситуации, хотя она тоже очень трагична. Поэтому не стоит опускать руки, нужно продолжать работать.

И. Б.: Процессы переходного правосудия не ограничиваются юридическими инструментами. Нужно помнить, что все то, о чем говорил Николай, — важно. Но гарантия неповторения и меморализация лягут на плечи гражданского общества и тех организаций, которые возьмут на себя ответственность заниматься гражданским просвещением. Без перехода на другой уровень гражданской осознанности и преодоления масштабного нарушения прав человека невозможно гарантировать никакой устойчивый мир.

В этом документе есть фраза, которая меня немножко задела: политическое освобождение граждан. Мне кажется, что политическое освобождение без освобождения сознания кратковременно и не является нашей целью.

Елена Лукьянова: Я хотела бы поговорить о том, что нам делать дальше. «100 дней после Путина» и «Между мстью и забвением» — это огромная, сложная работа, которая разгребла первичный пласт для тех, кто

*Гарантия неповторения
и меморализация лягут
на плечи гражданского
общества и организаций,
которые будут заниматься
гражданским просвещением*

будет готовить завтрашние реформы. Повторяю, у нас нет единого сценария. Я как дочь последнего председателя Верховного Совета СССР хорошо понимаю, что такое парламент с пустым портфелем, — это очень страшно. И советский последний парламент был с пустым портфелем, и все приходилось изобретать заново. И первые два созыва Госдумы были парламентами с пустым портфелем, а при этом приходилось делать всю правовую реформу. Все то, что сейчас готовится, будет в той или иной мере востребовано, какой бы вариант ни прошел. Поэтому чем больше мы подготовим, тем лучше.

Я считаю, что независимо от того, кто и на какой платформе готовил, нам нужна единая площадка, где мы все это соберем. Надо пропускать через три фильтра то, что уже подготовлено. Объем работы такой, что рук нам, конечно, будет не хватать. Но если мы разделим эту работу аккуратно между собой, то сможем на единой площадке объединить усилия. Такая площадка у нас готова. Чтобы не ассоциировалось с нежелательной организацией «Свободный университет», мы сделали эту площадку, этот сайт, отдельно от университета. Сайт пока пустой, мы можем его заполнять, можем придумать любое название. Можем помещать там и проекты, и меры по переходному правосудию, постепенно доделывая.

Коллеги правы, мы в гораздо лучшей ситуации, чем это было в 1991 году. Почему?

Во-первых, у нас есть очень приличная конституционная модель, мы видим те пробелы и ошибки, которые были допущены. У нас есть этот

*Любые люстрации,
как бы аккуратно они
ни проводились, все равно
опять повлекут за собой
то же самое массовое зло*

опыт, его надо дорихтовывать и доделывать. У нас на сегодняшний день, в отличие от 1991, 1993 годов, есть другие учебники, другие специалисты — все, что мы успели за 30 лет подготовить, ничего не пропало даром. Весь этот ретрототалитаризм, авторитаризм и диктатура все-таки происходи-

ли на фоне того, что параллельно продолжала формироваться другая профессиональная среда — она вполне может встать на замену тем кадрам, которые будут лишены возможности творить массовое зло.

Один из самых тяжелых вопросов — вопрос о люстрациях. Не потому, что он самый сложный, а потому, что на нем настаивают многие политики. На вопрос: «Что нам делать с этим массовым злом?» — самый простой ответ: «Люстрировать полностью!» Например, всех сотрудников ФСБ, всех судей. Но мы забываем, что правосудие нельзя остановить ни на минуту. Помимо уголовного процесса, есть еще гражданское судопроизводство: браки, разводы, имущество, наследство, признание юридических фактов — это остановить мы не можем, потому что это приведет к серьезному коллапсу. Поэтому придется какой-то «заместительной терапией» все это продолжать в непростых условиях. Как

специалист по конституционному праву и правам человека я бы постаралась люстрации избежать. Потому что любые люстрации, как бы аккуратно они ни проводились, все равно опять повлекут за собой то же самое массовое зло. Мы не можем провести люстрации так, чтобы не пострадали люди, чья прямая вина не существует: она косвенная. А люстрация — это ответственность. Это тот самый инструмент, где «лес рубят — щепки летят». И этих «щепок» будет, к сожалению, очень много. И нужно найти инструменты, чтобы все-таки защитить эти «щепки», какие-то восстановительные механизмы.

Мое предложение: досоздать площадку. У одного Свободного университета сил на это не хватит, просто не хватает

рабочих рук. Я предлагаю это делать и Школе гражданского просвещения, *Sapere Aude*. Начать формировать пакет законопроектов, некоторое количество из которых уже написано. Николай сегодня назвал два. А мы подготовили переходный проект Конституции, переходный проект избирательного законодательства, переходный закон о партиях, проект нормативных актов, концепцию изменения законодательства о СМИ — там не так много. И надо продолжать дальше, потому что нужно сделать очень многое.

Например, сегодняшняя дискуссия — это концепция законодательства об адвокатуре. Мы тоже без нее никуда не уйдем. Потому что де-факто адвокаты на сегодняшний день сильно урезаны в правах, а без нормальной юридической помощи нельзя.

Наташа: Я работаю в историческом «Мемориале» в том числе с культурой памяти, и мы все время сталкиваемся с несовершенством терминологии про политические репрессии. У меня терминологическое рассуждение: когда вы описываете террор, то перечисляете довольно разные вещи, от блокировки сайта до пыток и так далее. Точный ли это термин? Не видите ли вы здесь какой-то возможности для примитивизации, что ли, и есть ли у вас какие-то другие альтернативы для описания происходящего?

И второе — это жертвы. Потому что мы из истории XX века знаем, что здесь есть две проблемы. Во-первых, жертвы могут быть участниками преступлений ранее. Это кейс, например, «Коммунарки» или кейс кладбищ в спецлагерях в Германии. А во-вторых, не все жертвы согласны с тем, что они жертвы, потому что они сопротивлялись и не готовы на себя навешивать такой ярлык. Возможно, имеет смысл внимательнее подумать над терминологией.

Участник: У меня вопрос в продолжение предыдущего обсуждения касательно Украины. Хотелось бы узнать, есть ли в этом плане какой-то

*Не все жертвы согласны
с тем, что они жертвы,
потому что они
сопротивлялись и не готовы
на себя навешивать
такой ярлык*

блок про компенсации или что-то вроде того? Условные выплаты предполагаются после того, как мы какое-то мирное соглашение заключаем или в процессе? Мы сначала деньги заплатим, а потом реформы делаем, или наоборот?

Денис, Омск — Германия: Я в этом докладе не услышал ничего про миллион граждан, которые вернутся с войны, многие с синдромом ПТСР. Что с ними делать, непонятно. К тому же на многих кровь невинных граждан. И вторая часть вопроса — экономическая составляющая. Как мы знаем, война отнимает очень много ресурсов, но проводить все эти реформы и вообще как-то обустроить жизнь — на это тоже нужны какие-то средства. Как с этим быть?

М. Б.: Насчет понятий государственного террора и жертв. Любые термины несовершенно. Я понимаю и, может быть, отчасти соглашаюсь с замечанием, что называть одним и тем же словом пожизненное лишение свободы и блокировку сайта не совсем корректно и принижает страдания первых. Но этот термин хорош тем, что указывает на цель, которой у государства не должно быть в любом случае. Террор — это устрашение граждан. Устрашение осуществляется самыми разными способами, и посадка в тюрьму не единственный. В этом смысле и блокировки сайтов могут являться таким методом, потому что сайт — это инструмент работы, средство распространения информации. В этом смысле я не вижу здесь большой проблемы.

А вот что касается пыток, мы как раз вынесли их за пределы регулирования закона, но не потому, что считаем их менее острой проблемой. Сама идея решения, которое мы предлагаем, означает, что мы работаем с явлениями, которые нынешнее государство считает легальными, совершает официально, и по ним есть неопровержимые доказательства их совершения. И на их основе мы можем эти же акты немедленно аннулировать или же пересмотреть. В то время как пытки и сейчас считаются преступлением; не всегда легко установить все обстоятельства, назвать виновных. То есть это требует полноценного расследования, нужна иная процедура. На эту тему в первом моем докладе есть определенные предложения. Но они к государственному террору в нашем проекте не относятся.

По поводу второго вопроса: как совместить предполагаемые выплаты Украине с реформами? Это вопрос не совсем юридический. Заранее скажу, мы не берем на себя все задачи, которые возникнут в этот момент. Но простое сравнение расходов, которые заложены на восстановление так называемых новых территорий, с подсчитанными Всемирным банком суммами ущерба Украине показывает, что одно позволяет как-то покрыть другое. То есть отказ от расходов на так называемое восстановление так называемых новых территорий даст существенную экономию, в том числе и для этой задачи.

Питер Буотт (Peter Buotte). Невидимые раны. 2016

Вопрос о вернувшихся с войны. Мне кажется, вы сами сказали, что в основном это проблема психологической помощи. Я думаю, что там нужны будут какие-то юридические решения, но, очевидно, не в направлении изоляции этих людей, а, наоборот, чтобы помочь им вернуться в общество. Потому что как раз одна из идей, которые транслируют в тексте мои коллеги, состоит в следующем: большинству военнослужащих, хотя, может быть, морально они совершили предвзятый поступок (особенно те, кто добровольно подписал контракт), юридически предъявить нечего, если не было совершено конкретных военных преступлений. То есть нам нужно будет с ними жить. Я думаю, что воспринимать их в качестве проблемы, которую нужно решать средствами уголовного права, на первый взгляд неправильно, хотя и это, к сожалению, видимо, будет неизбежно, потому что каждый день идут сообщения о преступлениях, которые совершают военнослужащие.

*Никто не обещал,
что агрессору будет хорошо
после того, как его агрессия
будет приостановлена.
Стране будет тяжело
и плохо*

Е. Л.: Вопрос о репарациях Украине. Что первично, что вторично. Это решается все-таки договорами, которые будут приняты по итогам войны, когда она закончится. И они будут приниматься и международным сообществом, и двумя сторонами, которые задействованы в этой войне напрямую. Это может растянуться на очень много лет.

А по поводу того, откуда брать ресурсы на реформы, — я не вижу в этом ничего страшного. Реформы будут проводиться параллельно с выплатами. Другой вопрос: сколько лет и десятилетий эти выплаты будут идти? Они же растянутся на десятилетия! Это будут поколения

и поколения. Ну можно, конечно, ничего не платить и все пустить на реформы — и что тогда будет? Тогда не будет ни мира, ни реформ, ни исторической памяти.

Никто не обещал, что агрессору будет хорошо после того, как его агрессия будет приостановлена. Да, стране будет тяжело и плохо.

М. Б.: Можно предположить, что окончание войны само по себе даст большую экономию. Все-таки военные расходы сейчас колоссально выросли.

И. Б.: Уже сегодня группа экономистов — Екатерина Журавская, Сергей Гуриев — работают над этим вопросом. У них уже есть определенное видение.

Лена, Вильнюс: Вы говорили про площадку, которая будет создаваться. Как это будет координироваться? И как будет вовлекаться в эту работу гражданское общество, правозащитные организации, НКО, активистские проекты?

Е. Л.: Я не знаю. Этого никто не знает.

Иван, Калининград — Варшава: Каким образом вы выбрали те вопросы, которые включили в этот первичный список? Вы считаете их первоочередными или злободневными? Что-то же не попало в этот список?

М. Б.: Мы исходили из того сценария, который заложен в Конституцию автоматически: уходит президент, и через три месяца нужно провести новые выборы. Если Конституция в этой части не будет изменена, это то, что будет происходить наверняка. И внутри этой очень короткой временной рамки сделать можно не так много, но важно, чтобы эти вы-

Люди, которые создавали пространство ненависти, являются такими же военными преступниками

боры проходили в другой общественной атмосфере, нежели та, которая сложилась сейчас.

Второе соображение — это война. Надеюсь, наша гипотеза о том, что война будет (по крайней мере, в виде неу-

регулируемого конфликта) продолжаться до момента прекращения власти Путина, все-таки будет опровергнута. И это будет одна из задач (как видится сейчас), с которой нужно начинать работать с самого начала, то есть с самых первых дней. Может быть, ситуация изменится, если конфликт будет заморожен.

Диана: Я из Европейского университетского института во Флоренции. Существует российская пропаганда, которая внесла очень большой вклад в эту войну. Что произойдет с ней?

М. Б.: Детально проработанного ответа на этот вопрос у нас нет, хотя мы осознаем, что он необходим. Не считая того, что касается отмены цензуры и отмены санкций за нарушение этих цензурных правил, вероятно,

Тимур Новиков. Ледокол. 1987

не потребуются сразу какие-то законодательные решения. Потому что эта пропаганда (за некоторыми существенными, но важными исключениями) находится под прямым контролем государства. Что касается частных инструментов — наиболее яркие примеры «Газпром-Медиа» и «Национальная Медиа Группа». «Газпром-Медиа» не совсем частная, а НМГ формально частная организация. Вот что с ней делать — это один из вопросов, на который еще предстоит ответить. Деятельность НМГ могла бы быть предметом уголовного расследования.

И. Б.: Я позволю себе добавить: машина государственной пропаганды работала задолго до начала полномасштабного вторжения. Люди, которые создавали пространство ненависти, являются такими же военными преступниками. И так же как президент и люди, отдававшие приказы, они должны находиться на скамье подсудимых.

Николай вспомнил Рафаэля Лемкина, а я «Веймарскую республику у моря». Немецкие интеллектуалы, юристы, писатели, которые оказались в изгнании в Калифорнии, были той самой первой группой, которая начала прорабатывать вопросы процессов переходного правосудия в Германии. Это было в середине войны, в самую горячую фазу. И, как видим, это не казалось им слишком большой задачей или преждевременной. Думаю, этим можно вдохновляться.

Лорингхофен А. Ф. фон,
Эрленхорст Л. Путин
атакует Германию.
Дезинформация,
пропаганда,
кибератаки. Рига:
Школа гражданского
просвещения, 2025.

Путин атакует Германию

Знакомим читателя с нашими новыми изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Эта книга показывает, как под руководством Кремля координируется сложное взаимодействие между спецслужбами, медиаструктурами, ботами и так называемыми «фабриками троллей» в соцсетях. Темы мигрантов, пандемии коронавируса, правого и левого экстремизма, а также войн в Украине и секторе Газа ежедневно сопровождаются в Германии распространением полуправды или полностью вымышленных нарративов. Эта реальность сохраняется на протяжении ряда лет, оставаясь малоизвестной широкой общественности, но оказывая существенное влияние на общественно-политические процессы. Авторы подчеркивают необходимость нового реалистического подхода, единой стратегической концепции и решительных контрмер.

Как демократии защитить себя

«Германия находится в центре российских операций влияния. Москва активно пытается оказывать нелегитимное воздействие на политику, экономику и общество на различных уровнях. Арсенал России включает в себя все — от масштабного шпионажа до кибератак и дезинформационных кампаний, вплоть до влияния на выборы. Германия должна стать значительно более крепкой, стойкой и обороноспособной. Недостаточно рассматривать так называемые гибридные атаки по отдельности. Вместо этого необходимо распознать целостную стратегию, которая за ними стоит. Прежних средств обработки сведений, используемых разведкой, уже недостаточно.

К такому радикальному выводу пришел Парламентский контрольный комитет германского бундестага в одном из своих редких публичных заявлений по этой теме в марте 2024 года. Авторы заявления наверняка знают, о чем говорят: комитет контролирует все германские спецслужбы и потому хорошо знаком с деятельностью иностранных держав на территории страны. Мы присоединяемся к выводу комитета. Но что делается для претворения этого вывода в жизнь? К сожалению, приходится признать: слишком мало.

Для того чтобы противостоять непрерывной и всеобъемлющей цифровой войне Путина против Германии, требуется широкий спектр мер. Панацеи не существует. Как мы показали, атаки ведутся по-разному: одни осуществляются людьми, другие — компьютерами, одни содержат долю правды, другие полностью состоят из лжи, одни краткосрочны, а другие рассчитаны на долговременное действие. Соответственно, разнообразными и гибкими должны быть и наши контрмеры. В каждом конкретном случае следует тщательно взвешивать, какие средства и какая комбинация ответов окажутся наиболее действенными, чтобы отразить, нейтрализовать или даже обернуть против себя ту или иную атаку. <...>

В заключение

Соблюдение принципов свободы мнений и плюрализма является обязательным для демократов. Подрыв наших демократических базовых ценностей — цель России, и уже хотя бы поэтому мы ни в коем случае не должны попасться в эту ловушку. В этом отношении сдержанная осторожность со стороны правящих кругов разумна и уместна. Поэтому правительствам имеет смысл и дальше держать фокус прежде всего на механизмах, а не на конкретном контенте. Публичные заявления имеет смысл делать не только представителям гражданского общества. И разумно делать предметом обсуждения конкретные тексты только тогда, когда они запрещены законом. Но, как показано выше, даже при этих ограничениях существует множество эффективных мер, которые следует использовать, чтобы защитить наше информационное пространство от атак Кремля».

Барабаси (Barabasi). Перформанс о возникновении и распространении фейк-ньюз. 2022

Как выстоять и победить в гибридной войне против России

Если говорить о европейской безопасности, то по степени актуальности вряд ли существует проблема, сопоставимая с угрозами, исходящими от России в адрес стран континента. Кремлевские «фабрики троллей» наводняют соцсети своей пропагандой и ложью, а контролируемые Кремлем кибертеррористы регулярно атакуют цифровую инфраструктуру европейских стран. Книга «Путин атакует Германию» делает попытку обобщить имеющийся на сегодня опыт противодействия российской агрессии в информационной и цифровой сфере и предлагает решения для ее эффективного сдерживания. Она объясняет, что такое гибридная война, почему российская дезинформация столь опасна и к каким разрушительным последствиям может привести.

Монография адресована прежде всего немецкому читателю. Она наглядно показывает, как Кремль разрушает доверие немцев к их демократическим институтам, и приводит убедительные примеры того, как

*Германия непозволительно
долго игнорировала
откровенно враждебную
политику России
в отношении себя и Европы*

именно Кремль проводит дезинформационные кампании, паразитируя на внутривнутриполитических разногласиях и канализируя их в нужное России русло. Россия находит себе пособников внутри Германии и среди крайне правых, и крайне левых политических движений. «Понимаю-

щих Россию» — а на самом деле наивных или сознательно проводивших кремлевские нарративы — интеллектуалов и общественных деятелей до февраля 2022 года часто приглашали в ток-шоу, что нанесло Германии, по словам авторов, колоссальный идеологический ущерб. Сейчас их голоса стали слабее. Но любопытно, что, оставаясь в Германии, они продолжают давать комментарии для российских государственных СМИ и распространять кремлевские меседжи в соцсетях.

Вообще для достижения своих целей Россия вепонизирует все: публичных деятелей и бизнесменов, общественные организации и форумы, радио- и телевидение, русский язык и культуру, спорт и искусство. Авторы бьют в набат — враг не просто «у ворот», он уже почти беспрепятственно действует в немецком информационном и политическом пространстве. Они сравнивают гибридную агрессию России против Германии с радиоактивным облучением, губительное воздействие которого на общество и государство незаметно глазу.

Германия — одна из тех стран, что непозволительно долго игнорировала откровенно враждебную политику России в отношении себя и Европы в целом. Принятие желаемого за действительное (*wishful thinking*)

нанесло колоссальный ущерб безопасности Германии. В России немцы упорно хотели видеть то, чем она никогда не была, — «молодую, нарождающуюся демократию». Отношения с ней Берлин строил на принципах доктрины Wandel durch Handel («изменения через торговлю»), которая в итоге оказалась провальной. Еще лучше это видно на примере Китая, который активно торгует с Западом и перенимает его технологии, но демократичнее от этого не становится.

В тексте справедливо подмечено, что склонность выдавать желаемое за действительное в отношении России по инерции связывалась прежде всего с фигурой Михаила Горбачева и верой в приверженность Кремля «духу партнерства и сотрудничества». Здесь германская оценка политики Москвы оказалась полностью ошибочна. Горбачев на самом деле стремился не к глубокой демократизации советской империи, а к мягкой, но полной перезагрузке ее экономики и бюрократической машины, чтобы после передышки продолжить геополитическое противостояние с Западом. Его конечной целью был не демонтаж империи и ликвидация ее институционализированных инструментов проецирования вовне своей мощи, а сохранение сфер влияния и геополитического статус-кво.

Кроме того, германский взгляд на Россию избыточно фокусировался на обитателях Кремля и недостаточно учитывал фактор делегативности или, как это сформулировал проф. Алексей Левинсон, высокую степень синтонности власти и населения. В книге часто подчеркивается, что у путинского режима есть социальные опоры. Действительно, имперский национализм широко распространен в России, а ее жители часто благосклонно воспринимают высокомерные выпады российских политиков в адрес Запада и ближайших соседей. При этом в массовом сознании россиян глубоко укоренено представление о том, что право и правила устанавливает сильнейший. Абсолютное большинство россиян поддержало атаку на Украину, в том числе исходя из этого убеждения. То есть если Россия в военном плане сильнее Украины, то россиянам картина с идущими на Киев российскими бронетанковыми колоннами и бомбящей украинские города российской авиацией кажется вполне естественной.

Кстати, принципы «права сильного» лежат и в основе российских антиамериканских настроений. Их сутью является не праведное негодование относительно нарушения взятых на себя США обязательств и попрания норм международного права, а комплекс неполноценности от превосходства США, которые ведут себя так, как россиянам хотелось бы, чтоб себя вела Россия.

В этом контексте вспоминается, как супруга считавшегося в Европе либералом и реформатором Дмитрия Медведева во время посещения Брюгге сначала опоздала на два часа на прием мэра города ради обеда

*В массовом сознании
россиян глубоко укоренено
представление о том,
что право и правила
устанавливает
сильнейший*

в ресторане, а потом на поздравление с получением Россией права проведения чемпионата мира по футболу ответила: «Победитель забирает все». Прозрение к западным правительствам пришло только после того, как Медведев на съезде правящей партии «Единая Россия» в 2011 году объявил о возвращении на президентский пост Владимира Путина.

Вместе с тем после начала войны с Украиной в 2022 году во внешней политике Германии наметились серьезные перемены. Канцлер ФРГ Олаф Шольц провозгласил *Zeitenwende* («смену эпох»), и Берлин стал демонстрировать принципиальную солидарность с Украиной, приняв

Разоблачение откровенной лжи российских властей и санкции – хорошая мера, но по своей природе реактивная и оборонительная

более одного миллиона беженцев и кардинально увеличив объемы предоставления всевозможной помощи.

Все же в отношении России германское стратегическое мышление не полностью освободилось от стереотипов времен канцлера Вилли Брандта. Инерция все еще сильна. В Берлине немало политиков, ко-

торые скептически относятся к идее инициативного участия Германии в международных делах и принятия более жесткой позиции в отношении России. Они предпочитают либо ориентироваться на импульсы из Вашингтона, либо лелеять эфемерную надежду на «демократизацию России» и возврат отношений с Москвой в формате *business as usual*.

Однако, чтобы не повторять ошибок прошлого, нужно понимать, что даже при смене президента рецепт политического долголетия в России останется тем же: тотальный контроль над великодержавным нарративом и распределением ресурсной ренты, удовлетворение appetites силовиков и бюрократии, а также поддержание сносного уровня жизни населения крупных городов. Другими словами, основой европейской стратегии в отношении России должен выступать не наивный расчет на появление в Кремле «второго Горбачева», а трезвый анализ текущего положения вещей и его самая вероятная пессимистичная проекция на долгосрочную перспективу. Только так можно подготовиться к вызовам будущего.

Кажется, именно в этом ключе предлагают действовать авторы книги. Разделяя тезис о том, что безопасность Европы неразрывно связана с безопасностью Украины, они призывают активнее использовать опыт последней в отражении гибридных атак России и создать «информационный Рамштайн». Заслуживают самого серьезного внимания и другие изложенные в тексте предложения: введение обязательной идентификации при пользовании соцсетями, запрет на алгоритмическую амплификацию материалов российской пропаганды, развитие медиаграмотности населения, а также укрепление компетенций общества и государства в сфере ИИ.

Однако, несмотря на все достоинства книги, кажется, что два сюжета могли бы быть освещены более подробно. Во-первых, хотя авторы призывают к принятию в отношении российской гибридной агрессии не только оборонительных, но и наступательных мер, из текста не очень ясно, что под последними подразумевается. Разоблачение полуправды и откровенной лжи представителей российских властей и санкции — хорошая мера, но она по своей природе является реактивной и оборонительной. То же самое относится к запрету агентам Кремля участвовать в ток-шоу и публичных мероприятиях, а также к идее встречных кибератак в отношении отдельных российских медиакомпаний. Из текста не очень ясно, что авторы думают о таких наступательных действиях, как контратаки в российском информационном и киберпространстве.

Во-вторых, авторы недостаточно говорят о том, что делать с весьма широким спросом на ложную информацию среди пользователей соцсетей. Ведь в «Фейсбуке» или «Телеграме» пользователь сам находит и вступает в нужные ему паблики, в том числе продвигающие конспирологию и российские нарративы. Ведь те, кто уже поверил в ложь, как правило, не ищут факты. Им нужны лишь подтверждения их правоты.

Вдобавок в той же Германии есть множество сообществ с антиглобалистскими, пацифистскими, анархистскими и либертарианскими взглядами, которые были бы рады видеть коллапс «гегемонии США» и ради этого готовы внимать кремлевским медиа. При этом экстенсивное использование ИИ резко сократит издержки Кремля на производство и распространение своей дезинформации и пропаганды. В этой связи кажется, что введение ограничений на алгоритмы соцсетей может иметь только временный эффект и лишь замедлит передачу контента, но не решит проблему полностью.

Как бы там ни было, совершенно очевидно, что для того, чтобы демократические государства могли эффективно противостоять агрессивному вмешательству в свои внутренние дела со стороны авторитарных стран, не отказываясь от своих ценностей, необходимы глубокие перемены в понимании природы существующих угроз. Возможно, впереди Европу ждет пересмотр целого ряда гражданских прав, в том числе свободы мнений и анонимности. И книга Арндта Фрайтага фон Лорингхофена и Леона Эрленхорста является приглашением к широкой и серьезной дискуссии на эту тему.

Игорь Грецкий

Гибридная война и будущее демократий

В состоянии ли внешняя сила, не прибегая к вооруженному нападению, разрушить зрелую демократию? Способна ли она навязать злую волю сложившейся гражданской нации и правовому государству? Может ли развалить союзы демократических государств? Вполне возможно, что может. Уязвимость развитых демократий перед лицом внешнего вмешательства со стороны автократий становится одним из центральных сюжетов текущего столетия.

Об этом книга фон Лорингхофена и Эрленхорста «Путин атакует Германию». Авторы глубоко знают предмет. Первый — опытный германский дипломат с опытом работы в разведке. Второй — профессиональный исследователь современных методов и инструментов пропаганды. Книга написана по-немецки основательно, с использованием огромного фактического материала и крепких теоретических подходов, что обеспечивает убедительность и доказательную силу.

Авторы считают нынешнюю Россию более опасной для Германии и Европы, чем поздний Советский Союз. Это так. После 1975 года, подписания Заключительного акта в Хельсинки, Москва по-прежнему осуществляла подрывные операции на Западе (пропаганда, дезинформация, финансирование дестабилизирующих сил), но далеко не в таких масштабах, как сегодня. Задача разрушения Запада как военно-политической и общественной системы в те годы не ставилась. Доминировал подход Хрущева — Брежнева о «мирном сосуществовании» антагонистических систем. Росли торговля, инвестиции и культурные связи. Гонка вооружений в 1970-е — начале 1980-х шла полным ходом, однако была направлена на сдерживание, а не на прямую подготовку к большой войне.

В наши дни положение дел принципиально иное. Цели Москвы теперь амбициознее. Речь идет о целенаправленном подрыве западных демократических систем и гражданских обществ, разрушении военно-политических альянсов и экономических интеграционных объединений. В Кремле верят в неизбежный исторический упадок Запада, в неотвратимое торжество незападных автократий, таких как Россия, Китай и Иран. Мирное сосуществование отброшено. Конечная цель — не просто ослабление «недружественных государств» и союзов, но их демонтаж и историческое поражение.

Но почему от мирного сосуществования Кремль позднего СССР перешел не просто к новой холодной войне, но двинулся гораздо дальше — к гибридной войне на разрушение и поражение противника? Как замечают авторы книги, «восстановление империи заменило модернизацию страны в качестве главной государственной задачи». Однако дело не сводится к возрождению имперских амбиций, борьбе за статус

«великой державы», возврату территорий и имперских зон влияния. Тем более речь не идет об отражении мифических «угроз безопасности».

Корень политики путинского Кремля — в желании сокрушить жизнеспособную и привлекательную альтернативу диктатуре. Пока существуют развитые успешные демократии, в которых люди живут свободно и зажиточно, под диктатурами никогда не будет прочной социальной почвы. Пример других стран, в которых возможно жить при защищенных правах, экономическом благополучии и регулярно сменяемых властях, всегда будет ставить легитимность диктатур под сомнение. Ведь в присутствии демократий неясно, на каком основании диктаторы лишают людей свободы и даже жизни, ограничивают права и держат в бедности. Когда в демократических странах новые лидеры сменяют прежних и это не приводит ни к чему плохому, становится невозможным объяснить пребывание у власти одних и тех же лиц. Демократии свидетельствуют — можно благополучно жить в мире и достатке без ужасных издержек диктатур. «В центре путинского мышления, — пишут авторы, — сохранение собственной власти. Этой цели подчинено все: и внутренние репрессии, и агрессивная внешняя политика».

Наличие успешных демократий по соседству нестерпимо для диктатур, потому что рано или поздно делает диктатуры нестерпимыми для народа. Разрушение демократий является условием долговечности диктатур. Здесь исток внешней политики Путина и гибридных войн. Авторы книги хорошо прослеживают, как методы и принципы, разработанные в прошлом в недрах ленинско-сталинского Коминтерна, ВЧК — ОГПУ, а после НКВД и КГБ, возродились в современных практиках. Они были значительно расширены с использованием новых технологий — интернета, социальных сетей и искусственного интеллекта.

В 2013 году глава Генштаба РФ В. Герасимов представил новую военную доктрину гибридной войны. В ней меры невоенного характера (политические, экономические, информационные, гуманитарные методы, использование протестного потенциала населения страны-противника) были признаны не менее, а порой и более эффективными, чем применение военной силы. Россия доказывает эффективность этих методов на практике во многих странах. «Из триады — соответствующий опыт в области подрывной деятельности и манипуляций, реваншистская великодержавная политика, виртуозное использование новых цифровых технологий — возникла взрывоопасная смесь, несущая в себе опасность для Европы и всего мира» (с. 70).

Демократии в особенности уязвимы для гибридных войн, ведущихся умелыми руками. Свобода мнений и слова в них гарантирована, как и свобода распространения информации и политической деятельности.

В Кремле верят в неизбежный исторический упадок Запада, в неотвратимое торжество незападных автократий

Но всегда есть миллионы недовольных правительством и состоянием экономики. Множество людей не обладают достаточным критическим рациональным мышлением и склонны верить в эзотерику, конспирологические теории и теории заговоров. Поэтому всякое потрясение и любой кризис легко можно использовать для тиражирования пропаганды и дезинформации, ловко смешивая правду и ложь и распространяя миллионы фейков.

Сила демократий — свобода и права человека — оборачивается слабостью перед лицом внешнего вмешательства. Демократии не могут пойти путем диктатур и ввести ограничения на свободы слова, мнений и информации, запретить оппозицию. Это делает их легкой мишенью

*Демократии
в особенности уязвимы
для гибридных войн,
ведущихся умелыми
руками*

для гибридных войн со стороны диктатур.

Авторы книги приводят много примеров манипулирования и дезинформации, исходящих из Москвы. В советские времена создавались и распространялись ложные нарративы о причастности ЦРУ к созданию вируса СПИДа, об агрессивной природе западных прави-

тельств, о «борьбе за мир» в СССР. Теперь в дело идут вымышленные истории о массовых изнасилованиях немок мигрантами, об искусственном американском происхождении коронавируса, угрозах России со стороны НАТО, о Западе — виновнике войны в Украине, вредности европейской интеграции, катастрофическом упадке немецкой экономики и другие. После 2022 года проводится кампания по демонизации украинских беженцев и против поставок оружия Киеву. «Но затрагиваются и многие другие темы — коронавирус, миграция, энергетика, климат, поддержка экстремистских партий и война в Газе. Любая тема годится, если ее можно использовать для дестабилизации Германии и создания замешательства в немецком обществе». Все это вместе работает на разобщение общества, подрыв доверия к правительству и демократии, на рост популярности экстремистских партий.

Авторы с фактами в руках доказывают, что нарративы Кремля задаются выступлениями Путина, а затем распространяются под контролем администрации президента. Созданы институты продвижения пропаганды и дезинформации — от государственных СМИ Russia Today и Sputnik до «фабрик троллей» с тысячами сообществ и аккаунтов в социальных сетях, которые фабрикуют миллионы пропагандистских и дезинформирующих сообщений на многих языках. Также создана сеть «агентов влияния» Кремля на Западе, выполняющих поручения «кураторов». В арсенале гибридной войны кибератаки и «активные мероприятия» спецслужб. В реализации «активных мероприятий» задействованы несколько спецслужб, тесно координирующих свою деятельность.

Угроза демократии реальна и велика. Наблюдается рост иррациональных, эзотерических настроений, популярности конспирологических

Яни Русцика (Jani Ruscica). Выставка «Ломая суставы». 2025

теорий. Сокращается поддержка традиционных центристских партий, на первый план выходят экстремистские партии, разделяющие антидемократические, антизападные взгляды. Падает доверие к демократическим институтам и процедурам. Растет скепсис в отношении ЕС и НАТО. В ряде стран Европы критики западных институтов и ценностей уже пришли к власти или могут сделать это в ближайшем будущем. В значительной мере опасные тенденции объективно отражают затяжной поликризис — множественность кризисов, протекающих одновременно. Однако нет сомнений, что отчасти эти явления вызваны успехом российской гибридной войны.

В Кремле могут верить, что война идет успешно и победа не за горами. Это дополнительно стимулирует эскалацию гибридных операций.

Что и происходит, как показывают авторы книги, в отношении Германии. Авторы считают, что масштаб угрозы до сего дня не осознается политиками и обществами на Западе и в Германии. Тем более нельзя говорить о выработанной стратегии и механизмах противодействия. Изучив опыт других стран (Франции, Швеции, Украины), они предлагают ряд решений. Для создания «обороноспособной демократии» советуется сформировать широкий арсенал оборонительных и наступательных мер и не бояться их активно применять.

Рекомендуется определить гибридную войну как первоочередную проблему национальной безопасности. Выделить значительные средства на борьбу, создать специальные органы и институты противодействия. Работа должна охватить все форматы — от «Телеграма» до «Ютьюба» и «ТикТока». В них должны постоянно отслеживаться вбросы пропаганды и дезинформации, выявляться источники фейков. Не-

*Масштаб угрозы до сего дня
не осознается политиками
и обществами на Западе
и в Германии*

обходимо привлечь значительное число экспертов по искусственному интеллекту. Потребуется массовое информационное обучение в школах для выработки навыков распознавания пропаганды и дезинформации. Медиаграмотность должна

преподаваться во всех учебных заведениях, среди всех слоев и возрастных групп. Необходима быстрая и массированная реакция на дезинформацию и пропаганду. В противодействии гибридной войне не обойтись без тесного сотрудничества государства с гражданским обществом и бизнесом. Не обойтись и без усиления защиты ИТ-инфраструктуры и критически важной инфраструктуры, без дополнительных мер по идентификации пользователей и защиты от ботов. На международном уровне следует добиться от социальных сетей более строгого регулирования в части фейков и дезинформации. В частности, обязательной маркировки ИИ-контента.

Центральный принцип — работа оборонительных и наступательных механизмов без вмешательства в контент. Это защитит демократию и свободу и одновременно поможет сократить воздействие гибридной войны.

Автократии не жалеют сил и средств на разрушение либеральных демократий, пока демократии продолжают спать. Автократам, чтобы выжить, требуется уничтожить или полностью скомпрометировать демократическую альтернативу. Книга А. Ф. фон Лорингхофена и Л. Эрленхорста является первой на Западе, где подробно разобрана грозящая опасность и предложены меры защиты и контрборьбы. Будущее демократии на Западе во многом зависит от того, будет ли она прочитана, понята и примут ли в работу ее рекомендации.

Владимир Рыжков

Контрапункт

Основатели поневоле

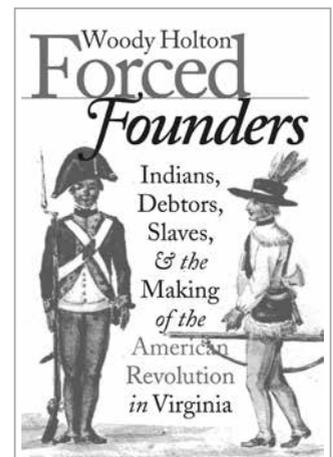
Какими навыками должны обладать будущие российские реформаторы, чтобы им удалось по-настоящему — всерьез и надолго, но в хорошем смысле — улучшить страну? Должны ли они разбираться в экономике на уровне нобелевских лауреатов? Иметь уникальный — один на миллиард — набор управленческих компетенций? Обладать опытом жизни в странах, где главы государства приходят и уходят в результате выборов? И как быть с моралью? В России любят подолгу рассуждать о морали. Должны ли реформаторы стремиться к безупречной нравственной чистоте? Готовность стать мучеником или мученицей — это обязательно или можно обойтись? А вот еще культура: могут ли перемены в России быть успешными, если умы реформаторов будут свободны от знаний об истинных причинах неприязни Тургенева к Толстому?

В книге профессора Вуди Холтона «Принудительные основатели: индейцы, должники, рабы и происхождение Американской революции в Вирджинии» утверждается, что по крайней мере основателям США никаких особенных навыков и добродетелей не понадобилось. Автор считает, что и Вашингтон, и Джефферсон, и десятки их близких и дальних соседей по штату Вирджиния приняли участие в революции не потому, что как-то особенно сильно мечтали о независимости, свободе, равенстве и братстве. Как пишет автор, основатели стали основателями по очень прозаичным причинам: под давлением обстоятельств, в основном экономических и связанных с личной безопасностью.

Мечты о свободе у них, безусловно, были, однако это были именно мечты, а не планы. В личных переписках они охотно и подробно рассуждали о Римской республике. Дискуссии в лондонских журналах о том, как могло бы выглядеть государство, где не стыдно платить налоги, им были крайне интересны.

Максим Горюнов,
философ

Holton W. *Forced Founders: Indians, Debtors, Slaves, and the Making of the American Revolution in Virginia*. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press, 1999.

Но не настолько, чтобы ради теоретических дискуссий ввязываться в многолетнюю рискованную войну.

Они начали Войну за независимость, потому что не могли себе позволить ее не начать, считает автор. На тот момент это был лучший вариант из возможных. Накануне революции ситуация в колониях была

Выходя из состава империи, основатели думали о благополучии своего потомства не меньше, чем о метафизике прав человека

настолько непредсказуемой, а Лондон вел себя так грубо, что даже у самых лояльных подданных британского короля выбор оказался небольшой: или они объявляют независимость и пишут собственную конституцию, или их ждет постепенное, но неизбежное разорение.

Разоряться они не собирались, даже если и постепенно. Спускаться вниз на социальном лифте тоже не хотелось. Эмиграция куда-

нибудь в Нидерланды не выглядела решением, за которое им будут благодарны внуки и правнуки. В результате они выбрали (им пришлось выбрать, как настоятельно утверждает автор) независимость от короля. Выходя из состава империи, основатели думали о благополучии своего потомства не меньше, чем о метафизике прав человека, — это важный тезис книги. Автор делает акцент на том, что на самом деле основатели парили в мире идей не так высоко, как того требуют в России. Несмотря на роли в мировой истории, которые им пришлось сыграть, они были обычными, негероическими персонажами, искренне озабоченными частными интересами своих семей и своих друзей.

Отказ разбираться с рабовладением и планы по захвату новых и новых территорий у коренных народов говорят нам о том, насколько несовершенными были отцы-основатели с моральной точки зрения. Не будет большой ошибкой назвать их приземленными — смертельное оскорбление для многих российских сторонников демократии. И они точно не были гениями. Некоторые решения отцов говорят скорее об обратном. Автор отдельно подчеркивает: они рисковали — в отдельные моменты довольно сильно, но этот риск был рассчитанным, без азарта ради азарта в духе игры в казино. И даже так: если бы Лондон вел себя разумнее, основатели легко пошли бы на компромисс. При иных обстоятельствах и они, и многие из их друзей были бы счастливы получить аудиенцию у их величества. Выражаясь проще, они не были фанатиками; у них не было миссии «изменить мир». Как сказал бы Маяковский, эти люди были плохим материалом для гвоздей.

Собственно, это и делает книгу достойной внимания читателей из бывших советских стран: нам сложно вообразить сценарий, при котором авторами удавшихся перемен становятся совсем не святые даже по меркам того времени. Книга вышла в 1999 году в издательстве для специалистов по ранней истории Штатов и через год, в 2000-м, получила престижную премию от Общества американских историков

(Organization of American Historians). О Вуди Холтоне следует знать, что он профессиональный историк, лауреат нескольких премий. Небесполезная деталь биографии: его отец был губернатором штата Вирджиния от республиканцев, а его сестра замужем за губернатором Вирджинии от демократов.

Автор утверждает, что демократия в его родной Вирджинии получилась, в общем, случайно и опасения крупных землевладельцев по поводу их финансовой безопасности сыграли куда более заметную роль, чем принято думать. Сразу следует оговориться: рассуждая об интересах имущих, Холтон ни разу не оспаривает искренность их публичных выступлений во время революции. Вуди Холтон настоятельно подчеркивает: речи о свободе из уст вирджинских лендлордов, каковыми были Джефферсон, Вашингтон, Мэдисон и другие, нельзя считать всего лишь прикрытием их экономических и политических интересов.

Автор предлагает нам более сложную картину. С его точки зрения, у основателей были одновременно и политические, и экономические, и культурные, и социальные мотивы — и их вес не стоит недооценивать. Они действительно собирались сделать жизнь лучше. И вовсе не только для себя и своих потомков. Для понимания революции в Америке важны все мотивы сразу; избирательного анализа, основанного на личных предпочтениях исследователя, недостаточно.

Джефферсона иногда называют «герольдом свободы». Как это сочетается с тем, что у него были десятки невольников? В какой момент он был настоящим — когда писал свое очередное письмо о свободе или когда отправлял раба доставить это письмо своему другу-рабовладельцу? Нам трудно — или невозможно — представить картину, в которой мечты Джефферсона о достойном государстве идут рука об руку со стремлением сохранить благополучие собственной семьи, даже если оно основано на принудительном труде и сломанных судьбах многих и многих поработанных.

Вуди Холтон называет эту ситуацию одним из многих парадоксов Американской революции. Рабовладельцы-освободители — чем не сюжет для когнитивного диссонанса? С точки зрения автора, противоречие снимается, если уточнить границы «мы», к которому причислял себя Джефферсон. Употребляя в текстах местоимение «мы», автор Декларации о независимости почти всегда имел в виду людей одного с ним класса. Всех их он знал либо лично, либо через несколько рукопожатий. Вряд ли Джефферсон, употребляя «мы», обращался к бедному эмигранту из горной шотландской деревни, говорящему на кельтском и связанному многолетним контрактом, который он подписал, чтобы выплатить долг за путешествие через океан. Как бы печально это ни звучало, так вы нормы второй половины XVIII века.

*Американские парадоксы
позволяют российскому
читателю уточнить
возможные сценарии
перемен в России*

Американские парадоксы тем не менее позволяют российскому читателю уточнить возможные сценарии перемен в России. Если перемены в британских колониях произошли, несмотря на тот факт, что их авторы были так далеки от моральной безупречности, то свобода в России становится не такой уж и невозможной. Двести пятьдесят лет назад люди, благополучие которых было построено на практиках, абсолютно безнравственных с нашей точки зрения, могли написать и ввести в оборот конституцию, начать по ней жить и обойтись без хаоса и диктаторов. Помимо прочего, это значит, что для перемен обществу не нужны ангелы. Иногда достаточно инстинкта самосохранения тем, кому есть что терять. Свои тезисы Вуди Холтон подкрепляет анализом политической и экономической ситуации в колониях перед тем, как благонадежные подданные, начиная с самых привилегированных, решились стать гражданами.

Перед революцией жители Вирджинии были обеспокоены массовым ввозом рабов. Дело было не столько в морали, сколько в безопасности. Интенсивная работоторговля грозила изменить демографию колонии, сделать белых меньшинством в окружении враждебно настроенного черного большинства. У труда, построенного на принуждении, есть обратная сторона: постоянная угроза восстания. Это могла быть одиночная попытка мести. Это мог быть стовор нескольких человек. Это мог быть массовый бунт. У тех, кого насильно перевезли через океан, насильно привели на плантации, насильно принуждают к тяжелым работам, есть довольно много поводов для насилия в ответ на насилие. Невольники активно помогали всем, кто угрожал британским колонистам. Во время конфликтов с соседними французскими поселениями порабощенные охотно оказывали содействие французской армии, ожидая в награду свободу. То же самое происходило во время набегов коренных жителей. Индейские племена довольно скоро научились использовать желание рабов отомстить своим работодателем.

Колониальная администрация никогда не скрывала, что в случае открытого неповиновения корона готова освобождать и вооружать невольников. В итоге, кстати, так и произошло. В самом начале революционных событий генерал-губернатор Вирджинии, назначенный на этот пост королем, собрал эфиопский полк, состоявший из рабов, бежавших от сторонников независимости. Попытки колонистов добиться от метрополии если не ограничений на ввоз рабов, то хотя бы повышения пошлин ни к чему не привели. Слухи о готовящихся массовых восстаниях невольников были достаточно правдоподобными, чтобы вынудить землевладельцев задуматься о независимости. Выход из состава империи давал им прямой контроль над ситуацией.

Другая проблема — монополия британских торговцев. Колонисты Вирджинии выращивали табак, но не имели возможности продавать его европейским потребителям напрямую. Закупкой, перевозкой и сбытом

табака по ту сторону океана занимались британцы; цена на табак в американском порту и цена на табак в Европе отличались многократно. Кроме того, после уплаты пошлин у колониста на руках оставалось всего две трети от и так небольшой полученной суммы. Цены на промышленные товары продолжали быть высокими, поскольку их ввозом в колонию занимались снова торговцы из Бристоля и Ливерпуля. Лондон активно препятствовал развитию мануфактур в Новом Свете: не имея альтернативы, колонисты вынуждены были покупать британские ткани и иглы, несмотря на заоблачные цены. Протесты американцев против нечестных правил игры принимали разные формы, включая бойкот товаров из королевства. Бойкот зашел так далеко, что дамы из лучших семей Вирджинии в знак поддержки начали заказывать себе индейские мокасины вместо лондонских туфель. Независимость открыла бы перед производителями табака возможность торговать с европейцами без посредничества британцев. Что еще важнее, можно было бы открывать производства в Америке и тем самым снизить цены в разы.

Одним из важных источников дохода колонистов были новые территории, купленные или отнятые у коренных жителей

Следующий аспект — одним из важных источников дохода колонистов были новые территории, купленные или отнятые у коренных жителей. Перепродавая земли новым поселенцам, многие американские политики первого поколения сделали себе состояние. Среди них был, помимо прочих, первый президент страны, Джордж Вашингтон.

Надежные дороги в Новом Свете появятся еще нескоро — до тех пор самым удобным транспортом были реки, что существенно ограничивало количество земель, имеющих коммерческую стоимость. Спрос на землю был высоким, в том числе и потому, что табак быстро истощал почву. У мелких фермеров не было ресурсов на дорогостоящие и трудоемкие процедуры по восстановлению плодородия. Гораздо дешевле было распахать новый участок. Британия не любила, когда поселенцы сами основывали поселения. Для Лондона каждое новое поселение — это вероятный конфликт с соперниками: Францией, Испанией, Португалией. Войны становились все дороже, и перспективы непредвиденного опустошения казны делали метрополию более миролюбивой. По крайней мере, более разборчивой в поводах к объявлению войны.

Чтобы не провоцировать конфликт, британские власти ввели запрет на поселения на западе. Для рядовых колонистов этот запрет мало что значил. По словам современника, которые приводит автор, даже Китайская стена и миллион солдат на ней не остановили бы желающих уйти на запад в поисках более удобного места для жизни. Три века назад ни одно правительство не могло по-настоящему контролировать границу за три тысячи миль от столицы. Пользуясь слабостью метрополии, небольшие партии переселенцев пересекали установленную границу, когда считали нужным.

У крупных землевладельцев ситуация была иной. Им нужны были легальные возможности, чтобы приобретать, сдавать в аренду или перепродавать по-настоящему большие участки. Запрет наносил прямой урон их интересам. Буквально накануне революции Вашингтон и Джефферсон в очередной раз потеряли инвестиции, не получив разрешения на новые участки за пределами их штата. Независимость, что легко понять, развязывала им руки. Без контроля короля и парламента они могли взять столько земли, сколько позволяли возможности. И поверх всех этих проблем Вирджиния переживала затяжной экономический

Вероятность, что король передумает, войдет в положение колонистов, растаяла, и им пришлось стать основателями демократии

кризис, который начался в результате последствий Семилетней войны с Францией. Цены на табак упали, пошлины остались на том же уровне, цены на товары из Британии выросли. Ухудшая общую ситуацию, парламент одобрил серию новых налогов для выплат астрономических долгов, сделанных во имя победы над Францией.

На этом фоне, по словам автора, многие знакомые будущих отцов-основателей, люди одного с ними класса, не могли выплатить собственные накопленные долги. Многие стали банкротами. Были известны случаи самоубийств, попытки спрятаться от кредиторов на индейских территориях и даже ограбить банк с помощью вооруженных невольников. Легальные способы изменить ситуацию ни к чему не привели. Когда жители северных колоний перешли к нелегальным, британская администрация применила в ответ силу и стала еще враждебнее. Вероятность, что король вдруг передумает, войдет в положение колонистов и предложит более разумную сделку, таяла на глазах, и, когда растаяла, колонистам пришлось стать основателями демократии.

Процедуры, которые создают предсказуемость

Проект, который был на уме у основателей, ярко описала гарвардский историк Джилл Лепор в прологе к своей книге «Эти истины: история Соединенных Штатов», вышедшей в 2018 году*. Если в будущем читающая публика решит, что ее объяснение является одним из самых доступных или даже самым доступным, в этом будет смысл.

Утром 30 октября 1787 года читатели нью-йоркской газеты The New-York Packet могли ознакомиться с прогнозом погоды, таблицей восходов Солнца и Луны, таблицей продолжительности светового дня и в качестве бонуса недавно принятой Конституцией Соединенных Штатов. Для Джилл Лепор это соседство конституции с расписанием смены дня и ночи имеет принципиальное значение. Конституция делала политическую жизнь предсказуемой, как прогноз погоды дает возможность

* Lepore J. These Truths: A History of the United States. W. W. Norton & Company, 2018.

The New-York Packet.

T R O S T Y R I U S Q U E N O B I S N U L L O D I S C R I M I N E A G E T U R. *Virg.*

T U E S D A Y, O C T O B E R 30, 1787. [N° 745.]

ASSIZE OF BREAD.		H I G H - W A T E R.		P R I C E - C U R R E N T, i n N E W - Y O R K.	
Monday	10 Min. after 6	Friday	10 Min. after 9	Flour per bushel,	37 1/2
Tuesday	10 Min. after 6	Saturday	12 Min. after 10	Indian Corn,	17 1/2
Wednesday	10 Min. after 7	Sunday	12 Min. after 11	Flour, common 20/100,	37 1/2
Thursday	10 Min. after 8			Brown Bread,	25 1/2

JUST PUBLISHED,
And to be Sold by the Printers hereof,
The Columbian Almanack,
AND
E P H E M E R I S
Of the Motion of the Sun and Moon; the true
Places and Aspects of the Planets; the Rising
and Setting of the Sun; the Rising, Setting,
and Soathing of the Moon.
For the Year of our Lord,
1788:
Being Bissextile, or Leap-Year, and the twelfth
of American Independence.
Calculated for the Meridian of the Middle States,
particularly New-York.
Containing also,
The Latitudes, Conjunctions, Eclipses, Judgment
of the Weather, Rising and Setting of the
Planets, Length of Days and Nights,
Comets, Rains, &c. Together with several
Tables, and Pieces of Instruction and Entertain-
ment, &c. &c.
By **A N D R E W B E E R S, PHILADELPHIA.**
Of Purchases can have the above Almanack
with, or without, the **F O E D E R A L C O N S T I T U T I O N**
agreed.

Just imported in the *Jeane, Cape Martin*, from
Glasgow,
By **SAMUEL CAMPBELL,**
No. 44, Hanover-square, corner of the Old-Ship-
A large assortment of
B O O K S,
Among which are,
THE present State of Nova-Scotia, with an account
of Canada; and Whitaker's vindication of
Mary, Queen of Scots; 2 v. Misa Greville, a new
novel; 2 vol. Arjatho, or the Wanderer, 2 vol.
Marian, or the Gazerous Ruelle; Miller on Infection;
Alexander's history of Women; Balthus's
Ephemeris; Blair's Lectures, 2 vol. Sully's Me-
moires, 2 vol. Cullen's Prædices, 2 vol. New-Edin-
burgh Dispensary; Smith's Cookery; Martin's
Young Gentlemen and Ladies Philology, 2 vol.
A variety of the best Classics now in use.

S. Campbell has this day published,
GULLIVER REVIVED,
CONTAINING singular travels, campaigns,
voyages and adventures, in Russia, Sicily,
Turkey, Egypt, Gibraltar, up the Mediterranean,
and on the Atlantic ocean: Also an account of a
voyage into the moon, with many extraordinary
particulars relative to the cooking animal in that
planet, which are here called the human species
by Baron Munchausen; the all editions, carefully
enlarged.

NOTICE is hereby given, according to the
form of an act of the Legislature of the late
colony of New-York, entitled, "An act for the
more effectual registry of mortgages, and for secur-
ing the purchasers of mortgagegall estates," passed the
12th day of March, in the year of our Lord, 1784;
that on the fifth day of March next ensuing the
date hereof, at 12 o'clock in the forenoon of the
same day, will be sold at Public Auction, upon the
premises, the fee simple of all that certain messuage
or dwelling house and lot of grounds bounded and
being in the north ward of the city of New-York,
on the northerly side of a certain street called and
known by the name of Little-Queen-street; bound-
ed fourteery in front on East Street, easterly on the
house and ground now or late of Thomas Marbois,
westerly in the rear on the ground now or late of
John Livingston and others, and westerly on the
New-Dutch Church yard; the said dwelling house
and lot of grounds, containing in breadth in front
and rear, twenty-three feet and an half, and in
length, on each side, ninety-six feet, together with
the outhouses and buildings thereon erected
and being, and all gardens, yards, wells, back lots,
ways, paths, passages, easements, profits, common-
rights, advantages, priviledges, hereditaments and
appurtenances to the said dwelling house and lot of
ground belonging, or in any wise appertaining—
which title will be made in virtue of a mortgage,
the said premises, by indentures of lease and release,
bearing date the twenty sixth and twenty second
days of October in the year of our Lord, one

By order of the Honorable Richard Morris, Esq.
Chief Justice of the State of New-York.
NOTICE is hereby given in David Greene,
George Jackson, Arthur Forsyth, Richard
Willis, the Rev. Thomas Dampier, John Elwes,
and Richard Willis executors, in trust for Mary the
wife of William Croffles, John Elwes in his own
right, Patrick Crawford and Gilbert Weston, exec-
utors of James Crawford, deceased; Elizabeth
Mure, Robert Mure, and Richard Anderson, joint
partners, John Davell, William Robertson, Neal
Ward, Mary Steich, Lucy Steich, William Ber-
ry, Peter Hafreweve and Charles Croffles, late
partners with Andrew Seaton (who is become bankrupt)
under the Bill or form of Hainswever, Seaton
and Croffles; also the said Andrew Seaton, the said
William Robertson, Miles Nighampole, and the
said Richard Willis, as assignees of the estate and
effects of the said Andrew Seaton, upon the said
composition of bankruptcy, and the said Peter Ha-
rewever in his own right, now or late associated
in a company generally known by the name, firm
and designation of the American Iron Company, or
the Rigwood Company, absent debtors, and to all
others whom it doth or may concern; that upon
application and due proof made to the said Chief
Justice, pursuant to a Statute of the Legislature of
the State of New-York, entitled, "An act for re-
lief against absconding and absent debtors," passed
the 4th of April, 1786, he the said Chief Justice
has issued his warrant to the Sheriff of the county
of Westchester, commanding him to attach, seize,

The New-York Packet. 30 октября 1787

вовремя захватить зонтик или выбрать шарф потеплее. Благодаря этому новому документу смена глав страны, смена представителей в парламенте и многое другое переставало быть игрой случая.

В Старом Свете политическая власть все еще оставалась непредсказуемой. Цари в России, несмотря на их полубожественный статус, уходили и приходили в результате дворцовых переворотов, предсказать которые могли только очень «посвященные в дела» люди.

Император Иоанн VI, свергнутый в 1741 году будущей императрицей Елизаветой, всю жизнь провел в заключении и был убит в 1764-м. В 1762 году был убит император Петр III: убийцами были сподвижники его жены, императрицы Екатерины II.

Его сын, император Павел I, был убит в 1801 году сторонниками его сына, Александра I. В 1825-м при переходе власти от Александра I к Николаю I случилось восстание декабристов, которое ни к чему не привело, однако создало неопределенность. Император Александр II был убит политическими сектантами в 1881-м. Наконец, последний император, Николай II, был убит в 1918-м, но не следующим императором, а марксистами — кто мог ожидать такого в империи, где мало кто умел читать и писать?

Тот факт, что марксисты будут сидеть в Кремле долгих семьдесят с лишним лет, — насколько предсказуемым был этот сюжет? А что в один прекрасный день марксисты решат стать дикими капиталистами? И что потом дикими капиталисты вдруг откроют для себя прелести французского традиционализма и винтажного белоэмигрантского евразийства?

Конституция, напечатанная в The New-York Packet, надежно защищала граждан от такого сорта приключений. Больше никаких дворцовых переворотов и убийств. Вместо них процедуры, расписание, снова процедуры, которые все вместе создают предсказуемость. Прочитав конституцию, американцы могли сказать, когда у их праправнуков будет возможность переизбрать себе президента. Возможность такого прогноза по сравнению со стремительными каруселями российской истории, которые ни на секунду не замедляют свой головокружительный бег, — это гигантский шаг в сторону разума. Который, как скромно замечает Лепор, был не без греха и с порцией лицемерия. Равенство — один из трех основополагающих принципов конституции — было при этом не гарантировано женщинам и тем, кого насильно привезли из Африки, также вне конституционных гарантий остались и коренные жители. Были и

*Прочитав конституцию,
американцы могли сказать,
когда у их праправнуков
будет возможность
переизбрать себе президента*

другие группы — много групп, — чье равенство было скорее формальным и только на бумаге.

Тем не менее американские вынужденные революционеры смогли запустить процесс, и в результате рабство было запрещено, женщины получили

политические права и, помимо прочего, на свет появился искусственный интеллект. И все это не без компромисса, не без лицемерия, не без учета интересов своих семей.

Первый президент будущих Соединенных Штатов Америки, Джордж Вашингтон, в своем завещании не отпустил своих рабов. Согласно его воле, они могли получить свободу только после смерти вдовы президента, Марты Вашингтон. Предполагается, что таким образом он гарантировал ее благополучие — хороший пример, как основатели совмещали принципы, указанные в конституции, с интересами своей семьи. Марта Вашингтон, надо отдать ей должное, отпустила рабов сразу. Согласно одной из версий, у нее были основания опасаться за свою жизнь: учитывая желание невольников стать свободными, ее смерть могла наступить раньше времени.

Морально спорные компромиссы основателей регулярно вызывают недоумение у молодых жителей Северной Америки и Европы. Держать сотни людей в неволе, пока супруга первого президента не убедится, что ее финансовая ситуация стабильна? И это свобода?! Что касается счастливых обладателей российских паспортов, измученных очередным витком кремлевских загогулин, то сам факт, что у морально небезупречного Вашингтона получилось запустить страну без «русских горок», — это скорее благая весть.

О письме М. А. Булгакова я прочитал еще в начале 1960-х после того, как организовал в Институте философии АН СССР вечер, посвященный напечатанному в журнале «Москва» роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», пригласив на него Елену Сергеевну Булгакову, его вдову.

Републикуя письмо, я хотел бы напомнить, что это было не единственное протестное событие в СССР в 1930-е годы.

Ю. С.

Письмо Правительству СССР*

Михаила Афанасьевича Булгакова
(Москва, Б. Пироговская, 35-а, кв. 6)

Я обращаюсь к Правительству СССР со следующим письмом:

1

После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет.

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет. Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

2

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных — было 3, враждебно-ругательных — 298.

* Это письмо (как и его последствия — разговор Сталина с Булгаковым по телефону и прием его на работу во МХАТ) упоминается в недавно изданной книге Виолетты Гудковой:

https://www.nlobooks.ru/books/nauchnaya_biblioteka/28169/?sphrase_id=955514.

Полностью оно впервые появилось в журнале «Грани» (1967), затем в «Новом мире» (1987, № 8), а также было опубликовано в пятитомнике Булгакова (М.: Художественная литература, 1990. Т. 5. С. 443–450, комм. с. 696).

https://imwerden.de/pdf/bulgakov_sobranie_sochineny_v_5_tomakh_tom5_1990__ocr.pdf

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы «Дни Турбиных» Алексея Турбина печатно в стихах называли «сукиным сыном», а автора пьесы рекомендовали как «одержимого собачьей старостью». Обо мне писали как о «литературном уборщике», подбирающем объедки после того, как «наблевала дюжина гостей».

Писали так:

«...Мишка Булгаков, кум мой, тоже, извините за выражение, писатель, в залежалом мусоре шарит... Что это, спрашиваю, братишечка, мурло у тебя... Я человек деликатный, возьми да и хрястни его тазом по затылку... Обывателю мы без Турбиных, вроде как бюстгалтер собаке без нужды... Нашелся, сукин сын. Нашелся Турбин, чтоб ему ни сборов, ни успеха...» («Жизнь искусства», № 44–1927 г.).

Писали «о Булгакове, который чем был, тем и останется, новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы» («Комс. правда», 14/X–1926 г.).

Сообщали, что мне нравится «атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля» (А. Луначарский, «Известия», 8/X–1926 г.) и что от моей пьесы «Дни Турбиных» идет «вонь» (стенограмма совещания при Агитпропе в мае 1927 г.), и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я не с тем, чтобы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель — гораздо серьезнее.

Я не доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР совершенно права.

3

Отправной точкой этого письма для меня послужит мой памфлет «Багровый остров».

Вся критика СССР, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она «бездарна, беззуба, убога» и что она представляет «пасквиль на революцию».

Единодушие было полное, но нарушено оно было внезапно и совершенно удивительно.

В № 22 «Реперт. Бюл.» (1928 г.) появилась рецензия П. Новицкого, в которой было сообщено, что «Багровый остров» — «интересная и остроумная пародия», в которой «встает зловещая тень Великого

Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские подхалимски-нелепые драматургические штампы, стирающего личность актера и писателя», что в «Багровом острове» идет речь о «зловещей мрачной силе, воспитывающей илотов, подхалимов и панегиристов...». Сказано было, что «если такая мрачная сила существует, негодование и злое остроумие прославленного драматурга оправдано».

Позволительно спросить — где истина?

Что же такое, в конце концов, «Багровый остров» — «убогая, бездарная пьеса» или это «остроумный памфлет»?

Истина заключается в рецензии Новицкого.

Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» — пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать невозможно. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция.

Но когда германская печать пишет, что «Багровый остров» — это «первый в СССР призыв к свободе печати» («Молодая гвардия», № 1-1929 г.), — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, — мой писательский долг, так же, как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

4

Вот одна из черт моего творчества и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я — мистический писатель), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении

революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это, занятая малоубедительными сообщениями о том, что в сатире М. Булгакова «клевета».

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления:

«М. Булгаков хочет стать сатириком нашей эпохи» («Книгоша», № 6–1925 г.).

Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М. Булгаков стал сатириком как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немислима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершенной ясностью в статье В. Блюма (№ 6 «Лит. газ.»), и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу:

всякий сатирик в СССР посягает на советский строй.

Мыслим ли я в СССР?

5

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах: «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР.

6

Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за пределами его не искать ничего. Он исполнен совершенно добросовестно.

7

Ныне я уничтожен.

Уничтожение это было встречено советской общественностью с полной радостью и названо «достижением».

Р. Пикель, отмечая мое уничтожение («Изв.», 15/IX–1929 г.), высказал либеральную мысль:

«Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов».

И обнадежил зарезанного писателя словами, что «речь идет о его прошлых драматургических произведениях».

Однако жизнь, в лице Главреперткома, доказала, что либерализм Р. Пикеля ни на чем не основан.

18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, лаконически сообщающую, что не прошлая, а новая моя пьеса «Кабала святош» («Мольер») К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ НЕ РАЗРЕШЕНА.

Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены — работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы — блестящая пьеса.

Р. Пикель заблуждается. Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие, и все будущие. И лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Все мои вещи безнадежны.

8

Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене.

Я прошу обратить внимание на следующие два отзыва обо мне в советской прессе.

Оба они исходят от непримиримых врагов моих произведений и поэтому они очень ценны.

В 1925 году было написано:

«Появляется писатель, не рядящийся даже в попутнические цвета» (Л. Авербах, «Изв.», 20/IX–1925 г.).

А в 1929 году:

«Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества» (Р. Пикель, «Изв.», 15/IX–1929 г.).

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать для меня равносильна погребению заживо.

9

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ.

10

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

11

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу о категорическом приказе о командировании, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили испуг, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и автора, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес о вплоть до сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр — в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, в данный момент, — нищета, улица и гибель.

Москва, 28 марта 1930 года.

TABLE OF CONTENTS

No. 1 (100) 2026

TO THE READER

What Our School Is About
Lena Nemirovskaya 5

FEATURE ARTICLE

The Reckless Self-Confidence of the Evil and
the Fragile Congeniality of the Good
Yuri Senokosov 7

Karl Jaspers: Citizen of the World?
Hannah Arendt 13

“God” vs God: Homo Deus
and the Incarnation
Klaus Mertes SJ, Michael Mertes 25

Preparing for the Final Battle: Apocalyptic
Thinking in the East and the West
Michael Mertes 34

IN SEARCH OF UNDERSTANDING

On the Debates Between Kirill Martynov
and Yulia Galyamina
Olga Krokinskaya 45

Leaping into the New World
Sylvie Kauffmann 48

Discussing the Post-Soviet Human 53

PROPAGANDA AND IDEOLOGY

Russia's Descent into Tyranny. How Four Years
of War Have Remade Society
Nina Khrushcheva 76

THE MECHANICS OF JUSTICE

Transitional Justice for Russia
Nikolai Bobrinsky 85

PREVIEW

Putin's Offence against Germany:
Disinformation, Propaganda,
Cyberattacks
*Arndt Freytag von Loringhoven,
Leon Erlenhorst* 100

BOOKS

How to Survive and Win the Hybrid War
Against Russia
Igor Gretskey 102

Hybrid War and the Future of
Democracies
Vladimir Ryzhkov 106

The Counterpoint
The Involuntary Founders
Maxim Goryunov 111

NOTA BENE

Letter to the Soviet Government
Mikhail Bulgakov 119

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Наши авторы:

Хакан Алтынай

Валдис Биркавс

Максим Горюнов

Гасан Гусейнов

Василий Жарков

Иван Крастев

Бо Ло

Руслан Лошаков

Михаэль Мертес

Анатолий Михайлов

Владимир Рыжков

Мария Снеговая

Нина Хрущёва

Энн Эплбаум